Памяти Рубена Люка Латурета Коэна (1975–2013)



David Cohen

Great Psychologists as Parents

Does knowing the theory make you an expert?





Дэвид Коэн

Руки мыл?

Родительский опыт великих психологов

Перевод с английского



Москва
2018

УДК 159.9:929
ББК 88.1(4/8)-8
К76

Издательство благодарит Наталью Малюкову и Дарью Масленникову за помощь в подготовке книги

Переводчик Елизавета Рыбакова
Научный редактор Светлана Львовна Комарова
Редактор Любовь Любавина



Коэн Д.

К76 Руки мыл? Родительский опыт великих психологов / Дэвид Коэн ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2018. — 251 с.

ISBN 978-5-9614-6505-1

Родители часто ищут ответы на вопросы о воспитании детей в книгах, написанных психологами. Но были ли основатели научных теорий развития ребенка хорошими родителями? Дэвид Коэн в своем исследовании, основанном на письмах, дневниках, автобиографиях и интервью, сопоставляет идеи великих психологов о воспитании детей с тем, как они сами растили собственных отпрысков. Автор рассказывает о семейной жизни 11 ученых, среди которых психоаналитики Фрейд и Юнг, натуралист Дарвин, основатель возрастной психологии Боулби, а также знаменитый доктор Спок. Был ли Жан Пиаже, величайший детский психолог XX в., единственным человеком, который попытался подвергнуть психоанализу свою мать? Кому еще, кроме сына Рональда Лэйнга, приходилось вызволять своего знаменитого отца из полицейского участка? И почему дочь Мелани Кляйн надела красные сапоги в день смерти матери? Небанальный взгляд на историю становления психологии как науки будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

УДК 159.9:929
ББК 88.1(4/8)-8



ISBN 978-5-9614-6505-1 (рус.)
ISBN 978-1-1388-9991-9 (англ.)

Содержание







Предисловие

В августе 1916 г. Зигмунд Фрейд сообщил в письме дочери Анне о том, что он приехал в Бадгастейн, один из самых модных курортов в Европе. Его жена Марта и свояченица Минна прибыли вместе с ним. В этих целебных водах в разное время купались австрийский император, Элеонора Рузвельт, писатель Томас Манн и канцлер Германии Бисмарк, сказавший о Дизраэли на Берлинском конгрессе: «Der alte Jude, das ist der Mann» («Старый еврей, вот это человек!»).

С 1916 по 1923 г. другой старый еврей, Зигмунд Фрейд, каждое лето по несколько недель жил на вилле доктора Антона Вассинга, который брал постояльцев, видимо, потому, что в его врачебных услугах мало кто нуждался. Нынешний гостеприимный хозяин виллы Кристиан Эрлатер показал мне запись от 31 июля 1920 г. — в то время здесь останавливался еще и еврейский фармацевт из Вены. Это было через шесть месяцев после того, как Фрейд пережил трагическую смерть дочери: Софи было всего 27 лет.

На вилле Вассинга ученый работал над двумя книгами. Кристиан показал мне небольшую комнату №17, в которой ночевал основатель психоанализа. «Это та самая кровать, поменяли только матрас», — заметил Эрлатер. Он добавил, что в 1920 г. Фрейда сопровождала не жена, а ее сестра Минна. Комната Минны — №16 — находилась рядом и, как, улыбаясь, заметил Кристиан, соединялась дверью с соседней. Одна

из неразрешенных загадок жизни Фрейда — был ли у него роман со свояченицей. Летом 1920-го, спустя полгода после смерти Софи, он определенно нуждался в утешении.

Переписка Фрейда и Анны, по всей вероятности, отражает близкие, возможно, даже слишком, отношения отца и дочери. Мы не можем судить наверняка, поскольку многие их письма, находящиеся в Библиотеке Конгресса США, запрещены к выдаче до 2056 г. или навечно. Когда Фрейд умирал, Анна сидела у постели отца, убеждая потерпеть еще немного, прежде чем доктор даст ему по его просьбе смертельную дозу морфия. Это была нежная прощальная речь.

В противоположность этому дочь Мелани Кляйн не только отказалась идти на похороны матери, но и надела любимые красные сапоги, чтобы отпраздновать это событие. Эдриан Лэйнг, сын Р. Д. Лэйнга, называл свое детство «дерьмом на лопате». К счастью, не все известные психологи враждовали со своими детьми. Книга посвящена одиннадцати персонажам — психологам, психиатрам и психоаналитикам. Чарльз Дарвин не был ни тем, ни другим, ни третьим, поскольку в его времена этих профессий еще не существовало, но он стал одним из основоположников возрастной психологии.

Во многих отношениях эта книга о столетии неудач. Тысячи психологов изучали, как дети развиваются, что придает им чувство безопасности, незащищенности, уверенности в себе, неполноценности, целеустремленность или апатию, — и нам стоило бы вынести уроки из этих исследований. По идее, психологи знают и видят больше, чем «обычные» люди, и должны уметь использовать свои возможности, чтобы стать хотя бы «достаточно хорошими» родителями — понятие, введенное английским психоаналитиком Д. Винникоттом. Он полагал, что идеальная мать — это «достаточно хорошая мать». Поскольку в западном мире мужчины принимают деятельное участие в воспитании детей, я изменил этот термин на «достаточно

хороший родитель»; такой человек сознательно относится к родительским обязанностям, не пренебрегает своим ребенком, а дарит ему физический и эмоциональный комфорт. Иногда он, конечно, устает от сына или дочери, выбивается из сил и даже покрикивает на отпрыска, когда тот устраивает сцены в супермаркете, требуя газировки. Достаточно хороший родитель — это реальный жизненный персонаж, одновременно самоотверженный и эгоистичный. Временами достаточно хорошие отец или мать почти ненавидят ребенка. Попытки стать идеальным родителем глупы и даже пагубны. Дети познают жизнь, глядя на своих небезупречных родителей, а большинство из героев нашей книги были совсем не ангелами.

Историки относят зарождение психологии как науки к 1879 г., когда Уильям Джеймс открыл лабораторию в Гарварде, а Вильгельм Вундт — в Лейпциге. За прошедшие с тех пор 135 лет психологи наблюдали за детским поведением, вероятно, каждый божий день. Однако то, как они применяли свои идеи в воспитании собственных чад, никто всерьез не изучал. Делая такое заявление, я немного волнуюсь, но, похоже, действительно нет никаких эмпирических исследований о том, какими родителями были великие психологи. Этой темы касаются некоторые мемуаристы, но воспоминания всегда субъективны. Например, Мартин Фрейд в книге «Отраженная слава» (Reflected Glory) рассказал об отце с почтением, а Эдриан Лэйнг в биографии своего отца Р. Д. Лэйнга — совсем наоборот. Натали Роджерс вспомнила об отце в нескольких интервью. Дебора Скиннер Бузан и ее сестра Джулия Варгас написали о своем отце Берресе Скиннере; обе считают его замечательным родителем и опровергают раздающиеся в адрес психолога обвинения, будто он якобы держал их в так называемом «ящике Скиннера», словно крыс или голубей, которых так любят бихевиористы. «Коробка Энни» (Annie's Box) Рэндолла Кейнса, посвященная короткой жизни дочери Чарльза

Дарвина, — также семейная книга: ее написал праправнук автора «Происхождения видов». Праправнучка Дарвина поэтесса Рут Пэйдел сочинила о знаменитом предке несколько стихотворений.

Отсутствие работ, анализирующих родительское поведение знатоков человеческих душ, возможно, имеет печальное объяснение. Дети многих психологов вели беспутную жизнь, яростно критиковали педагогические методы отцов и матерей; некоторые из них выдвигали теории, противоположные родительским. Сэр Ричард Боулби, сын Джона Боулби, основоположника теории привязанности, полагал, что сама идея этой книги отдает «нездоровым любопытством» — выражение, которое он использовал во время нашего неприятного телефонного разговора. Книги по психологии нечасто так характеризуют.

Многим психологам и психоаналитикам были, мягко говоря, чужды условности в общении с детьми. Один из первых психоаналитиков, принцесса Мари Бонапарт, правнучатая племянница Наполеона и тетка герцога Эдинбургского, интересовалась у Фрейда, не стоит ли ей переспать с собственным сыном, поскольку многочисленные любовники ее не удовлетворяли (большинство не оправдавших ожиданий поклонников принцессы были французскими политиками.) Она полагала, что «эдипов оргазм» может спасти положение. Консервативный Фрейд отсоветовал ей нарушать табу кровосмешения. Принцесса послушалась и, что еще более примечательно, не стала настаивать, чтобы сын прошел курс психоанализа.

Фрейд и Мелани Кляйн подвергали психоанализу своих детей. Сегодня это было бы недопустимо, да и на заре психоанализа считалось не вполне подобающим. Фрейд скрывал, что проводил сеансы с дочерью Анной; курс, проведенный Мелани Кляйн с дочерью Мелиттой, не увенчался успехом: они не виделись последние 20 лет жизни Мелани, и, как говорилось выше, Мелитта восприняла день смерти матери как праздник.

Были и менее драматичные эпизоды. Дочь основателя гуманистической психотерапии Карла Роджерса Натали упрекала отца в равнодушии, жестокости к жене и пристрастии к водке, которой от него разило за версту. Эдриану Лэйнгу приходилось вызволять пьяного родителя из полицейского участка. Один психолог, попросивший меня не называть его имени, рассказал, что его дед, тоже выдающийся психолог, разорвал отношения с некоторыми членами семьи. Когда мой собеседник предложил деду посмотреть на новорожденного внука, тот ответил, что в этом нет необходимости. Стоит ли говорить, что этот психолог написал знаменитую книгу о детях?

Полагаю, чтобы понять, как великие психологи воспитывали своих детей, надо попытаться вникнуть в обстоятельства их собственного детства. Многие психологи считают необходимым поведать о своем прошлом и пополняют такими рассказами, например, серию «История психологии в автобиографиях». Одни из них мало говорят о своих ранних годах, но другие осознают, что воспитание повлияло как на их выбор профессии, так и на взаимоотношения со своими отпрысками.

Поэтому в каждой главе мы будем обсуждать детство того или иного психолога или психиатра, его идеи относительно детского развития и воспитания, а также поведение как родителя. Поскольку я не собираюсь писать трехтомный викторианский роман, ограничусь лишь несколькими персонажами. Я включил в книгу очерки о Дарвине, Уотсоне, Фрейде, Юнге, Пиаже, Боулби, Мелани Кляйн, Р. Д. Лэйнге, Скиннере, Карле Роджерсе и Бенджамине Споке — авторе самой влиятельной работы о воспитании в 1950–1960-х гг.

Среди тех, кого пришлось оставить без внимания, — Нико Тинберген, получивший в 1973 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине вместе с двумя другими учеными. Приведу выдержки из интервью, которое он мне дал. В то время было

модно распространять идеи этологии* на психологию человека, как сделал Десмонд Моррис в своей широко известной книге «Голая обезьяна».

Тинберген говорил: «Конечно, иногда я смотрю на своих детей глазами этолога. Когда мы вызываем семейного доктора к дочери, она начинает непроизвольно зевать, и врач заявляет: “Наверно, она очень устала”. И мне приходится объяснять, что девочка смертельно напугана — это пример очень распространенных “замещающих действий”, возникающих во время легкого волнения, таких как почесывание или кусание ногтей».

Тинберген привел и другой пример: «Наш сын начал грызть ногти, не достигнув и годовалого возраста. Я помнил, что самки птиц сразу после кладки яиц часто едят все твердое и белое, и знал, что организм моей жены не производит нужного количества кальция — этот дефект сын мог от нее унаследовать. Тогда, получив недоуменное согласие нашего врача, очень интересующегося научными исследованиями, мы стали понемногу добавлять кальций в пищу сына. Предположение подтвердилось: сын перестал грызть ногти сразу же и навсегда».

Однако старания Тинбергена применить идеи этологии к детям-аутистам оказались тщетными. По его словам, «если дети-аутисты не говорят, то, чтобы их понять, надо смотреть на выражение лиц и движения. Те же мимика и движения наблюдаются и у животных. Многие из таких детей живут в постоянном конфликте между чрезмерной тревогой и неудовлетворенным желанием общаться». Большинство нынешних специалистов по изучению аутизма не считают такой подход действенным.

У выбранных мною психологов вместе взятых 51 ребенок, так что герои этой книги неукоснительно соблюдали заповедь

* Наука о поведении животных. — *Здесь и далее прим. пер.*

Ветхого Завета — «плодитесь и размножайтесь». В начале каждой главы я излагаю, кто родил кого и когда.

За последние несколько лет интерес к теориям воспитания детей невероятно возрос. Сотни книг с практическими рекомендациями, а также телепрограммы вроде «Няня на три дня» (The Three Day Nanny) предлагают море советов, как сделать ребенка счастливым. Один из каналов показывал многосерийную программу о том, как психологи могут помочь детям быстро засыпать. Подобных передач великое множество. В заключительной главе, где я делаю выводы, я также размышляю о том, чтó нынешние родители могут вынести из знаний и опыта великих психологов и психиатров.

Среди этих ученых были неплохие писатели. Возможно, самое увлекательное описание детства оставил Беррес Скиннер в книге «Подробности моей жизни» (Particulars of My Life). Скиннер отмечает, что родился в благополучной семье и «первая личная вещь, которую я помню, — плюшевый мишка». Детей отправляли спать в восемь часов, при этом они целовали обоих родителей, но однажды вечером юный Скиннер поцеловал только маму. Та велела сыну поцеловать папу, но отец сказал: «Ничего-ничего». Скиннер объясняет: «Он понял, что сын достиг такого возраста, когда мальчики уже не целуют отцов».

Отец Скиннера был весьма успешным юристом, но мать являлась «во многих отношениях главой семьи». Она всегда была готова указать мужу на его ошибки. «Сомневаюсь, что он утаил от нее хоть один свой промах», — замечал их сын. Иногда она утешала мужа, но не всеми возможными способами. «Она, по всей вероятности, была фригидна», — заключал Скиннер, основываясь на разговорах с И.Р.В. Сирлом, довольно не сдержанным на язык юристом, который хорошо знал его родителей и разболтал ему их секреты. Мать, «очевидно, не удовлетворяла отца сексуально», писал ее сын. Беррес и его брат спали в соседней комнате, и дверь в родительскую

спальню обычно была открыта. Как-то вечером до ушей Скиннера донеслись «шепот и негромкая возня», а затем слова матери: «Может, не будем?» Он не слышал, что ответил отец. Однажды Сирл сказал, что отцу Скиннера «не помешало бы время от времени посещать проституток». Но Скиннер был уверен, что папа никогда этого не делал.

О своем неудовлетворенном отце Скиннер говорил: «Жизнь, должно быть, изнурила его. Он изо всех сил стремился утолить желание что-то значить, которое внушила ему мать, но и 40 лет спустя он бросался на кровать с плачем и криком: "Я никчемный человек! Я ни на что не гожусь!"» Когда у самого Скиннера появились дети, он вовсю пытался прививать им самоуважение. Его дочь Дебора, сидя в своем саду в Хампстеде, сказала мне, что вспоминает отца с нежностью.

Безусловно, родители не должны злоупотреблять своей властью над ребенком. Хотя эта мысль и кажется банальностью, она имеет научное подтверждение. В своем исследовании Янг, Ленни и Миннис обнаружили: дети в возрасте от 11 до 15 лет, заявлявшие, что родители проявляли «равнодушие к их чувствам и властность», четыре года спустя были более других подвержены психическим расстройствам. Вот к чему приводит чрезмерный контроль. Если родитель — психолог, этот механизм еще сложнее: ведь психолог, кроме прочего, имеет специальные знания, и его дети в конце концов осознают это.

Я очень хорошо знаком с проблемой власти над детьми.

Весьма личное отступление

Я подхожу к этому вопросу в критический момент моей жизни. Я психолог и отец двоих детей, один из которых недавно умер. Моему сыну Рубену было 38 лет. «Несчастный случай», — заключил коронер. Гибель горячо любимого сына заставила меня сомневаться во всем, а еще привела к необходимости

работать и учиться. Кто-то назовет это отрицанием. Я не соглашусь. Я задумал эту книгу до того, как умер Рубен, мы с ним обсуждали ее, потому что он был хорошим писателем и редактором, но теперь книга особенно важна для меня.

Вскоре после смерти Рубена я случайно встретил Майкла, сына Ганса Айзенка, психолога, который посвятил много работ интеллекту и личности и снискал неоднозначную славу. Майкл проявил сердечное участие. Он сказал мне: если бы один из его сыновей умер, это «вывернуло бы меня наизнанку». Фраза, которую я запомнил.

Данная книга неизбежно затрагивает этические вопросы. Допустимо ли изучать собственных детей, по малолетству не имеющих выбора? Насколько объективным может быть психолог в этом случае? Не будет ли такой ребенок, когда вырастет, чувствовать, что его использовали? Рубен иногда сетовал, что я не имел права включать наблюдения за его младенчеством и детством в свою книгу «Развитие игры» (The Development of Play). Он был недоволен, хотя это не испортило наших отношений.

Идею написать эту книгу я вынашивал 20 лет. Впервые она посетила меня в 1996 г. в Лиссабоне, когда я встретил троих детей Жана Пиаже на конференции, посвященной столетию со дня его рождения. Пиаже был самым авторитетным детским психологом XX в., и его теории в большой степени основывались на наблюдениях за собственными детьми, которые он вел вместе с женой Валентиной Шатене. Кроме того, я брал интервью у двоих детей Уотсона, у Мелитты Шмидеберг — дочери Мелани Кляйн, Деборы Скиннер-Бузан и Эдриана Лэйнга. С Дэном Споком я разговаривал по телефону, так же как и с сэром Ричардом Боулби, который, правда, отказался обсуждать своего отца. Последняя секретарша Анны Фрейд Джина Ле Бон в интервью рассказала о глубокой любви Анны к своему отцу. «Врач, исцели себя» — хороший девиз. Так же

как «Психолог, познай себя». Гёте произнес знаменитые слова: «Если бы я познал себя, я бы в страхе убежал». Очень странно, что он был любимым писателем Фрейда, поскольку единственная цель психоанализа — позволить нам разобраться в самих себе.

Ветхозаветный Авраам и его нож

Мы очень мало знаем о том, как античные и средневековые мыслители смотрели на важнейшую задачу человека — воспитание детей, но некоторые известные сюжеты из Ветхого Завета затрагивают отношения отцов и детей. Повинуясь Божьей воле, Авраам готов был принести в жертву своего сына Исаака. Когда пророк уложил Исаака на горе и наточил нож для детоубийства, Бог смилостивился и — вуаля: позволил заколоть агнца вместо отрока. Комментаторы обычно упускают из виду тот факт, что жертвенную овцу обычно посыпали приправами со сладким запахом, «приятным Богу», так что можно предположить, что Авраам не отказался бы посолить и поперчить сына до или после убийства. Исаак, похоже, не держал зла на родителя. «Конечно, папа, я понимаю — Бог прежде всего», — наверно, думал он, спускаясь вместе с отцом с горы к родным шатрам.

Сын Исаака Иаков, напротив, был предан своему ребенку и, скорее всего, посоветовал бы Господу Богу убираться назад на Небеса, если бы Он посмел требовать у него хоть волос с головы Иосифа. Любовь Иакова к младшему сыну вызывала кипучую ревность братьев Иосифа. Удивительного плаща снов* у них не было, поэтому они продали отцовского баловня в рабство египтянам. Однако это обстоятельство послужило для

* «Иосиф и его удивительный плащ снов» — мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера, в основе сюжета которого лежит библейская история об Иосифе.

Иосифа толчком к удивительному карьерному взлету — он получил возможность толковать сны фараона, то есть по сути стал первым психоаналитиком. Затем он возвысился до положения великого визиря. Насколько я могу судить, Иосиф стал единственным «психологом», который достиг вершин политической власти.

Пятая заповедь гласит: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле». А почитать свое дитя? Об этом Господь, похоже, не подумал. Всевышний был слишком поглощен ролью отца всего сущего, чтобы заботиться о нуждах детей. Он, конечно, не просто наказывал израильтян, но отчитывал их за предрасположенность к греху, почитание ложных богов и вообще склонность заблуждаться. Будучи евреем, хочу заметить: ничего удивительного, что иудеи обладают обостренным чувством вины.

Некоторые древнегреческие и древнеримские тексты показывают, что 2000 лет назад родители питали очень узнаваемые чувства по отношению к детям. Знаменитый римский законовед и политический деятель Цицерон написал ныне утерянный текст Consolatio («Утешение») после смерти дочери. Цицерон обожал Туллию и так описывал ее своему брату Квинту: «Как она нежна, скромна и умна! В ней точно повторяется мое лицо, и речь, и сама душа». Когда в феврале 45 г. до н. э. она внезапно скончалась после рождения сына, Цицерон был убит горем. «Я потерял единственное, что связывало меня с жизнью», — писал он своему другу Аттику.

Аттик хотел утешить Цицерона и пригласил его к себе. В библиотеке Аттика осиротевший отец прочитал все труды древнегреческих философов о том, как справиться с горем, — «но моя скорбь превозмогает все утешения». Ни политические дела, ни встречи с друзьями не помогли, потому что «я ни к чему не испытывал интереса на форуме; я не мог выносить вид курии; я думал — и это так и было, — что потерял

все плоды и своих трудов, и своей судьбы». Прежде в любых треволнениях «у меня было пристанище, где я мог преклонить голову, где ласковые речи позволяли на время забыть все тревоги и печали».

Я пытался найти какие-либо другие тексты, кроме плачей по умершим детям, и попросил помощи у профессора Мэри Бирд. Она подтвердила, что античные мыслители мало писали о воспитании детей, но посоветовала обратиться к одному источнику — «Моралиям» Плутарха. В одном трактате Плутарх порицал отцов, которые доверяют воспитание сыновей льстецам. Наставники, советует Плутарх, «должны обладать беспорочным именем, благородством души и изрядным опытом». Сократ бы при этом воскликнул: «Человек, о чем ты думаешь? Ты движешь небо и землю ради обогащения, но обделяешь своим вниманием сыновей, которым оставишь эти богатства!» Плутарх уточнял: «Я бы добавил к этому, что такие отцы подобны человеку, который заботится о своей обуви, но не жалеет ног».

С моей точки зрения, наиболее интересны суждения Плутарха о родителях, которых сегодня мы бы назвали авторитарными, — и о проблемах, которые те навлекают на детей и на самих себя. «Они слишком торопятся, заставляя сыновей быть первыми во всем и возлагая на них непомерно много обязанностей, так что их дети трудятся до изнеможения и, отягощенные этим бременем, не проявляют склонности к учению», — писал Плутарх.

Через 15 веков после Плутарха, в эпоху Возрождения, появилось множество интересных работ о воспитании. Нидерландский энциклопедист Эразм Роттердамский прибыл в Англию в 1499 г. для обучения восьмилетнего принца, будущего Генриха VIII. Эразм написал трактаты «О приличии детских нравов», «О методе обучения» и «О первоначальном воспитании детей». У него самого детей не было, но он имел представление

о правильном соотношении снисходительности и строгости. «Мы весьма охотно учимся у тех, кого любим», — говорил он. Осуждая деспотичных родителей, мыслитель замечал: «Родители не смогут достойно воспитать детей, если будут внушать им только страх». Матери должны быть ласковыми, но и отцам следует хорошо знать своих отпрысков.

Эразм был поборником чистоплотности. Дети должны умывать лица каждое утро, однако не следует поощрять излишнее усердие, потому что «повторять эту процедуру бессмысленно». Вытирать нос можно пальцами, но никак не головным убором или рукавом.

Возможно, у Эразма и были свои навязчивые идеи, но ему не откажешь в проницательности и наблюдательности. Например, его перу — в буквальном смысле, ибо тогда писали гусиными перьями, — принадлежат слова: «Природа наградила детей необычайным стремлением подражать всему, что они слышат или видят». Но философ не придавал большого значения подражанию, когда добавлял: «Они делают это с огромным увлечением, словно обезьяны, и приходят в восторг, если думают, что у них получается». К обезьянам мы вернемся позже.

Примерно через 70 лет французский философ Мишель де Монтень критиковал отцов, которые не говорят сыновьям, что любят их, из страха лишиться власти над ними. Один из его друзей потерял сына и корил себя за то, что ни разу не признался мальчику, что обожал его.

Надо возбуждать в ребенке желание слушать, писал Монтень, «чтобы его глаза и уши проникали везде и всюду; ибо самые почетные места обычно захвачены далеко не самыми одаренными людьми и наилучший жребий редко выпадает достойному». Будучи аристократом, Монтень нередко обедал в самых знатных домах и слышал множество пустячных разговоров «за верхним концом стола», в то время как люди более низкого положения вели дельные беседы. Возможно, у крестьянина,

каменщика, бондаря есть чему поучиться. «Наблюдая за приличными и добрыми нравами, ребенок выработает в себе умение подражать хорошему и презрение к плохому».

Как ни странно, из всех старинных авторов самым красноречивым образом об отцовстве написал король Англии, хотя в целом монархи не отличаются родительской мудростью. Яков VI Шотландский, он же Яков I Английский (1566–1625), получил превосходное образование. История его семьи включает такой жестокий эксперимент, на который мог решиться только член королевской фамилии. Прадед Якова отправил на остров Инчкит* двух детей с немой нянькой, чтобы выяснить, начнут ли дети внезапно говорить на языке Библии, если их лишить общения с другими людьми. Разумеется, лепетать по-древнееврейски они от этого не стали.

Детство самого Якова было неспокойным. Его мать, королева Шотландии Мария Стюарт, бежала в Англию, потому что ее подозревали в убийстве второго мужа. Сына-младенца ей пришлось оставить в Шотландии. Но нет покоя голове, хотя бы мало-мальски приближенной к венцу**. Трое из четырех регентов при малолетнем Якове были казнены или убиты до его 16-летия. Марию Стюарт обезглавили в 1587 г. по воле ее двоюродной тетки Елизаветы I, утомленной постоянными интригами Марии с целью захватить английский престол.

Якову, однако, повезло с одним из воспитателей — Джорджем Бьюкененом. Человек с твердым характером, проявлявший «жестокость из милосердия», Бьюкенен не брезговал и поркой своего высокопоставленного подопечного, когда его величество обнаруживал мало усердия к учению, — и этого урока Яков не забыл.

---

* Остров у восточных берегов Шотландии в заливе Ферт-оф-Форт.

** Автор обыгрывает цитату из исторической хроники Шекспира «Генрих IV»: «Uneasy lies the head that wears a crown» — в переводе Б. Пастернака: «Но нет покоя голове в венце».

В 1589 г. Яков женился, а в 1594 г. родился его первый сын Генрих. Яков написал для него наставление: он считал своим долгом разъяснить сыну особенности королевской работы. Это яркий и во многом мудрый документ. Он напутствовал Генриха «перед лицом Бога и отцовской властью, которую я имею над тобой, носи мой наказ с собой так же неотлучно, как Александр носил гомеровскую “Илиаду”». Если Генрих пренебрегал его советами, Яков протестовал: «Клянусь всемогущим Богом, я скорее не буду отцом и останусь бездетным, чем стану родителем нечестивых детей». Яков подчеркивал, что Генриху следует учиться на собственных ошибках.

Генрих не должен воображать, что из-за своего положения он имеет законное право грешить. Королю надлежит «блистать перед подданными всеми гранями святости и добродетели». Яков побуждал сына читать Священное Писание «с чистым и целомудренным сердцем и молиться о том, чтобы уразуметь его правильно». Один раз в сутки, «когда ты остаешься в полной тишине, призови себя припомнить все дела минувшего дня, не совершил ли ты неправедные поступки, не пренебрег ли своими обязанностями христианина или короля». Чрезвычайно важно поверять свою совесть и поведение. «Будь безжалостен к себе так же, как к своему врагу. Ибо, если ты станешь строго судить себя сам, тебя не посмеют осуждать другие».

Яков предостерегал сына против фанатичных священников, пустых астрологов и колдунов. Также он наставлял Генриха, чтобы тот «не придавал значения снам, ибо все пророчества, видéния и вещие сны уже свершились и прекратились во Христе». И никакого тебе подсознания, привет Фрейду.

Король должен править беспристрастно, поэтому Яков советовал Генриху не отдавать предпочтения богатым, но и не жалеть бедных. В Англии он всегда будет иметь дело с бесчестным народом и его одержимостью новшествами — особенно табаком, которого Яков не терпел.

Яков глубоко уважал свою покойную мать и напоминал сыну: «Ты знаешь Божескую заповедь: почитай отца твоего и мать твою». Король не может допустить, чтобы его родителям «нанесли оскорбление; наипаче и сам не должен их поносить. Ибо как они могут любить тебя, ненавидящего тех, от кого ты рожден?» За слугами надлежит следить неукоснительно. Если король не уверен, что те покорны ему, что же говорить о всей стране?

Строгое религиозное образование Якова сделало его суровым моралистом. До женитьбы сын «должен сохранять свое тело в чистоте и непорочности, пока не придет время отдать его супруге, которой одной оно принадлежит. Ибо имеешь ли ты право жаждать совокупления браком с невинной девственницей, если твое тело осквернено? Почему одна половина должна быть целомудренной, а другая запятнанной?» Генриху предписывалось избегать «компании праздных женщин, которые есть не что иное, как *irritamenta libidinis**». Праздные женщины могут вызвать зуд в праздных чреслах! Многострадальная семья Якова была свидетельством того, какие губительные последствия влечет за собой любострастие; супружеские измены его деда «привели к катастрофическим последствиям». Яков почему-то не упомянул двоюродного прадеда, ужасного Генриха VIII.

Затем Яков обращается к королевскому «имиджу». Король всегда находится в центре внимания, а значит, его манеры за столом должны быть безупречны. Обжорство производит дурное впечатление, поэтому его величеству не пристало уписывать за обе щеки какое-нибудь диковинное блюдо вроде фаршированного гранатами кабана. Кроме того, не следует носить «женоподобную одежду» и отращивать «длинные волосы или ногти — это всего лишь отбросы природы».

* Возбудители похоти (*лат.*).

Король может играть в карты, но не в шахматы, «потому что это слишком большая премудрость и философская блажь». Играть должно «всегда честно, дабы не приучаться к плутовству и обману».

И наконец, Яков наказывает Генриху не забывать о долге перед Богом и заботиться о том, чтобы деяния отражали «справедливость твоего сердца» и показывали «твой благочестивый нрав; и, в уважение к величию своего тяжкого бремени, слушать собеседника терпеливо, не уходя в свои мысли, выносить зрелые суждения и проявлять постоянство в решениях». Яков советует сыну «всегда переваривать свои страсти, прежде чем оглашать вердикт». Каждого человека надлежит судить только за его личные прегрешения, не годится наказывать или винить отца за сына или брата за брата. Для мести нет никаких оправданий.

Это мудрое и красивое письмо написано с любовью. Однако Якову, пережившему несчастливое детство, было суждено стать столь же несчастным родителем. Генрих умер от загадочной лихорадки в 18 лет; отец был безутешен. Трон унаследовал второй сын Якова Карл, менее умный и менее любимый. Шаткое положение — Яков не написал для него наставления — сделало его упрямым, и это упрямство стало одной из причин начала Английской революции. За неуступчивость Карл поплатился головой.

Отцы, о которых я рассказываю, не изучали своих детей с научной точки зрения. Мыслителям XVI и XVII вв., которые могли бы сделать это, мешало одно препятствие: большинство из них были бездетны. Не стали отцами Эразм Роттердамский, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Гоббс, Джон Локк, а столетием спустя — Дэвид Юм и Иммануил Кант. Единственный видный философ того времени, имевший детей, — епископ Беркли — по всей вероятности, был весьма невротичным родителем. Когда его сын поехал учиться в Оксфорд, епископ тоже снял в этом

городе квартиру, желая проследить, чтобы отпрыск не попал в переделку, как происходит с большинством студентов.

В противоположность философам великие писатели XVI и XVII вв. были весьма плодовитыми отцами. У Шекспира был сын Хемнет, умерший в 1596 г. в десятилетнем возрасте, а также две дочери. У выдающегося английского поэта конца XVI — начала XVII века Джона Донна было 12 детей; у французского драматурга Жана Расина — семь; у Джона Мильтона, автора «Потерянного рая», — пять. Разница между двумя этими группами знаменитых людей любопытна и, насколько я могу судить, необъяснима.

Утраты тоже не обошли писателей стороной. Современник Шекспира драматург Бен Джонсон потерял ребенка и оплакал его в прекрасном стихотворении.

Моему первому сыну

Прощай, мой Бенджамин. Вина моя
В том, что в твою удачу верил я.
Ты на семь лет был ссужен небом мне,
Но нынче оплатил я долг вполне.
Нет, не рыдаю я. Рыдать грешно
О том, что зависть вызывать должно.
Нам всем придется скоро в мир теней
Уйти от плоти яростной своей.
И если горе не подточит силы,
То старость доведет нас до могилы.
Спи, сын мой! Схоронил здесь, без сомненья,
Бен Джонсон лучшее свое творенье
И клятву дал: столь сильно, как его,
Не полюбить вовеки никого*.

* Перевод В. В. Лунина.

Не все проницательные наблюдатели были философами или учителями. Дженкин Льюис семь лет прислуживал Уильяму, герцогу Глостерскому, родившемуся 24 июля 1689 г. в Хэмптон-корте.

Сын принцессы Анны, дочери Якова II, Уильям родился «очень хилым», и многие считали, что он долго не протянет. Двенадцать беременностей его матери закончились выкидышами, а четыре произведенных ею на свет ребенка умерли вскоре после рождения. В первые дни жизни Уильяму пришлось нелегко из-за непомерно большого соска его кормилицы, но вскоре ему нашли другую няньку, и в следующие полтора месяца ребенок окреп и стал хорошо развиваться. «Теперь все лелеяли надежду, что герцог выживет, — писал Льюис, — и вдруг — подумать только! — у него случились судороги». Отчаявшаяся мать принца вызвала из Лондона врачей, и они посоветовали проверенное временем средство: снова сменить кормилицу. Молодые матери, желающие поделиться своим молоком с королевским отпрыском, стали стекаться в Хэмптон-корт. В поисках подходящей женщины младенца перекладывали от одной груди к другой.

Выбор сделали совершенно случайно. Отец ребенка, принц Георг Датский, проходил через комнату, где выстроились вероятные кормилицы, и обратил внимание на грудь миссис Пэк, жены добропорядочного квакера из Кингстона. Ее заметно торчащие соски внушали доверие. Миссис Пэк уложили в кровать со слабым младенцем, «который сосал хорошо и в ту ночь поправился». К сожалению, по словам Льюиса, миссис Пэк «больше годилась для свинарника, чем для постели принца» и попыталась извлечь выгоду из своей неожиданной славы.

Уильям успешно набирал вес, но какой-то недуг вызвал «выделения», как писал Льюис. Некоторые историки медицины предполагают, что жидкость сочилась из до странности большой головы Уильяма. Джек Дьюхерст утверждает, что

принц страдал слабой формой гидроцефалии, но такому состоянию обычно сопутствует низкий уровень интеллекта. Уильям, однако, отсталым определенно не был, он рос вполне нормальным ребенком, только не очень крепко держался на ногах — без посторонней помощи не мог подниматься и спускаться по лестнице. Льюис не мог понять, была ли немощь вызвана настоящим недугом или «чрезмерной заботой хлопотавших вокруг него дамочек» (вот кто мог бы стать психоаналитиком!). Однажды по этой причине разразилась гроза: отец Уильяма счел, что сын притворяется, и впервые в жизни отстегал его розгами. «Его высекли, и с тех пор он вел себя как шелковый», — заметил Льюис.

Юный принц стойко переносил череду болезней. К примеру, весной 1696 г. его глаза распухли и налились кровью. Мать послала за доктором Джоном Рэдклиффом, и тот прописал отвратительное лекарство, которое Уильям сразу же выплевывал. Тогда Рэдклифф наклеил на спину мальчика пластыри, из-за которых Уильям кричал от боли.

Уильяму удалось подружиться с Джорджем Лоуренсом, предприимчивым пареньком, который собрал отряд солдат из двадцати мальчишек; многие из них были сыновьями королевских слуг. Уильям присоединился к потехе и собрал собственный отряд. Анна и ее муж были очень рады, что сын увлечен игрой, но продолжалось это, увы, совсем недолго.

В июне 1700 г. Уильяма внезапно подкосила болезнь, и он слег с лихорадкой. Через четыре дня принц умер. Льюис описывает отчаяние матери. Уильяму было всего 11 лет.

Многие герои моей книги пережили горе. Дарвин потерял троих детей. Из близких Фрейду людей безвременно скончалась не только Софи: четверо из его родственников совершили самоубийство. Мелани Кляйн лишилась одного из сыновей, и ее дочь утверждала, что брат наложил на себя руки. Один из сыновей Уотсона убил себя вскоре после смерти

отца, а его дочь несколько раз пыталась покончить с собой. Дочь Р. Д. Лэйнга скончалась в двадцать с небольшим, а один его сын ушел из жизни при загадочных обстоятельствах. Как сказал Боулби, «дети так беспомощны, так уязвимы». Вопрос вот в чем: может быть, дети знаменитых психологов и психиатров уязвимы особенно? И можем ли мы научиться чему-нибудь на их горьком опыте?





Чарльз Дарвин

Первый детский психолог



Дочь Чарльза Дарвина Генриетта в своих воспоминаниях писала: «Мой отец получал необыкновенное удовольствие от общения с детьми, и мы все хорошо запомнили, с каким воодушевлением он играл с нами… Часто, даже когда он работал, на его диване пристраивался больной ребенок, чтобы присутствие отца дарило ему спокойствие, утешение и чувство защищенности».

Сам Дарвин писал в автобиографии: «Я чрезвычайно счастлив в семейной жизни и должен сказать вам, дети мои, что ни один из вас ни разу не заставил меня беспокоиться ни о чем, кроме вашего здоровья». Это признание любящего отца, но оно справедливо. Поскольку Дарвин был самым многодетным отцом из всех моих персонажей, стоит перечислить весь его «выводок», как он называл своих отпрысков.

Его первый сын Уильям Эразм Дарвин родился 27 декабря 1839 г. Первая дочь Энни Элизабет — 2 марта 1841 г. Ее ранняя смерть десять лет спустя подорвала веру Дарвина в Бога. Третий ребенок тоже прожил недолго: Мэри Элеанор умерла всего через 23 дня после рождения.

Следующие дети прожили долгую жизнь. 25 сентября 1843 г. в семье появилась третья дочь, а через полтора года родился Джордж Говард Дарвин. Генриетта подготовила к публикации письма матери и издала их в 1904 г. Она умерла в возрасте 86 лет. Джордж стал астрономом и изучал происхождение и эволюцию Солнечной системы. Он скончался в 1912-м.

Элизабет Дарвин родилась 8 июля 1847 г. и умерла в 1926-м. Замужем она не была и детей не имела. Затем 16 августа 1848 г. родился Фрэнсис Дарвин. Он помогал отцу в его экспериментах и оказал влияние на работу Дарвина «Сила движения у растений» (1880). Так же как Джордж, Фрэнсис был избран членом Королевского общества, а затем стал профессором ботаники в Кембридже. Он умер в возрасте 77 лет.

Леонард Дарвин родился 15 января 1850 г. Он стал председателем Британского общества евгеники. После его смерти в 93 года его коллега написал племяннице Дарвина Маргарет Кейнс: «Мой дорогой друг Леонард Дарвин… был, несомненно, самым добрым и умным человеком из всех, кого я знаю».

Гораций Дарвин родился 13 мая 1851 г. Он основал Кембриджскую компанию по производству научных приборов. Его избрали членом Королевского общества по развитию знаний о природе и возвели в рыцарское достоинство. Он тоже умер в 77 лет.

Эмма Дарвин родила десятого, последнего ребенка, Чарльза Уоринга, 6 декабря 1856 г. Он умер от скарлатины, когда ему исполнилось всего 18 месяцев. Его отец написал ему нежную поминальную речь.

Славу Дарвину принесла теория эволюции, которую он разработал во время и после путешествия на корабле Его Величества «Бигль». Среди других его известных работ — монография о червях, которые взбираются на растения, и новаторское исследование о выражении эмоций у обезьян и детей.

Семья была пишущая. В 1838 г., когда ему было 29 лет, Чарльз Дарвин написал две заметки. «Мне так нравится наблюдать за природными явлениями», — признался он в одной из них, противопоставляя непосредственные наблюдения геологическим, в ходе которых ученые пытаются сделать выводы об истории Земли, опираясь на изучение неподвижной и бесстрастной горной породы. Позже, в апреле, Дарвин привел

слова своего отца: «Если у человека есть дети, он обладает более гибким характером и большей живостью чувств». Вскоре Дарвин решил жениться на своей двоюродной сестре Эмме Веджвуд.

У супругов было десять детей, за одним из которых Дарвин систематически наблюдал с научной точки зрения. Его изучение любимого сына Уильяма стало первым серьезным продолжительным исследованием ребенка. Время от времени Дарвин наблюдал и за другими своими детьми, но не столь методично. Дарвин был поистине замечательной личностью. Он не только написал «Происхождение видов», но был проницательным детским психологом, а также любящим отцом, который не прятал своих чувств по отношению к «выводку». Он писал о «несказанной нежности маленьких детей». Как хороший ученый, он задавался вопросом: может ли человек изучать своего ребенка объективно, не будет ли его отвлекать любовь к нему, особенно если дитя плачет? Об этом Дарвин упоминал в письмах к друзьям, которых просил рассмотреть форму ртов их детей.

К личности Дарвина обращались многие биографы. Исключительно интересна работа Джона Боулби, весьма ортодоксального фрейдиста, основоположника теории привязанности, который подчеркивал чрезвычайную важность сохранения связи матери и ребенка. Боулби был убежден, что Дарвин страдал от тревоги и депрессии, вызванных заболеванием желудка. Это заставляло его беспокоиться о детях. Психиатр предположил, что великий натуралист испытывал чувство угнетения, потому что в девять лет пережил смерть матери. В своей знаменитой работе о сорока четырех малолетних ворах Боулби утверждал, что все они лишились матерей. Дарвин был прекрасным доказательством тезиса Боулби, хотя никто до сих пор не допускал мысли, что он имел склонность к воровству. Чтобы не быть голословным, Боулби с увлечением копал дальше и высказал мнение, что депрессия могла обостриться

из-за болезни Шагаса, которую Дарвин подхватил во время плавания на «Бигле» и которая передается при укусах триатомовых клопов. В течение десятилетий после заражения недуг вызывает лихорадку, головные боли и увеличение лимфоузлов.

В биографии «Дарвин и его дети» (Darwin and His Children) Тим Берра игнорирует выводы Боулби и винит во всем генетику: причиной плохого здоровья ученого являлось кровосмешение. Как минимум пять из 25 браков в семье Дарвин–Веджвуд заключались между близкими родственниками. Это объясняет, утверждает Берра, еще и то, почему так много детей Дарвина умерло, ведь детская смертность в данном социальном слое была не столь высока в Викторианскую эпоху. Дарвина очень интересовала тема кровосмешения, и в 1870 г. он предложил внести вопрос о браках с двоюродными братьями и сестрами в опросный лист переписи населения следующего года.

Совершенно с другой точки зрения написала о своем великом предке и его детях праправнучка Рут Пэйдел. Мне кажется, она понимает связь между любовью Дарвина к своему «выводку» и его наблюдениями. В стихотворении «Естественная история детей» Пэйдел от лица Дарвина выразительно говорит, что он начал «записывать выражения лиц» детей и старался разглядеть первые «признаки любых эмоций».

Дарвин наблюдает за всеми десятью своими детьми, пишет Пэйдел. Шестнадцать лет он смотрит, как они играют, улыбается, удивляясь «шевелящимся тканям; тому, как человек неожиданно просыпается, как нарисованный в пещере бизон». Пэйдел использует интересный образ, сравнивая этих детей с бизоном, «стряхивающим свою косматость с текучей стены». Стихотворение заканчивается тем, что Дарвин разрывается между двумя желаниями, когда один из детей плачет. Он хочет наблюдать за ребенком со стороны, но «сочувствие к его горю помешало моим наблюдениям». Дарвину больше,

чем кому-либо другому, удавалось быть одновременно ученым и любящим отцом — это редкий дар.

Дарвин и Эмма поселились на Аппер-Гауэр-стрит в центре Лондона. Их старший сын Уильям родился 27 декабря 1839 г. и тут же стал объектом пристального научного изучения, а также нежной родительской любви. Супруги Дарвин видели своих детей чаще, чем это было принято в обеспеченных семьях того времени. Викторианская «Книга по домоводству» (Book of Household Management) миссис Битон давала четкие указания, как должна себя вести няня. Состоятельная семья перепоручала большую часть заботы о детях слугам; если отец и видел своего ребенка, то несколько мгновений перед сном. Например, родители Уинстона Черчилля были типичными представителями своего класса. Раннее детство Черчилля пришлось на 1870-е гг., и он редко видел и мать, и отца. Няня учила его читать, писать, считать (первая прочитанная им книга называлась «Чтение без слез» (Reading Without Tears)). Неудивительно, что мальчик очень привязался к ней, доверял ей секреты. А она пестовала его и заменяла ему мать.

После возвращения из путешествия на «Бигле» Дарвин работал дома, поэтому у него было больше возможностей общаться с детьми, чем у других отцов. В автобиографии он писал:

«Полагаю, не многие отцы пятерых сыновей могут сказать это с полным правом. Когда вы были маленькими, я с наслаждением играл с вами, и я с сожалением думаю о том, что те дни никогда не вернутся».

Вскоре после рождения Уильяма стали звать в семье Додди. О подробных заметках Дарвина об Уильяме никто не знал, пока в 1872 г. французский историк Ипполит Тэн не опубликовал статью о том, как его малолетняя дочь учила язык. Тогда Дарвин обратился к записям, которые делал 37 лет назад. Многие годы он был очень занят работой над книгой «Происхождение видов», которая в 1859 г. наконец вышла и вызвала бурную полемику.

Записки Дарвина представляют собой смесь научных наблюдений и свидетельств отцовской любви. Я привожу их довольно подробно, поскольку это первый документ подобного рода, и весьма содержательный. Дарвин в своих заметках не всегда придерживается хронологического порядка, и я позволил себе для простоты восприятия немного перекомпоновать его наблюдения.

«В течение первых семи дней мой сын прекрасно демонстрировал разнообразные рефлекторные действия: чихание, икание, зевание, потягивание и, конечно, сосание и плач, — писал Дарвин. — На седьмой день я коснулся его голой ступни клочком бумаги, и он отдернул ножку и поджал пальчики, как делают дети постарше, когда их щекочут. Совершенство этих рефлекторных движений говорит о том, что чрезвычайное несовершенство сознательных движений проистекает не из-за состояния мышц или координирующих центров, а из-за состояния центра воли». Другими словами, новорожденные дети не способны к осознанным движениям.

Однако, возможно, есть одно исключение. Дарвин заметил: «Если приложить к лицу младенца теплую мягкую руку, у него возникает желание сосать», но он не мог поверить, что у младенца семи дней от роду могут возникнуть ассоциации с материнской грудью.

Также Дарвина интересовала способность ребенка фокусировать взгляд. Уильям смог сосредоточиться на фитиле свечи уже на девятый день. В течение следующих 36 дней «ничто больше не показалось ему достойным, чтобы задержать на нем взгляд; но на 49-й день его внимание привлекла яркая кисточка». Дарвина удивило, как поздно Уильям начал следить глазами за предметом, если этот предмет «мало-мальски быстро раскачивать». Это удалось Уильяму только в восемь месяцев.

Первый признак общения появился рано, когда Уильям сморщил личико, чтобы показать, что он чего-то хочет. Через

46 дней после рождения он впервые стал производить ничего не означающие негромкие звуки, просто забавы ради, и затем они стали разнообразными. Почти в это же время Дарвин впервые увидел «выражение удовольствия». Один его ребенок стал улыбаться на 45-й день жизни, а второй — на 46-й. «Улыбки, скорее всего, имели психическую природу, поскольку появлялись в основном, когда дети смотрели на мать». Но иногда младенцы улыбались и без всякой видимой причины.

Кроме прочего, Дарвин хотел посмотреть, в каком возрасте Уильям начнет выказывать эмоции. Первые признаки настоящего гнева проявились, когда Уильяму было 70 дней от роду. Малыш насупился, когда ему дали холодное молоко, и отец подумал: «Он похож на взрослого человека, который злится, что его заставляют делать то, чего он не хочет». Кровь прилила к лицу и голове младенца, и Дарвин счел это доказательством того, что ребенок «легко поддался сильному чувству. Достаточно было незначительного повода; так, на восьмом месяце жизни Уильям залился сердитым плачем, потому что лимон выскользнул и он не смог поймать его ручонками».

Фрейд взахлеб читал Дарвина, и следующие наблюдения могли оказать влияние на утверждение Фрейда о том, что младенцы проходят оральную стадию. «Движения его конечностей и тела долгое время были неопределенными и бесцельными и обычно имели характер подергиваний», — писал Дарвин. За одним исключением: «Почти с самого рождения, задолго до того, как ему исполнилось 40 дней, он мог совать руку себе в рот. В возрасте 77 дней Уильям взял рожок в правую руку, и, независимо от того, какой рукой няня держала мальчика — левой или правой, он не брал бутылочку в левую руку», пока через неделю Дарвин не попытался заставить его сделать это. «И все же позже ребенок оказался левшой — без сомнения, наследственное свойство: его дед, мать и брат тоже лучше владели левой рукой».

Между 80-м и 90-м днями жизни Уильям стал запихивать в рот разные предметы, но делал это странно: сначала касался предметом носа, а потом тащил его в рот. «Он хватал мой палец и тянул его в рот, и его рука мешала ему сосать его; но на 114-й день, проделав все то же самое, он переместил свой кулачок так, чтобы кончик моего пальца можно было засунуть в рот. Это действие он повторил несколько раз, и совершенно очевидно, что оно было осознанным». Уильям мог управлять своими руками лучше, чем ногами и другими частями тела.

Через месяц, на 120-й день жизни, Уильям часто внимательно смотрел на свои руки и предметы, находившиеся поблизости от него, «и при этом сводил глаза к носу, так что они то и дело ужасно косили. Спустя две недели (то есть на 132-й день) я заметил, что, если к лицу сына подносили какой-то предмет, до которого он мог дотянуться, мальчик пытался схватить его, но часто ему это не удавалось; однако он не пробовал достать более отдаленные предметы. Я совершенно уверен, что конвергенция глаз давала ему подсказку и побуждала двигать руками».

Наблюдения Дарвина позволили ему выявить несколько важных стадий в развитии детей — например, установить момент, когда ребенок видит себя в зеркале и понимает: это я.

Когда Уильяму было «четыре с половиной месяца, — отмечал Дарвин, — он все время улыбался, увидев меня и самого себя в зеркале, и определенно принимал отражения за реальных людей; но он выказывал очевидное удивление, слыша мой голос из-за своей спины. То есть, как и большинству малышей, ему очень нравилось смотреть на себя, и меньше чем через два месяца он уже прекрасно понимал, что это отражение: если я потихоньку строил смешную рожицу, он тут же поворачивался ко мне. Однако в семь месяцев Уильям был озадачен, когда, находясь на улице, увидел меня за стеклом витрины — он, казалось, сомневался, я это или мое отражение». Одна из дочерей Дарвина была не столь смышленой

«и выглядела очень растерянной, когда видела в зеркале, как кто-то приближается к ней со спины». Дарвин проверял это на обезьянах, но им «не доставляло ни малейшего удовольствия смотреть на себя, они злились и отворачивались».

Больше чем через сто лет после того, как Дарвин наблюдал за Уильямом, Гордон Гэллап, психолог из Университета штата Нью-Йорк, поставил зеркало в клетку шимпанзе. Поначалу обезьяна повела себя так, как будто увидела другую особь, но со временем поняла, что это ее собственное отражение. Затем Гэллап дал обезьяне наркоз и нарисовал одну красную полоску на ее брови, а другую — на ухе. Когда шимпанзе очнулась, она не проявляла никакого интереса к меткам, пока не увидела себя в зеркале. Тогда она стала вести себя так же, как ребенок, который знает, что смотрит на себя в зеркало, и начала трогать бровь и ухо, разглядывая себя в зеркале. Шимпанзе обладала самосознанием, заключил Гэллап, и знала, что смотрит на свое отражение. Как свидетельствует Диана Рейсс в книге «Дельфин в зеркале» (The Dolphin in the Mirror), орангутаны, гориллы, слоны и дельфины тоже узнают себя в зеркале. Она утверждает, что для этого требуется «сложно организованная система сведений о себе самом, своих движениях и о том, что ты видишь перед собой в этом стекле».

Страх появился раньше, чем самоузнавание, — приблизительно в четыре месяца. Дарвин часто производил «странные громкие звуки, которые приводили Уильяма в восторг, но однажды я издал громкий храп, чего раньше не делал; он (Уильям) вдруг помрачнел и потом разразился рыданиями. Через два-три дня после этого я по забывчивости снова захрапел — с тем же результатом. Приблизительно в это же время (а именно на 137-й день жизни Уильяма) я подошел к нему спиной вперед и застыл неподвижно. Он выглядел очень серьезным и весьма удивленным и уже готов был снова заплакать, но тут я повернулся к нему лицом. Тогда сын сразу заулыбался».

Дарвин считал, что Уильям никого не узнавал почти до четырех месяцев, но после стал узнавать всех и всегда. В возрасте около пяти месяцев он запросто демонстрировал желание оказаться на руках у няни. Уильям, считал Дарвин, обнаруживал эмпатию (хотя Дарвин такой термин не использовал) в шесть месяцев и 11 дней: мальчик «делал грустное лицо, когда няня притворялась, будто плачет». Но проявлять любовь непосредственно он стал только в год с небольшим: несколько раз целовал няню, когда та возвращалась после короткого отсутствия.

Один из вечных вопросов в изучении детского развития — когда малыши начинают играть в «ку-ку». Дарвин часто играл так с детьми. «В возрасте 110 дней его (Уильяма) невероятно забавляло, когда ему в лицо бросали детский фартук и тут же убирали, а также когда я неожиданно открывал свое лицо и приближал к его личику. Затем он издавал слабый звук — это был зарождающийся смех. Восторг вызывала главным образом неожиданность, как происходит в большой степени и со взрослыми людьми».

Дарвин добавлял: «Поначалу я удивился, что ребенок, которому пошел всего лишь четвертый месяц, воспринимает юмор. Но не забывайте, как рано начинают играть щенки и котята». Он отметил зарождающийся смех на 113-й день жизни Уильяма, но у другого своего ребенка — гораздо раньше. Первые психологи много изучали детские улыбки и смех именно потому, что объектами изучения были их собственные дети.

В пять с половиной месяцев Уильям произнес первый членораздельный слог «да», но без всякого смысла. Немного позже, 7 июня 1840 г., Дарвин написал своему троюродному брату У. Д. Фоксу, что Уильям — «чудо красоты и ума. Он так очарователен, что я не могу скромничать». Дарвин добавлял, что у него «в голове не укладывается, на что способен пятимесячный младенец». В возрасте чуть больше года Уильям начал

доносить свои желания с помощью жестов. «Вот хотя бы простой пример: он берет клочок бумаги, отдает его мне и показывает на огонь, потому что ему нравится смотреть, как горит бумага».

Уильям не всегда был очаровательным, даже с точки зрения обожающего его отца. В 11 месяцев, «если ему давали не ту игрушку, он отталкивал ее и колотил по ней». Дарвин предполагал, что битье было «инстинктивным выражением гнева, как клацанье челюстями у крокодила, только что вылупившегося из яйца».

Когда дети начинают узнавать себя — вопрос интересный, но не менее любопытно, когда у них начинает работать ассоциативное мышление. Уильяму удалось это в пять месяцев. «Как только на него надевали шапку и накидку», Уильям «очень сердился, если его тут же не выносили на улицу. Ровно в семь месяцев сын сделал огромный шаг вперед, связав свою няню с ее именем: когда я окликал ее, он оборачивался к ней».

В течение следующих четырех месяцев Уильям развивал этот навык. «Когда его просили поцеловать кого-то, он вытягивал губы и застывал так. Глядя на ящик с углем или разлитую воду и т. п., он качал головой и с осуждением говорил: "Ай-ай-ай", — потому что его научили, что это непорядок». Дарвин заметил, что дочь Тэна начала устанавливать ассоциативные связи позже, чем его сын.

«В девять месяцев с небольшим Уильям внезапно выяснил, что руку или какой-нибудь другой предмет, отбрасывающий тень на стену перед ним, надо искать позади. К тому же, когда мальчику еще не исполнилось и года, достаточно было повторить короткую фразу два или три раза с перерывами, чтобы у него в сознании прочно закрепилась ассоциация».

«Легкость, с которой приобретаются ассоциации через обучение или спонтанно, кажется мне самым заметным различием между мозгом младенца и мозгом самых умных взрослых

собак, которых мне доводилось видеть». Как ни странно, Дарвин противопоставлял разум ребенка разуму щуки, описанной профессором Мёбиусом — викторианским специалистом по устрицам, державшим большой аквариум. Три месяца глупая щука «бросалась на стеклянную перегородку, отделявшую ее от мелкой рыбешки, билась о стекло». Когда щуку поместили в аквариум вместе с добычей, «она упорно и совершенно неразумно отказывалась охотиться на нее!».

Почти 30 лет назад доктор Райсланд показала, что новорожденные могут подражать действиям взрослых, таким как высовывание языка, буквально через несколько часов после появления на свет. Дарвин не выявил у Уильяма данной способности в столь нежном возрасте, но, когда сыну было четыре месяца, Дарвину показалось, что тот пытается повторять услышанные звуки. Естествоиспытатель с некоторой долей сомнения уточнял, что «я мог обманывать себя, ибо не был полностью убежден, что сын делал это раньше, чем в десять месяцев». Потом Дарвин думал, что Уильям начал «пытаться имитировать звуки, как он определенно делал значительно позже».

Однако в 11 с половиной месяцев Уильям умел повторять самые различные действия, например качал головой и произносил «ай-ай-ай», заметив беспорядок, или медленно и тщательно водил указательным пальчиком по ладони другой руки, когда ему говорили детскую считалочку: «Сорока-ворона кашку варила, деток кормила…» Дарвин, любящий отец, веселился, видя довольное лицо сына «после успешного исполнения таких манипуляций».

Ровно в год Уильям сделал большой шаг вперед и стал называть еду словом «ням», но мне не удалось узнать, что его подтолкнуло к этому. И теперь, вместо того чтобы плакать от голода, он в демонстративной манере или как глагол использовал это слово, имея в виду «хочу есть». Это слово похоже на «ам», которое в более позднем возрасте, в 14 месяцев, взяла

на вооружение дочь Тэна. «Но он (Уильям) также использовал “ням” как существительное с широким значением. Так, он называл сахар «са-ням”, а чуть позже, когда он выучил слово “черный”, стал называть лакрицу “черный са-ням” — “еда из черного сахара”».

1 июля 1841 г., когда Уильяму исполнилось чуть больше 18 месяцев, Дарвин написал Эмме (которую любовно называл Титти): «Додди встретил меня очень трогательно. Он сидел у меня на коленях почти четверть часа, несколько раз нежно поцеловал и похихикал, смотрел мне в лицо и показывал пальцем, говоря всем, что я его папа». Дарвин, очевидно, в то время был в разлуке с Эммой, потому что их первенец спрашивал, где мама, «и он повторял твое имя таким тихим и грустным голосом, что я, признаюсь, чуть не разрыдался». Дарвин завершает: «Милый Додди, о нем можно писать бесконечно».

Тем не менее в следующие несколько месяцев здоровье Додди вызывало опасения. У него болел животик и не проходил кашель. Отец Дарвина, известный врач, объяснял боли в животе тем, что каждое утро Додди давали полчашки сливок. «Ничего вреднее и быть не может», — записал Дарвин слова своего отца. Немного позже Дарвин обнаружил, что ботинки ребенка влажные, а около его кровати нет воды. «Я рассказываю тебе обо всех этих неприятных обстоятельствах, чтобы и ты почувствовала необходимость заботиться о детях самим, а не доверять это другим людям». Супруги Дарвин были твердо уверены: не стоит слишком полагаться на помощь прислуги в уходе за детьми.

25 января Дарвин записал: «Наш дорогой малыш — прелестный толстячок, и мой отец окрестил его Сэром Карапузберри Неуклюжим». Неуклюжий (Кламси) — это персонаж комедии Ванбру «Неисправимый» и менее известной пьесы Шеридана «Поездка в Скарборо».

Через пять дней после того, как его сын страдал от боли в животе, Дарвин вдруг проявил неожиданную придирчивость к Додди. «Боюсь, он трус. Рядом с ним проскакала лягушка… и (он) в ужасе заревел, увидев страшное чудовище». Дарвину пришлось поцеловать его, чтобы «вовсю горланивший рот» закрылся. В конце концов Дарвин бросил в лягушку палку, и плач прекратился.

22 февраля, когда сыну был год и десять месяцев, Дарвин написал своей сестре Сюзанне Дарвин: «Бедный Додди горько сокрушается по поводу отъезда Эммы; у него есть очень мудрый способ утешаться в любой печали. Если ему в чем-нибудь отказывают, например в поездке вместе с Эммой, он радостно говорит: "Тогда завтра"; если и в этом отказывают — "Поедем потом", а если и так не выходит — "Поедем, когда Додди будет большой"».

Месяцем позже Дарвин написал Эмме, что в шутку боролся с сыном. 9 мая он выразил надежду, что у Додди не слишком капризный характер. Он соглашался с Эммой, что стоит попробовать дать сыну каломель, видимо, потому что у того резались зубы, а закончил упоминанием об их новорожденной дочери: «Жду с нетерпением, когда смогу поцеловать попку Энни». К октябрю Уильяму стало гораздо лучше, и Дарвин вздохнул с облегчением.

Дети не идеальны. Уильям ревновал. Один неприятный эпизод произошел, когда Дарвин играл с большой куклой, другой — когда отец взял на руки маленькую Энни, «ему (Уильяму) тогда было 15 с половиной месяцев». К сожалению, Дарвин не уточнил, почему он решил, что сын испытывает ревность. Как и во многом остальном, такое поведение Уильяма напоминало Дарвину поведение животных: он указывал, что собаки тоже часто бывают ревнивы.

В октябре 1843 г. Дарвин сетовал: «Как жаль, что наша Энни не душка… благослови Бог ее попку». Он добавлял, что

разлука заставляет его понять, как сильно он любит «трех своих цыплят». К тому времени у супругов родился третий ребенок, дочь Генриетта. Через два месяца Дарвин писал, что Эмма начала украшать волосы Энни двумя гребешками, «и малышка выглядит очаровательно». Девочка была «просто золото, за исключением того, что она почти каждый день хнычет около пяти часов дня, и успокоить ее в это время трудно».

Уильям, конечно, тоже мог капризничать. «В два года и три месяца он бросал в любого, кто его обижал, книги или палки и т. п.». Другие сыновья Дарвина делали то же самое, но дочери — нет. Это навело ученого на мысль, что «склонность кидаться вещами наследуют только мальчики».

Уильям оставался главным объектом наблюдений Дарвина, но мальчик не отличался проворностью: «Когда ему было два года четыре месяца, он обращался с карандашами, перьями и другими предметами гораздо менее аккуратно и ловко, чем его 14-месячная сестра, которая уже тогда показывала отличные врожденные способности *пользоваться чем угодно*».

Также дети закатывали истерики. Реакции Уильяма показывали, как сильно малыши страдают от неопределенных страхов. Когда Уильяму было два года и три месяца, Дарвин отвел его в лондонский зоопарк. Мальчику понравились знакомые животные, такие как олени, антилопы и разные виды птиц, даже страусы, но более крупные звери в клетках напугали его. После этого он часто говорил, что хотел бы пойти в зоопарк еще, но только так, чтобы не видеть «зверей в домиках». Дарвин предполагал, что «смутные, но очень реальные детские страхи, совершенно не зависящие от опыта, коренятся в настоящих опасностях и темных предрассудках глубокой древности».

Через три месяца после свадьбы Дарвин и Эмма провели три недели одни в Мэйре. В это время Дарвин написал большую работу о развитии нравственности. Дэвид Юм полагал, что все нравственные чувства порождает сопереживание

другому человеку. Юм, конечно, не наблюдал за животными, но Дарвин утверждал, что у людей есть «родительский, брачный и социальный инстинкты, а возможно, и другие… Они включают в себя любовь или благосклонность к объекту, о котором идет речь. Вне зависимости от происхождения этих инстинктов у других животных, они выражаются в столь сильном сочувствии, что особь забывает о себе и помогает, защищает и действует в интересах других существ в ущерб себе». Младенец Уильям предоставил Дарвину возможность понаблюдать за этим. «Первое проявление нравственного чувства я заметил у него в возрасте примерно 13 месяцев, — писал Дарвин. — Я сказал: “Додди не хочет поцеловать бедного папу. Злой Додди”». Дарвин считал, что эти слова «немного смутили сына. И наконец, когда я снова сел в свое кресло, он вытянул губы, показывая готовность поцеловать меня». Но потом Уильям сердито сжал руку отца, прежде чем Дарвин получил свой поцелуй. В следующие несколько дней этот ритуал повторялся. «Примирение, казалось, приносило ему такое удовольствие, что несколько раз после этого он притворялся, будто зол, и шлепал меня, а затем рвался целовать».

Другой пример «нравственного» поведения произвел на Дарвина большое впечатление. «В два года и три месяца Уильям отдал последний кусок имбирного пряника маленькой сестре и, весьма довольный собой, провозгласил: “О добрый Додди! Добрый Додди!”» Через два месяца Уильям стал невероятно чувствителен к насмешкам, и, если люди смеялись и разговаривали между собой, он часто думал, что смеются над ним. Немного позже (в два года и семь с половиной месяцев) «я заметил, как сын выходит из столовой с каким-то странным, неестественным видом и с подозрительным блеском в глазах. Я пошел в комнату, чтобы посмотреть, кто там находился, и обнаружил, что он полакомился дробленым сахаром, который ему брать не разрешалось. Поскольку его никогда никоим

образом не наказывали, его необычное поведение было продиктовано не страхом, а, я полагаю, наслаждением, вступившим в спор с совестью».

Дарвин полагал, что сопереживание происходит из «совсем небольшого изменения ассоциаций», при котором человек, наблюдающий за действиями другого человека, ощущает часть его радости или боли. Если следовать социальному инстинкту, это будет давать продолжительное удовольствие, а если утолять личные желания, получаемое удовольствие будет постепенно угасать.

Через две недели после того, как Уильям сражался с совестью из-за сахара, Дарвин отметил первый случай неискренности сына. Уильям разглядывал свой фартук, который он аккуратно свернул в трубочку, и сказал отцу уходить. Заинтересованный, Дарвин хотел посмотреть, что прячет сын, «однако тот ответил: “Ничего”, — и снова велел: “Уходи”». Оказалось, что передник был «испачкан огуречным рассолом, так что это был тщательно спланированный обман».

Также Дарвина поразило следующее наблюдение: «Ребенок до определенной степени понимает, и, как мне представляется, в очень раннем возрасте, намерения или чувства тех, кто за ним ухаживает, по выражению их лиц. В этом смысле не может быть сомнений в отношении улыбки; и мне кажется, что ребенок, чью биографию я здесь привожу, начал понимать выражение сострадания в возрасте чуть более пяти месяцев». Далее Дарвин вновь говорит о том, что Уильям показывал сочувствие к няне, изображая на лице грусть, когда та притворялась, будто плачет. В то время ему только-только исполнилось полгода.

Эмоциональная отзывчивость также рано проявилась у Уильяма. «В возрасте около года, когда он радовался, сделав что-то новое, он совершенно очевидно изучал выражения лиц окружающих. Возможно, из-за разницы выражений — а не только тех или иных черт — некоторые лица нравились

ему намного больше других, что стало заметно уже в шесть месяцев. Еще в возрасте до года он понимал интонации и жесты, а также отдельные слова и короткие предложения. Одно слово — имя его няни — он понимал ровно за пять месяцев до того, как изобрел свое первое слово "ням". И это предсказуемо, потому что нам известно, что низшие животные легко научаются понимать произносимые слова».

Дарвин не опубликовал свои наблюдения за дочерью Энни по вполне понятным причинам. Она родилась на Гауэр-стрит 2 марта 1841 г., через два года после Уильяма. Другой потомок Дарвина, Рэндолл Кейнс, в книге «Коробка Энни» описывает некоторые подробности жизни девочки.

Когда Энни было около трех лет, ей и Уильяму позволили вырезать картинки из журналов *Punch* и *The Illustrated London News*. Через несколько месяцев Дарвин увидел, как дочь смотрит на иллюстрацию с изображением девочки, плачущей у могилы матери. «Я услышал, как Вилли сказал: "Ты плачешь". Энни рассмеялась и ответила: "Нет. Просто из моих глаз льется вода"». Когда дети немного подросли, родители наняли им преподавателя, чтобы он научил их красиво писать. У Энни, однако, почерк был неровный, а правописание сильно хромало.

Дарвин и его жена были заботливыми и внимательными родителями, но они не избежали участи многих викторианских семей: трое из их десяти детей умерли в раннем возрасте. В десять лет Энни серьезно заболела. Отец отвез ее в Малверн к доктору Галли. Ее состояние не было тяжелым, и он оставил дочь на попечение врача и уехал в Лондон. 17 апреля 1851 г. ему пришлось вернуться, потому что болезнь Энни опасно усугубилась. «Ты бы не узнала ее — так побледнело, заострилось и исхудало ее лицо», — писал Дарвин жене. Галли сообщил Дарвину, что Энни вряд ли переживет эту ночь. Сраженный горем отец бросился на диван. Но ту ночь она пережила. В следующие несколько дней Дарвин слал письма Эмме каждый

день. Однажды он написал: «Я не могу усидеть на месте, все время вскакиваю». В понедельник появилась надежда, что Энни стало лучше, «но нельзя слишком обольщаться». Затем ее вырвало ярко-зеленой жидкостью, и все упования обернулись жестоким самообманом.

Энни мирно скончалась около полудня в среду 23 апреля. У Дарвина остался лишь ее дагерротип, сделанный двумя годами раньше.

Из-за смерти Энни супруги Дарвин бесконечно тревожились о здоровье остальных детей. В память о дочери Дарвин написал полный печали текст. Стоит привести обширную цитату, потому что эти слова так много говорят о любви отца к своему ребенку. Он называл ее «наше бедное дитя».

«Ее дорогое лицо сейчас стоит передо мной, как тогда, когда она бегом спускалась с лестницы, стащив где-то для меня понюшку табаку, и все ее существо сияло от счастья дарить радость. Даже когда она играла со своими двоюродными братьями и сестрами и ее жизнерадостность переходила почти в неистовство, то стоило мне лишь посмотреть на нее взглядом, выражавшим не недовольство (ибо, слава богу, я никогда не смотрел на нее без удовольствия), но нужду в сочувствии, как ее лицо изменялось на несколько минут. Эта отзывчивость к малейшему намеку на порицание делала ее характер ангельским: Энни не давала повода бранить или наказывать ее. Ее чувствительность проявилась в самом раннем возрасте: она горько плакала над любой печальной сказкой или когда расставалась с Эммой даже на короткое время. Однажды, будучи совсем малышкой, она воскликнула: “О мама! Что нам делать, если ты умрешь!”»

Дарвин обожал ее — и чрезвычайно ценил. Энни была очень нежной дочерью. «В младенчестве это выражалось в том, что, лежа в постели с Эммой, она никогда не успокаивалась, пока не касалась матери, а позже, когда дочка

хворала, ей нужно было непременно ласкать руку Эммы. Если ей нездоровилось, Эмма лежала рядом с ней и утешала, казалось, совсем иначе, чем всех остальных наших детей. И опять же Энни почти в любое время уделяла полчаса тому, чтобы причесать мои волосы, как она говорила, “чтобы было красиво”, или пригладить мой воротник или манжеты, а иначе говоря, приласкать меня». Ей нравилось, когда ее целовали.

«Иногда Энни кокетничала со мной. Прелестные воспоминания: в речи она часто использовала преувеличения, и как сейчас вижу: я поддразниваю дочь, смеясь над этой ее привычкой, а она в ответ трясет головой и восклицает: “О папá, как вам не совестно!”

Она искренне восхищалась младшими детьми. Как часто она с восторгом заявляла: “Ах, какая милашка наша Бетти, правда же?”»

Энни любила имена и слова, писал Дарвин, смотрела значения в словарях и «находила странное удовольствие в том, чтобы сравнивать слово в слово два издания одной и той же книги; а еще она часами сверяла цвета каких-либо предметов с их классификацией и названиями, перечисленными в моих книгах».

Дарвин восхищался тем, с каким мужеством его дочь переносила свою последнюю болезнь: «Она вела себя поистине ангельски: не жаловалась, не капризничала, была доброжелательна к людям и кротко и трогательно выражала благодарность за заботу. Изможденная до такой степени, что с трудом говорила, она хвалила все, что ей давали, и говорила, что чай “замечательно хорош”. Когда я подал ей воды, она сказала: “Большое тебе спасибо” — и это, думаю, были последние драгоценные слова, что ее дорогие уста сказали мне.

Наш дом лишился радости, а мы — утешения нашей старости. Она, должно быть, знала, как мы любили ее. О, сейчас она

знает наверное, что мы по-прежнему глубоко и нежно любим и всегда будем любить ее дорогое жизнерадостное личико. Да благословит ее Господь».

После смерти Энни Дарвин каждое воскресенье провожал семью до церкви, но никогда не заходил внутрь. Несколько десятков лет спустя, когда Дарвин был уже стариком, его сын Фрэнсис заметил, что разговоры об Энни все еще заставляют отца плакать. В последний год жизни Дарвин утешал ботаника Джозефа Гукера, только что потерявшего брата. Он сравнивал смерть молодого и старого человека. «Когда впереди могло еще быть блестящее будущее, — говорил он Гукеру, — смерть — горе, которое никогда полностью не изгладится». Он не в силах был посещать могилу Энни, это вызывало столько живых воспоминаний. Гибель Энни стала «внезапным и жестоким ударом», тогда как известно, что смерть отца всегда «приближается медленно».

Через три недели после смерти Энни Эмма родила сына. Она надеялась, что забота о малыше сможет приглушить ее боль, но этого не произошло. Наоборот, оба — и мать, и отец — представляли, как бы радовалась Энни новому брату, которого назвали Горацием. Если Эмма находила утешение в религии и верила, что после смерти они с Энни воссоединятся, то для Дарвина лучшим способом пережить горе была работа — и он окунулся в исследования с головой. В эти годы он трудился над двумя томами об усоногих раках. Он часто позволял детям смотреть, как работает, — их присутствие дарило отраду. Один из его сыновей спросил у соседского мальчика: «А где твой папа занимается усоногими раками?» Его друг, конечно же, был озадачен.

До Горация у Дарвина и Эммы родилась дочь Мэри Элеанор, которая не прожила и месяца. Через год и два дня после рождения Мэри появилась на свет другая дочь, Генриетта, позже она напишет трогательные воспоминания о родителях.

Дарвин всегда наслаждался обществом своих детей, о чем свидетельствуют несколько эпизодов.

В одном из писем говорится, как четырехлетний Фрэнсис предлагает отцу орех, а затем еще пол-ореха. Леонард, когда ему было пять лет, хвастался, что он выдающийся искатель трав, и передал сестре за обедом травинку. Семья проводила время весело, гораздо веселее, чем прошло детство самого Дарвина, — это благо Дарвин приписывал влиянию Эммы.

Однако Дарвин постоянно волновался о здоровье своих детей и боялся, что они унаследовали его предрасположенность к заболеваниям. В конце августа 1857 г. Леонард тяжело захворал, и Дарвин был убежден, что им предстоит потерять еще одного ребенка. «Это делает жизнь очень горькой», — писал он Гукеру. Но через десять дней мальчик поправился. «Мужчине следует оставаться холостяком», — продолжал Дарвин, потому что тогда ему не придется испытывать муки беспокойства за любимых чад.

Через год в деревне, где они жили, шестеро детей умерли от скарлатины. Заболела Генриетта, и семья тут же уехала на остров Уайт, чтобы обеспечить девочке условия для выздоровления. После десяти ужасных дней она пошла на поправку.

Супругам пришлось пережить смерть еще одного ребенка — самого младшего, Чарльза, который страдал синдромом Дауна и умер 28 июня 1858 г. в возрасте 18 месяцев. Генриетта писала: «И отец, и мать были бесконечно нежны с ним, но когда летом 1858 г. брат умер, они, пережив это горе, возблагодарили судьбу».

Дарвин любил работать вместе с детьми. Фрэнсис помогал ему в написании книги «Лазящие растения». Поскольку они жили в Кенте, известном своим хмелем, то за пивом обсуждали вопрос: как хмель находит опору и растет на ней? Дарвин и Фрэнсис выращивали под стеклом различные виды хмеля и наблюдали за положением верхушки. Они обнаружили, что

молодой побег хмеля растет, совершая кругообразные движения. Они изучили другие лазящие растения и выяснили, что те описывают спираль, пока не прикрепляются к опоре, но даже хмель обладает неким «разумом» и может менять направление своего роста, чтобы обогнуть препятствия.

Также Дарвин изучал вместе с Горацием червей. Отец и сын узнали, что черви, как и растения, могут обходить препятствия. Один из разделов написанной ими книги называется «Умственные способности». В начале авторы иронически замечают: «Мало что можно сказать по этому поводу». Хотя черви и стоят «довольно низко на шкале организации, они обладают некоторой способностью к разумным действиям».

Иногда Дарвин позволял детям замечать свои тревоги. Например, в 1865 г. Леонард, который тогда был подростком, осознал, как беспокоился его отец, когда они играли в саду. Дарвин отвернулся от сына, как будто не имел сил говорить. «Потом вдруг меня пронзила убежденность, что он не хочет больше жить. Видимо, на лице его появилось напряженное и усталое выражение, раз в тех обстоятельствах оно произвело на ребенка такое впечатление», — писал Леонард.

Так же, как и Фрейд 50 лет спустя, Дарвин тревожился о том, как дети будут зарабатывать на жизнь. Однако у Дарвина на это было меньше причин. Джордж изучал астрономию и получил должность профессора астрономии и экспериментальной философии Кембриджского университета. Фрэнсис издал автобиографию отца и стал ботаником, специализирующимся на физиологии растений. Он оказал влияние на дарвиновский труд «Сила движения у растений» (1880).

Когда Гораций уехал в Кембридж, Дарвин написал ему замечательное письмо, которое во многом выдает его собственный подход к научному мышлению:

«Вчера вечером я размышлял, что делает человека первооткрывателем неизведанного; здесь не может быть простого

ответа. Многие очень умные люди — гораздо умнее, чем первооткрыватели, — не совершают никаких открытий. Могу предположить, что это искусство состоит в том, чтобы изо дня в день изучать причины и значение всего происходящего. Это подразумевает внимательное наблюдение и требует колоссального количества знаний об изучаемом предмете».

Гораций стал инженером и основал Кембриджскую компанию по производству научных приборов. В 1896–1897 гг. он был мэром Кембриджа, а в 1903 г. его избрали членом Королевского общества по развитию знаний о природе.

Приведу еще один пример, показывающий, как близок был отец со своим «выводком». В 1880 г., за два года до смерти Дарвина, дети приятно его удивили: преподнесли в подарок меховую шубу. Фрэнсис написал Генриетте: «По отцовскому восторженному письму ты увидишь, насколько он доволен». Дарвин отправил своим детям письма, в которых поблагодарил их и добавил: «Какой бы теплой ни была шуба, она никогда не согреет мое тело так, как ваша драгоценная любовь согревает мне сердце».

В своих воспоминаниях Генриетта проникновенно написала о последних днях отца. «В конце месяца (января 1882 г.) здоровье отца снова пошатнулось. Весь февраль и март он хворал и во время прогулок не решался уходить далеко от дома из страха, что у него прихватит сердце. Но я помню и счастливые часы, которые он проводил с матерью в саду». К 13 марта Дарвин был уже на краю могилы. Однако в апреле он оправился, и 17-го Эмма писала: «Хороший день: немного поработал и дважды выходил в сад». На следующий день: «В 12 роковой приступ». Но в следующие два дня Дарвин все же снова собрался с силами и даже сказал Генриетте: «“Ты моя самая любимая сиделка”. Он тихо скончался в 3:3019 апреля». Это был спокойный конец бурной жизни интеллектуала. Эмма написала своему сыну Лео: «Скажу тебе, что беззаветная

любовь и почитание вами, дорогие сыновья, вашего отца — мое самое большое счастье. И это связывает нас вместе больше прежнего».

Дарвина похоронили с почестями в Вестминстерском аббатстве. Гроб с телом несли два герцога, граф, королевский типограф и три человека, которые в свое время поддержали дарвиновскую теорию эволюции: Джозеф Гукер, Томас Гексли и Альфред Рассел Уоллес. Публикация статьи последнего в 1859 г. подтолкнула Дарвина к тому, чтобы наконец-то выпустить в свет «Происхождение видов».

Жаль, что Дарвин не опубликовал свои наблюдения за Уильямом гораздо раньше: они могли бы побудить других ранних «психологов» подробно изучать поведение младенцев. Имеет смысл противопоставить тщательность этих заметок работам Джеймса Селли — богослова, ставшего психологом после того, как он прошел обучение у Гельмгольца и Дюбуа-Реймона, которые также были учителями Фрейда. В 1890-х Селли выпустил две книги о детях. Он пишет, что дети боятся животных и темноты, и добавляет драматический оттенок: «Иногда кажется, что дети испытывают отвращение к черным овцам или другим животным просто потому, что они не любят черных предметов, хотя это чувство может и не приравниваться к тому, что называется страхом». Селли считал, что «только лишь большой размер животного да пугающий внешний вид, который часто проистекает из видимого искажения знакомого человеческого лица, может объяснять эти ранние страхи».

Птицы тоже могут пугать, потому что, когда дети видят, как они клюют, «мозг ребенка с готовностью воспринимает эти движения как враждебные». Селли заявлял, что это объясняет, почему поросята однажды испугали двухлетнего мальчика: когда ребенок увидел их сосущими материнское молоко, он подумал, что те кусают свою мать.

Селли утверждал, что «находясь в одиночестве в темной комнате, дети часто боятся страшных животных, в основном черных, как показывает красноречивое выражение *bête noire**». Он приводит пример того, какими ужасными «могут быть эти жуткие страхи, если речь идет о нервном ребенке вроде Чарльза Лэма». В семье Лэма был случай сумасшествия, и в детстве его мучили кошмары, в которых ему являлась тетка в образе ведьмы.

Фрейд родился за три года до выхода в свет «Происхождения видов» Дарвина. Однако австрийский ученый за всю практику наблюдал только одного ребенка, который известен в литературе как Маленький Ганс. В свете этого я сначала обращусь к одному из непосредственных последователей Дарвина, весьма влиятельному психологу XX в. Джону Уотсону, много работавшему с детьми, и не только со своими. Уотсон полагал, что психология должна быть полезной, а ее достижения призваны помогать людям улучшать их жизнь. Также он считал, что ради своих детей должен попытаться вырастить их в соответствии с собственными теориями.

* Пугало, жупел, предмет отвращения; досл. — «черный зверь» (фр.).

Джон Уотсон

Трагедии бихевиориста

Джон Бродес Уотсон хвастался тем, что может вылепить из любого ребенка юриста, врача или вора.

Когда я работал над биографией Уотсона, то побеседовал с двумя его живущими ныне детьми — Поли Хартли, старшей дочерью от первого брака, и Джеймсом, младшим сыном от второй жены Розали Рейнер. Через 20 лет после смерти отца оба они сохранили глубокие чувства к нему и противоречивые воспоминания.

Уотсон создал свою теорию на заре деятельности. Его детство было далеко не идеальным. Он родился в 1878 г. в Гринвилле, Южная Каролина, — «деревне с 20 000 душ». Слово «души» очень подходящее, потому что Гринвилл являлся евангелистским поселением. В 1825 г. там открыли Баптистский богословский колледж. Мать Уотсона Эмма была истовой баптисткой, но отец считался закоренелым грешником и гордился этим. Пайкенс пьянствовал, распутничал и в конце концов сбежал с индианкой. Его 13-летний сын очень страдал из-за этого и стал проявлять «некоторое неповиновение в школе». Дерзости в адрес учителей можно назвать самыми невинными его выходками. Когда преподаватели не видели, Уотсон и его друг Джо Лич задирали друг друга. После школы, по пути домой они устраивали побоища, а также часто принимали участие в очаровательном южном развлечении под названием «битва черномазых». Однако серьезные неприятности Уотсон навлек

на себя лишь однажды — когда выстрелил из пистолета в центре Гринвилла. Тюрьмы он каким-то образом избежал.

Уотсон никогда не объяснял, как в следующие два года ему удалось остепениться, но это произошло, и он стал образцовым студентом. Убедил ректора местного Университета Фурмана принять его учиться. Уотсон засел за книги, и сокурсники прозвали его Зубрилой, что его раздражало. После ухода отца семья бедствовала, и Уотсону приходилось браться за самую разную работу, чтобы платить за обучение. Он кряхтел, но трудился; необузданный подросток делал первые шаги к тому, чтобы стать уважаемым профессором — по крайней мере на следующие 20 лет. Тем не менее его беспокойное детство оставило свой след. Уотсон часто чувствовал незащищенность. Например, он всегда спал с зажженным светом и боялся грозы. Иррациональные страхи психологов, возможно, заслуживают изучения.

В 21 год он окончил Университет Фурмана и хотел уехать из Гринвилла, но мать сильно болела. Чтобы заработать на жизнь, Уотсон преподавал в местной школе. Там он начал исследования, которые сделали его одним из ведущих психологов XX в. В Институте Бейтсбурга он держал «крысиный домик», отчасти чтобы развлекать детей, отчасти потому что ему нравилось наблюдать за животными и дрессировать их.

В июле 1900 г. мать Уотсона умерла, и он получил возможность продолжить обучение. Он упросил ректора Университета Фурмана написать ему блестящие рекомендации в два престижных университета — Принстонский и Чикагский. Оба учебных заведения согласились принять его в аспирантуру. Уотсон выбрал Чикаго. Через месяц после смерти матери Уотсон покинул Гринвилл с пятьюдесятью долларами в кармане. Сюда он больше не вернулся.

В докторской диссертации «Обучение животных» Уотсон анализировал связь между мозгом и изменением поведения,

преимущественно во время обучения, у крыс. Это исследование оказало влияние на его теории развития детей и в конечном счете на способ воспитания его собственных отпрысков.

Уотсон смастерил несколько «клеток-головоломок» для крыс. Одна из них имела скрытые дверцы, которые детенышу нужно было найти, чтобы добраться до еды. Крыса должна была потянуть за веревку и открыть запор. Позже он изобрел более сложную конструкцию с перекладиной, по которой животному надо было пройти. В какой-то момент благодаря весу крысы перекладина поднимала дверцу, за которой находилась еда. Уотсон выяснил, что молодые, 30-дневные, крысы справляются с этим заданием быстрее, чем крысы постарше, 75 дней от роду.

Обучение протекало неравномерно. Одному грызуну в первый раз понадобилось 12 минут, чтобы «осознать» необходимость потянуть за веревку, чтобы открыть запор. Во второй раз эта крыса нашла решение снова за 12 минут, но затем она справлялась за три минуты, восемь минут, две минуты и опять за три минуты. После этого ее вдруг «озаряло», и она открывала замок за 21 секунду, 19,8, 9,6, 4,8, 6,48 секунды. Уотсон сделал важное открытие: процесс обучения развивается скачкообразно. Он также обнаружил, что крысы показывают наилучшие результаты между 23-м и 27-м днем. «Наблюдать за ними очень увлекательно, — писал он. — Они снуют с места на место, пробуя все подряд».

Уотсон стал самым молодым обладателем докторской степени в Чикагском университете. Через 35 лет он писал в короткой автобиографической заметке: «Там я начал предварительно формулировать свою позднейшую теорию». Однако в 1902 г. эти формулировки были не просто предварительными, но неофициальными и вызывали серьезную тревогу. Когда Уотсон заканчивал обучение, он пережил своего рода нервный срыв. Изучение крыс привело его к убеждению, что

психология должна быть объективной наукой, которая опирается на данные исследований, и только на них. За людьми следует наблюдать так же, как и за крысами. Тем не менее его коллеги полагали, что для понимания человеческого мозга нужно использовать интроспекцию (самонаблюдение). А крысы недостаточно умны, чтобы этим заниматься. В те времена под самонаблюдением подразумевали не осознание своих чувств, а попытки обнаружить «атомы рассудка», основных элементов мыслительной деятельности. Психологи стремились подражать физикам в поисках этих атомов. Уотсон знал, что его идеи вступают в противоречие с представлениями остальных специалистов, и это выводило его из равновесия.

Кроме того, нервному срыву способствовала неудача в любви. Уотсон сделал предложение молодой женщине, но та отвергла его. Правда, вскоре Уотсон нашел новую любовь. Студентка из его лаборатории Мэри Икес происходила из состоятельной и даже знаменитой семьи. Ее брат Гарольд Икес позже стал министром при Франклине Рузвельте. Икес считал Уотсона авантюристом, недостойным его сестры. Когда Гарольд понял, что Мэри увлечена психологом, он отослал ее в Алтуну (Пенсильвания).

Но Уотсон не собирался легко сдаваться. Он поехал вслед за возлюбленной и сделал ей предложение, хотя имел только скромное жалованье в $600. Несмотря на неодобрение семьи, Мэри приняла предложение. В 1904 г. у них родился сын Джон, а спустя два года — дочь Полли. Проводить время с детьми и смотреть, как они растут, было интересно, но никаких записей Уотсон не вел.

Через два года после рождения Полли Уотсон перевелся из Чикаго в Университет Джонса Хопкинса* и в 28 лет стал профессором психологии. Следующие 12 лет были очень пло-

* В Балтиморе, штат Мэриленд.

дотворными — во многом благодаря удачному браку. Полли рассказала мне, что родители почти не ссорились, по крайней мере на глазах у детей. Однако Полли, чья жизнь сложилась неблагополучно, не была счастлива. Ее мать не считала нужным выражать свои чувства и так же, как отец, не имела привычки часто обнимать и целовать детей. Маленькой Полли это казалось естественным. Тогда такое поведение родителей еще не диктовалось философией воспитания, основанной на теориях Уотсона.

К 1913 г. Уотсон исследовал многие аспекты поведения животных и понемногу начал изучать поведение человека. Например, он пытался выяснить, насколько хорошо люди печатают на машинке и стреляют из лука в состоянии опьянения. При этом Уотсон видел, что, обсуждая результаты самонаблюдения, психологи все время противоречат друг другу. Из-за этих противоречий, считал Уотсон, непрактично опираться на сны, воспоминания и ассоциации, чтобы понять мотивы наших поступков. Следует наблюдать за поведением, настаивал он. В статье «Психология с точки зрения бихевиориста», которая сделала его ведущим специалистом, он утверждал, что психология «на протяжении более 50 лет своего существования в качестве экспериментальной дисциплины явно не смогла занять место в мире как бесспорная естественная наука». Он объясняет это тем, что «в ее методах есть нечто понятное лишь посвященным. Если вы не смогли воспроизвести результаты моих исследований, то не из-за погрешности ваших приборов или неправильного применения раздражителей, но вследствие вашей неумелой интроспекции». Психология должна оставить интроспекцию и опираться на исследование поведения. Эта идея была настолько полемичной, что Уотсон не посылал черновик никому из своих друзей из опасения, что те станут убеждать его смягчить категоричность выводов. Но в итоге статью приняли очень хорошо.



В феврале 1916 г. ученый решил сосредоточить основное внимание на изучении детей. Его план был на удивление прост, но ранее никто ничего подобного не предпринимал. Уотсон собирался наблюдать за сорока детьми с самого их рождения. Он еще только приступал к работе, когда Америка вступила в Первую мировую войну. Как одного из ведущих психологов страны, Уотсона попросили посетить расположение американских войск в Европе, чтобы помочь в создании просветительских брошюр на тему венерических заболеваний, которые распространялись в армии ввиду неразборчивых связей солдат с французскими девушками. Пентагон опасался за интимное здоровье своих подопечных.

Перед отплытием в Европу Уотсон поцеловал 11-летнюю дочь Полли, чем очень удивил ее, поскольку она не видела ласки от отца годами. Его младший сын Джеймс также заявлял, что папа никогда не целовал его.

Военных Уотсон не жаловал и меньше чем через год вернулся в Университет Джонса Хопкинса с твердым намерением продолжить работу с детьми. Вскоре он обнаружил, что Уильям Дарвин был не столь одаренным ребенком, как представлялось его любящему отцу. Уильям смог сфокусировать взгляд на предмете на девятый день жизни, но одному ребенку в Балтиморе через 14 часов после рождения удалось скоординировать движения глаз и зафиксировать взгляд на источнике света перед его лицом. Через три часа он поворачивал голову и смотрел на светильники, расположенные под углом 20° справа и слева от него. Новорожденные оказались сообразительнее, чем полагали психологи.

Также Уотсон хотел посмотреть, как младенцы реагируют на опасность и предпринимают ли они «защитные действия». Его эксперимент был до смешного примитивным. Исследователь, почти наверняка Уотсон, щипал ребенка за нос. Один разгневанный малыш четырех дней от роду сразу поднял руки

вверх и оттолкнул навязчивые пальцы психолога. Пощипывание коленок тоже не нравилось детям. В попытках защититься этим крохам удавалось неплохо управлять своими мышцами. «Впечатляет», — заключил Уотсон.

Кроме прочего Уотсон наблюдал за улыбками — самым ярким выражением эмоций младенца. Он видел улыбающегося четырехдневного ребенка. Другие дети улыбались на седьмой или восьмой день, обычно если их нежно гладили или слегка щекотали. Младенцы часто протягивали ручки, чтобы их взяли на руки, просили ласки. Это привело к неприятному выводу: казалось, между матерью и ребенком нет непосредственной связи. Любовь вроде бы порождается тем фактом, что мать гладит и обнимает дитя. Уотсон пришел к заключению, что большинство матерей становятся зависимыми от объятий и поцелуев их отпрысков — и это не очень хорошо, поскольку может вызвать кровосмесительные порывы.

К 1919 г. брак Уотсона расстроился. Мэри, его жена, опасалась, что у него есть любовница. Однажды супругов пригласила на обед чета Рейнер, чью дочь Мэри подозревала в связи с Уотсоном. Мэри была хитра, как крыса, — вероятно, такое сравнение оправданно, учитывая работу ее мужа. Женщина притворилась, что плохо себя чувствует, и пошла прилечь в спальню Розали. Оставшись одна, она перерыла все шкафы и обнаружила пылкие письма Уотсона.

Обострили ситуацию недавние события в университете. Предшественника Уотсона в должности профессора психологии Марка Болдуина уволили в 1908 г., после того как стало известно, что он посещает так называемый «черный бордель». Респектабельное учебное заведение не могло позволить себе второй скандал на сексуальной почве. Дочь Уотсона Полли рассказала мне: отец понимал, что рискует потерять работу, и пытался уговорить Мэри поехать в Швейцарию на два года, чтобы он смог избежать скандала и сохранить свою должность.

Мэри злилась на мужа, чувствовала себя преданной, к тому же Гарольд Икес настраивал сестру против каких-либо компромиссов. Ехать за границу она отказалась. В конце концов Уотсон, не дожидаясь, когда его уволят, сложил с себя обязанности.

Позже Уотсон писал, что каждой клеточкой тела принадлежал Розали. Полли считает, что вторая жена была единственным человеком, кому отец отдал всего себя безраздельно. Но она бы ни за что не стала описывать Розали таким образом в 1920 г., потому что развод родителей явился для нее потрясением.

Но не меньший шок испытал и сам Уотсон. В результате развода он лишился работы и всех денег, ему пришлось уехать в Нью-Йорк и поселиться у друга. Почти все коллеги, которые раньше восхищались его работой, теперь сторонились его. Единственным, кто предложил помощь, был Стэнли Ризор, руководивший рекламным агентством J. Walter Thompson. Он согласился взять Уотсона на работу, но настаивал на том, чтобы знаменитый профессор начал с самой нижней ступени, как коммивояжер. Это было очень по-американски. Человек, которого Пентагон привлекал к созданию образовательной программы для своих военных, теперь вынужден был мыкаться от магазина к магазину и продавать разные товары вроде растворимого кофе Yuban. В процессе работы Уотсон понял, что может значительно повысить продажи, если договорится с магазинами размещать его товары около кассы, чтобы клиенты могли выбирать их во время оплаты покупок. Работа на J. Walter Thompson означала конец его карьеры как университетского психолога, но Уотсон не хотел бросать начатое исследование детского развития.

Кроме того, Уотсон желал заниматься детской психологией, но он не мог совмещать две работы. Поэтому Розали познакомила его со своей подругой Мэри Кавер Джонс — молодым

психологом из колледжа Вассара, которая могла наблюдать за детьми каждый день. Уотсон договорился с фондом Лоры Спелман–Рокфеллер о финансировании ее исследований. Джонс наблюдала за младенцами в дневных яслях на Манхэттене и продолжала работу, начатую Уотсоном в Университете Джонса Хопкинса. Уотсон же непременно приходил в ясли каждую субботу и пытался выкроить час или два на неделе между разработкой рекламных мероприятий для кольдкрема Pond's, сигарет Camel и железнодорожных компаний.

Сегодня больше всего помнят об одном эпизоде работы Уотсона с детьми — его эксперименте «Маленький Альберт» — и исследованиях факторов страха у младенцев. Эксперименты начинались вполне обычно. Уотсон показывал трем младенцам голубя, кролика и черного кота. Во всех случаях дети ничего не боялись и пытались погладить животное. Одну девочку 172 дней от роду незнакомец взял на руки и принес в темную комнату, где она не могла видеть свою мать. «Подумаешь, — казалось, подумал ребенок. — А вот и не испугаете».

От природы дети не боятся животных, скорее проявляют любопытство, заключил Уотсон. Страхи им насаждают чрезмерно заботливые родители — это суждение окажет влияние на его подход к воспитанию собственных детей.

«Маленький Альберт» стал одним из самых спорных психологических экспериментов с детьми. Уотсон и Рейнер показывали 9-месячному мальчику белую крысу и других пушистых животных. Альберту нравилось играть с ними, пока однажды Уотсон не произвел громкий шум позади головы ребенка. Альберт очень испугался и закричал. Стимул вызвал длительную реакцию: после этого Уотсон и Рейнер показывали Альберту животных и меховые игрушки много раз, не издавая никакого шума, тем более пугающего, но ничего не получалось — ребенок в ужасе отшатывался; животное, которое раньше вызывало радость и любопытство, теперь порождало страх.

Эксперимент повлек за собой острую полемику. Много лет спустя стало известно, что Маленький Альберт — это Дуглас Мерритт, сын кормилицы, работавшей в больнице Джона Хопкинса. Но историческое расследование обнаружило один нюанс. Дуглас умер в шесть лет от гидроцефалии. Мог ли он реагировать на крыс и на шум так же, как здоровый ребенок? Если Альберт отличался от своих сверстников, значит, выводы этого эксперимента нельзя распространять на всех детей, а именно это и хотел сделать Уотсон.

Первый ребенок Уотсона и Розали — Билл — родился 21 ноября 1921 г. Уотсону нравилось, что в доме опять есть малыш. Ученый признался психологу Эдварду Титченеру, который поддерживал его во время развода, что из-за рождения младенца он снова чувствует себя молодым и ему жаль уходить каждый день на работу — он бы предпочел остаться дома и день за днем смотреть, как растет Билли. Но Розали тоже была психологом, и бóльшую часть ежедневных наблюдений вела она. Скоро мы увидим поразительное сходство этой пары с четой Пиаже.

Розали быстро обнаружила, что пение успокаивает малыша, и Уотсон с женой, как всегда, решили провести эксперимент — посмотреть, что случится, если ограничить Билла в движениях и включить музыку. Розали не позволяла ему шевелить головой, руками и ногами, и одновременно кто-то менял граммофонные пластинки. Несмотря на спокойную музыку, Билл буйствовал.

Далее, когда Биллу исполнилось три месяца, супруги попытались контролировать его дефекацию. «Я думала, что мне удалось стимулировать его кишечник, но я ошиблась», — писала Розали. Собственно, у Билла часто случались запоры, и ему приходилось давать слабительное.

Позже, в феврале, Билл стал активно использовать свои руки. Он больше не «шевелил ими просто так по обе стороны

туловища. Они, казалось, постоянно тянулись друг к другу». В возрасте 110 дней Билл мог дотягиваться до предметов. К маю, когда ему исполнилось шесть месяцев, он приобрел некоторые навыки: мог взять куклу или игрушечного кролика и повертеть их в руках. Записи Уотсонов показывают, что ребенок становился более любопытным, и это напоминало Джону о молодых крысах, которых он изучал в 1902-м.

К апрелю Билл начал произносить звуки. Он гулил, громко смеялся и говорил «А-а». Однажды Розали услышала, как сын произнес: «Па», — и повторила это. Родители пытались приучить мальчика говорить «папа» — к сожалению, они не объясняют, как именно, — но до июня так и не добились успеха.

Однажды Розали пришлось уехать на пару дней, а когда она вернулась, ребенок не узнал ее. Она писала, что должна помочь ему снова привыкнуть к ней, но не уточняла, что для этого требуется.

Уотсон выдвигал категоричные и, по нынешним меркам, иногда сомнительные идеи. Когда Биллу было восемь месяцев, его родители собирались на вечеринку, и Уотсон первым вышел из детской. Розали на цыпочках прокралась через заднюю дверь, надеясь, что сын не поймет, что она ушла. Но обмануть Билла не удалось, и малыш начал реветь. Уотсона это развеселило, но и раздосадовало: он не желал, чтобы сын так сильно зависел от родителей.

Когда Билл начал все время лепетать «бу-бу» и «гу-гу», родителям хотелось, чтобы он бормотал «папа». Только 24 июня ему удалось произнести это слово, хотя поначалу мальчик использовал его для обозначения не отца, а бутылочки. Заметки о Билле заканчиваются, когда тому было около 18 месяцев.

Уотсон хотел понять, что произошло с Маленьким Альбертом, и Мэри Кавер Джонс сосредоточилась на изучении страхов и способов излечения от них детей. Как обычно, она использовала пушистых животных. В яслях была пятилетняя

девочка, которая ужасно боялась кроликов. Ей читали рассказы Беатрис Поттер, объясняли, что кролики — очень милые существа, просили вылепить нестрашного кролика из пластилина. Постепенно им удалось добиться того, что она говорила, будто любит кроликов, но, увидев этих животных в следующий раз, она заплакала от страха.

Другой ребенок, Питер, смышленый трехлетний мальчик, боялся кроликов и белых крыс, шуб, перьев, ваты, лягушек, рыб и механических игрушек — его страх иногда доходил до абсурда. Когда он увидел, как двухлетняя девочка берет в руки крысу и играет с ней, Питер завизжал и повалился на спину. К этому времени Уотсон был уверен, что избавить ребенка от страха можно постепенно приучая его к тому, что вызвало испуг. Уотсон попросил работников яслей дать Питеру обед и поставить перед ним клетку с кроликом. День за днем клетку придвигали все ближе. Наконец Питер стал одной рукой класть в рот еду, а другой играть с кроликом. Этот метод Уотсона теперь известен как десенсибилизация и с некоторым успехом используется в лечении ряда фобий.

Уотсон и Розали надеялись, что их дети будут лишены подобных страхов. В занимательной статье «Я мать сыновей бихевиориста» Розали признавалась, что слишком любит детей, чтобы все время придерживаться правил, установленных мужем. «В некоторых отношениях я отдаю должное мудрости науки о поведении, но в других — бунтую против нее, — писала она. — Я втайне надеюсь, что благодаря любви дети станут иногда проявлять слабость, когда вырастут, что поэзия, житейские драмы или возвышенные чувства будут вызывать у них слезы… Мне нравится веселиться и глупо смеяться. Бихевиористы же считают такой смех знаком слабой приспособляемости».

Билли не разочаровывал мать — он был так привязан к ней, что всегда плакал, когда та уходила. Хотя Уотсон обожал Розали,

она по-прежнему вела себя как его преданная студентка и подчинялась строжайшим правилам мужа.

У Билли развился страх перед аквариумными рыбками, но отец избавил от него сына таким же образом, как вылечил Питера от боязни кроликов. Фобия исчезла, однако, замечала Розали, Уотсону не удалось справиться «с привычкой мальчика грызть ногти. Наш старший сын грызет ногти, а такого не должно быть в семье бихевиориста». Они пытались мазать пальцы Билли клеем, укладывали его спать в перчатках, но никакие уловки не помогли.

Уотсон был первым человеком, пытавшимся разработать объективный тест, связанный с двумя ключевыми идеями Фрейда — эдиповым комплексом и соперничеством между братьями и сестрами. Ни один из этих тестов, по мнению Уотсона, не требует особой методики. Если мальчик грудного возраста увидит, как отец страстно целует мать, будет ли он кипеть от ревности? Эксперимент был легким, как детская игра. Уотсон принялся с жаром целовать Розали, чтобы посмотреть, заплачет ли его 11-месячный сын Билли. Если да — значит эдипов комплекс не выдумка. Тогда малыш Билли не заплакал, но через год пресловутый комплекс проявился во всей красе, и Билли пытался ударить отца.

Проверка соперничества между братьями и сестрами также не представляла труда для воображения исследователя. Нападает ли ребенок до трех лет на новорожденного? Либо да, либо нет. Фрейд пришел к идее детской ревности в процессе самоанализа, которым он занялся в 1896 г. Ученый обнаружил, что он не только испытывал ревность (конечно, неосознанную), когда 40 лет назад у его родителей появился второй сын Юлиус, но и желал смерти младенцу. Двухлетний Фрейд не причинил своему брату никакого вреда — не втыкал булавок ему в руки и не прибегал к другим видам насилия. (Юлиус часто болел и умер в восьмимесячном возрасте.)

Судя по записям Уотсона, испытания начались, когда Билли исполнилось 11 месяцев. Джон и Розали решили посмотреть, что случится, если они приласкают друг друга на глазах у сына. «Когда отец и мать пылко обнимаются, ребенка не заставишь смотреть на них». Билли нисколько не заинтересовался, но когда родители стали громко ссориться и особенно когда притворились, что дерутся, повышенные тона и злые лица привели к тому, что мальчик захныкал и заплакал, словно испугался. Билли начал вести себя в соответствии с теорией Фрейда после двух лет. Если Розали обнимала Уотсона, их сын нападал на отца. В два года и девять месяцев по воскресеньям он говорил: «Папа, иди на работу», что означало, что мама должна быть в полном его распоряжении. Так заявлял о себе эдипов комплекс.

В два года у Билли появился брат Джимми. Когда Розали вернулась из клиники после двухнедельного отсутствия, няня не позволила старшему ребенку выйти из комнаты. Затем его повели к матери, кормившей младенца грудью. Можно было предположить, что из-за детской ревности Билли разозлится или захочет уколоть новый объект внимания матери булавками, если они попадутся ему под руку. Но ничего подобного не произошло. Билли прижался к коленям матери и сказал: «Здрасте, мама». Он не пытался поцеловать ее и некоторое время, казалось, не замечал новорожденного. Затем он увидел Джимми и сказал: «Какой маленький», взял ручки брата, похлопал ими и повторил: «Вот какой малыш». Няня забрала младенца у Розали, и это расстроило Билли. Он сказал: «Мама, возьми малыша». Надо полагать, Уотсон доказал, что эдипов комплекс существует, но представление Фрейда о детском соперничестве неверно. Билли скорее был очарован маленьким братом, несколько раз проворковал «малыш» и взял ручки ребенка в свои.

Родив второго ребенка, Розали оставалась больше матерью, чем бихевиористом. Хотя она соглашалась с мнениями мужа,

ЛАНЬ®

она не была так же строга, как он. Иногда она не могла удержаться от того, чтобы «поцеловать два свои кусочка протоплазмы». «Кусочкам протоплазмы» это, разумеется, очень нравилось.

Вскоре Уотсон стал беспокоиться о том, что матери, целующие своих детей, подстегивают развитие эдипова комплекса, а если отец обнимает сыновей, есть вероятность, что те станут женоподобными. Пока мальчики росли, родители пытались справляться с трудностями в высшей степени разумным образом. Они часто обсуждали проблемы за обеденным столом. Дети могли свободно высказываться, но мы не знаем, понимали ли они сущность обсуждаемых вопросов.

Уотсон зафиксировал в записях одно более позднее проявление ревности. Когда Билли было три года, няня сказала: «Ты непослушный мальчик. А вот Джимми хороший, я люблю его». Уотсоны уволили няню, которая пыталась повлиять на поведение Билли таким грубым способом.

По мере того как дети росли, у Уотсона появились совсем другие опасения: он не хотел, чтобы сыновья слишком привязывались друг к другу. Им не разрешалось обниматься, так что перед сном Билли и Джимми приходилось ограничиваться рукопожатием.

Особое внимание уделялось приучению детей к унитазу. Как только мальчики начали ходить, Уотсон настаивал на том, чтобы они посещали туалет в восемь часов и «самостоятельно делали свои дела». Затем мальчики должны были вернуться к родителям и доложить о результате. Взрослые не настаивали на том, чтобы проверять туалет, прежде чем смыть воду. Они строили отношения с детьми на доверии. Как рассказывал их младший сын, эта замечательная идея была немного наивной, потому что они с братом оба лгали о том, что удавалось из себя выжать.

Наблюдения позволили Уотсону перечислить причины, которые могли вызвать у мальчиков слезы. Они плакали, что

неудивительно, когда надо было садиться на унитаз, а также когда оставались в комнате одни и смотрели, как взрослые уходят. Кроме того, мальчики заливались слезами, если другие дети не хотели с ними играть, когда их одевали, раздевали и купали. Многие из этих реакций выражали гнев из-за того, что их движениям препятствовали, заключили Уотсон и Рейнер.

На основе постоянных наблюдений Уотсон сделал вывод, что чаще всего его дети плакали между 9:00 и 11:00. Видимо, отчасти это объяснялось усталостью, поэтому Уотсон предложил укладывать их спать перед обедом. И опять, как это ни раздражает, записи ничего не говорят нам, помогло это или нет.

В одном отношении Уотсон и Розали были чрезвычайно передовыми родителями. Они не считали, что при детях нельзя обниматься. Билли видел свою мать голой, и его научили пристойным названиям его гениталий. Однажды он сказал, что у матери большие черные груди, а у него маленькие белые.

Хотя Уотсон больше не был профессором, к нему продолжали обращаться как к авторитетному специалисту. Он писал о поведении детей для популярных журналов, таких как *Harpers*, *McCalls* и *Cosmopolitan*, и нередко выступал на радио, благодаря чему стал известным всей стране человеком. В 1928 г., когда Билли было семь лет, а Джимми пять, Уотсон и Розали опубликовали работу «Психологический уход за ребенком». Книга стала бестселлером и оказала на читателей огромное влияние. В ней говорилось, что воспитание детей требует от родителей дисциплины. Отец и мать должны проявлять строгость к себе самим. Нельзя относиться к детям как к игрушкам, созданным для вашего удовольствия. Дети имеют право ожидать, что родители подготовят их для жизни в современном мире, а не станут нежить и лелеять, чтобы удовлетворить собственное самолюбие.

Отцы должны пресекать ужасающее поведение матерей, заявлял Уотсон. Матери слишком уж ласковы и беспрестанно

тискают детей в объятиях и целуют. Большинство матерей виновны в «*психологическом* убийстве... Я знаю сотни родительниц, которые хотят завладеть душой своего ребенка». Следующие слова Уотсона вызвали возмущение членов женских организаций 1920-х гг.: «Стремление зацеловать ребенка до смерти стало как никогда популярным развлечением». Однажды, когда ученый и его жена поехали кататься на машине с друзьями, он увидел, как одна мамаша поцеловала свое чадо 32 раза. Уотсон ошеломил Союз матерей даже больше, предположив, что этот обычай «по сути является выражением сексуального желания».

Отцы должны защитить детей от такой удушливой любви, но, к сожалению, многие из них больше заняты тем, чтобы заставить отпрысков подчиняться. «Большинство отцов нужно наказывать за то, что они пытаются внушить детям идиотическую догму о долге перед родителями... Дети ничего не должны своим родителям», — возражал Уотсон. Также он предупреждал об опасности телесных наказаний и глупых викторианских страхов перед мастурбацией.

Мы знаем, что Уотсон имел причину с горечью вспоминать собственное детство, и, когда он прославился на всю страну, его отец, бросивший их с матерью, начал появляться в офисе Уотсона на Манхэттене. Неужели раскаивающийся родитель хотел видеть сына? Вовсе нет. Он надеялся выпросить у него немного денег, которые прежде у Пайкенса не переводились. Как выяснилось, отец был не единственным, кто приходил с протянутой рукой. Первому сыну Уотсона от Мэри Икес, Джону, было 28 лет, и у него плохо получалось зарабатывать на жизнь. Он тоже клянчил деньги и редко возвращал долг.

Мудрый родитель, с точки зрения Уотсона, беспристрастен, а не грозен. «Многое в его личности меня восхищает», — говорил Джимми в интервью *The Journal of the History of the Behavioural Sciences* в 1987 г. Его отец был талантливым, остроумным и рассудительным человеком. «Но в то же время он

оставался черствым, глухим к чужим переживаниям, не умел выражать свои чувства и справляться с ними и неосознанно стремился лишить меня и моего брата эмоциональной опоры любого рода», — сказал мне Джимми. Также он вспоминал, что у них не было игрушек в ванной и мягких игрушек в детской. Кроме того, мальчикам не разрешали оставлять на ночь свет — явное наследие прошлого Уотсона, которое наделило его боязнью темноты.

Джимми считал, что его отец испытал влияние Фрейда. Ребенок, которого мать касается слишком часто, может влюбиться в нее, и Фрейд полагал, что мальчик, который очень близок с матерью, может вырасти гомосексуалистом. Поэтому Уотсон сохранял физическую дистанцию и требовал того же от Розали.

«Уотсонизм стал евангелием и катехизисом в детских и гостиных Америки», — сетовал в 1928 г. философ Мортимер Адлер. Философ Бертран Рассел не соглашался с этой ироничной оценкой. Конечно, психолог не учитывал того факта, что некоторые дети, например Моцарт, рождаются с исключительными способностями. Никто намеренно не лепил из Моцарта великого композитора, а из Пикассо выдающегося художника. Но Уотсон был прав относительно опасности чрезмерной материнской любви, и Рассел считал его совет «благоразумным» для большинства родителей. Он заканчивает свой обзор таким выводом: ни один человек со времен Аристотеля не внес столь важный вклад в наши знания о самих себе.

Пресса часто чрезмерно льстила ученому. *Atlantic Monthly* назвала его книгу «манной небесной для родителей». Однако многие бывшие коллеги Уотсона считали, что он унизил себя и психологию, написав подобие развернутой колонки советов.

Уотсон был убежден, что сыновей нужно развивать физически, поэтому они учились плавать, занимались боксом и катались на коньках. Каждые выходные их отправляли в лагерь,

ЛАНЬ®

чтобы они привыкали спать в палатках так же крепко, как и в своих спальнях.

Розали неохотно подчинялась этим правилам. По словам ее сына Джеймса, она была «очень веселым человеком». В интервью, которое он дал через десять лет после разговора со мной, Джимми сказал, что Розали никогда не скрывала любви к детям. Ей нравилось играть с сыновьями, и иногда она помогала мальчикам завязать узлом пижаму отца. Она даже позволяла им мазать друг друга голубым лаком для ногтей, поскольку это очень их забавляло. «Я бы хотела, чтобы наши сыновья были крепче привязаны к дому… Многие люди в наш век научной рационализации забывают, какую радость может принести семейная жизнь», — говорила Розали.

Поскольку Уотсон был известным человеком, его сыновья, дети знаменитости, стали эталоном современного ребенка. *The World* опубликовала фотографию с изображением молодых Уотсонов на велосипедах и прокомментировала: «Они ничего не боятся и не устраивают истерик. Это счастливые дети». Однажды во время снежной бури Билли потерялся, что вызвало шквал газетных статей.

Когда мальчики подросли, Уотсон готов был и дальше беседовать с ними о любых трудностях. Правильно организованная семья собиралась и, как мы сейчас говорим, решала проблемы. Дети могли здраво рассуждать о сложных вещах. Несмотря на культивировавшийся в семье Уотсона принцип честности, Джимми узнал, что отец всегда спал со светом, гораздо позже.

Уотсон был всецело поглощен обязанностями вице-президента J. Walter Thompson и семьей, и ему не хватало времени заниматься серьезной психологией и даже разговаривать о ней. Его дочь Полли рассказала мне, что помнит, как однажды на ужин приходил бывший коллега отца Карл Лешли, известный своей работой по изучению памяти животных. Хозяин

и гость засиделись до глубокой ночи, что доставило большое удовольствие Уотсону — теперь у него редко появлялась возможность беседовать на такие темы.

В 1931 г. Уотсоны переехали в Уэстпорт. С помощью сыновей Джон построил гараж и занялся строительством амбара со сводчатым потолком в готическом стиле. Это строение сногсшибательно красиво. Также Уотсон соорудил самоходную тележку, на которой можно было развозить гамбургеры голодным гостям. Уотсон привил Билли и Джимми полезные мужские навыки — ездить верхом, стрелять и охотиться. Он любил плотничать вместе с ними; Джимми считает, что это был его самый естественный способ общения с сыновьями. Как по-мужски! «Я уважал его как человека, но вовсе не как отца», — сказал мне Джимми.

Он не помнил, чтобы Уотсон когда-либо словами или действиями выражал гнев. Тем не менее Джимми считал нужным угодить отцу, усердно трудясь и в школе, и на ферме. Уотсон платил ему десять центов в час. Отношения отца с Билли были более сложными. «Билли отлынивал от работы и увиливал от обязанностей по уходу за животными. Отец ругал его за это, но никогда не был особенно строг. Кроме того, он бранил Билли за то, что тот недостаточно старался в школе». Билли и правда учился через пень-колоду.

Несмотря на желание угодить отцу, Джимми, вероятно, был трудным подростком. Он поссорился с Лесли Холменом, психиатром-геем, приходившим к ним в гости с несколькими бойфрендами. Довольно странно, что Уотсон, так боявшийся, что сыновья станут гомосексуалистами, принимал у себя в доме Холмена, который однажды появился на пару с морским офицером. Моряку и психиатру отвели хозяйскую спальню, что «ошеломило» Джеймса, знавшего об отношении его отца к гомосексуализму. Холмена Джимми не любил — тот пытался заставить мальчика есть пищу, которая ему не нравилась.

Однажды Джимми выразил свою антипатию предельно ясно, изрыгнув отвратительную еду прямо в лицо Холмена.

Отношения Уотсона с первым сыном оставались напряженными. Когда Джон женился, Розали пошла на свадьбу, а Уотсон не явился. Он называл старшего сына «беспечным щенком», который не в состоянии заработать себе на жизнь. Но все же отец не отвернулся от Джона. Когда тому исполнилось 30 лет, Уотсон обратился в Корнеллский университет с просьбой принять Джона учиться. Однако нерадивый молодой человек задержался там ненадолго.

Безмятежная счастливая жизнь семьи в Уэстпорте длилась не вечно. Летом 1936 г. Розали подхватила дизентерию. Уотсон каждый день ходил к ней в больницу. Джимми, несколько раз навещавший мать, сказал мне, что ужаснулся ее смертельной бледности. В последней попытке помочь ей Уотсон сделал Розали переливание крови. Билли и Джимми он отослал в лагерь, чтобы те не видели, как умирает мать. Когда сыновья вернулись, она уже скончалась. Джимми вспоминал, что отец обнял их с Билли и заплакал. «Мы как-нибудь справимся с этим», — сказал он. Правила бихевиориста ничем не могли помочь в таком горе. Безутешный Уотсон не проявлял по отношению к сыновьям отцовской заботы, в которой они так остро нуждались в тот момент.

Джимми считал, что смерть жены совершенно выбила отца из колеи. Билли уже учился в школе-интернате, и вскоре после смерти матери Джимми тоже отправили в интернат. «Я чувствовал себя отрезанным от папы», — сказал он. Из первой школы его исключили за плохое поведение, но Уотсон не утешал его. Вместо этого он поселил сына у бывшего учителя и его жены, которые были к нему очень добры. Поскольку поговорить с Билли я не смог, не могу точно судить о том, как тяжелая потеря отразилась на нем, но в конце концов он поступил в Гарвард, а затем в Колумбийский университет, где



получил профессию врача. Затем он решил специализироваться в психиатрии. Поначалу Уотсону это понравилось. Он сказал, что тоже пошел бы по этой стезе, если бы в свое время имел возможность поступить в медицинский университет. Но профессиональные предпочтения Билли Уотсон воспринял нелегко. Джимми считал, что «у отца имелись серьезные причины не одобрять занятия Билли психиатрией». Уотсон расстроился из-за того, что его сын решил учиться на психоаналитика фрейдистского толка, поскольку такие специалисты не занимаются поведением. Но недовольство отца объяснялось не только теоретическими разногласиями. Чтобы стать психоаналитиком, Билли должен был подвергнуться процедуре дидактического анализа, который изучает воспоминания и выявляет изъяны системы воспитания, применявшейся родителями. Во многих своих проблемах Билли винил бихевиоризм. Благодаря психоанализу он, как утверждал его брат, осознал свои чувства в отношении собственного детства, «и понимание этого совсем не вызывало у отца желания плясать от счастья». Анализ не излечил Билли от устойчивой депрессии.

Когда в 1939 г. разразилась война, Джимми, к большому огорчению отца, пошел служить в Военно-воздушные силы. Каждое воскресенье вечером в установленное время он звонил отцу.

После того как Уотсон ушел работать в рекламный бизнес, психологи перестали его замечать. Например, Б. Ф. Скиннер, ведущий бихевиорист в 1930–1940-х гг., никогда не встречался с Уотсоном, потому что к тому времени Уотсон стал забытым, почти историческим персонажем. В 1956-м в своей статье Густав Бергман напомнил коллегам о вкладе Уотсона в науку. Американская психологическая ассоциация с опозданием наградила бихевиориста золотой медалью. Джимми, Билли и секретарь Уотсона Рут Либ ездили вместе с ним

в Нью-Йорк на церемонию вручения. Либ рассказала мне, что ученый отказался идти на мероприятие, потому что у него больше не было рубашек и ботинок ручной работы. По словам Джимми, его отец считал, что это из-за его полноты. Так что Уотсон, Джимми и Рут Либ остались в отеле, а Билли отправился получать награду за своего отца.

Через год после получения золотой медали, к которой у него было противоречивое отношение, Уотсон умер. К счастью, ему не довелось узнать, что через четыре года Билли совершил самоубийство.

Добровольный уход из жизни Билли — далеко не последняя трагедия в семье. Единственная дочь Уотсона Полли Хартли также несколько раз пыталась покончить с собой, хотя, когда я встречался с ней в 1978 г., она об этом не упомянула и не винила отца в своих трудностях. Тем не менее ее дочь не стеснялась в выражениях. «Когда я росла, наш дом был обителью скрытого стыда», — говорила Мариетта Хартли. Ей казалось, будто дед всегда стыдился того, что был сыном фермера с очень скромным достатком, которому удалось выбиться в люди. Уотсон начал неумеренно пить в 1910-х гг.; во время «сухого закона» он добывал алкоголь под тем предлогом, что зелье нужно для испытания возможностей человеческого организма. Ее мать, свидетельствовала Мариетта, мучилась от чувства собственного бессилия, неспособности заставить обоих родителей бросить пить, а позже справиться с глубочайшей депрессией. В автобиографии «Нарушенное молчание» (Breaking the Silence), вышедшей в 1990 г., Мариетта Хартли утверждает: все бедствия объяснялись тем, что Уотсон применял свои идеи на практике. Справедливости ради надо сказать, что теория Уотсона была отнюдь не единственным пагубным фактором. Муж Полли, художник, успешный руководитель рекламного агентства, тоже страдал алкоголизмом. Он покончил с собой в их квартире в Брентвуде, когда

Мариетта и ее мать находились в соседней комнате. Мариетта же вышла замуж за патологически ревнивого человека, который часто ее бил.

Судьба жестоко посмеялась над Уотсоном. Этот одаренный человек, несомненно, очень старался быть хорошим отцом. Из его четырех детей Джону пришлось бороться с алкогольной зависимостью, Полли много раз пыталась наложить на себя руки, Билли совершил самоубийство. Видимо, только жизнь Джимми сложилась благополучно. Как психолог он работал в основном в промышленности, в том числе длительное время на рыбоконсервном заводе, расположенном на острове в Беринговом море.

Фрейд, как мы увидим, был более удачливым или мудрым отцом, хотя по отношению к дочери Анне временами вел себя шокирующе.



Зигмунд Фрейд

Отец, который втайне подвергал психоанализу свою дочь

К сорока годам Зигмунд Фрейд был абсолютно зрелым человеком, если верить его преданному биографу Эрнесту Джонсу. Прежде чем приступить к работе, Джонс заверил Фрейда, что он и сам вполне состоявшаяся личность и нет никакой опасности, что он сотворит себе кумира в лице основателя психоанализа. По иронии судьбы многие из своих самых знаменитых открытий Фрейд сделал сразу после сорока. Он занялся самоанализом, пришел к выводу, что сны — это воображаемое исполнение желаний, и начал развивать метод свободных ассоциаций, основополагающий для психоанализа. Работа «Толкование сновидений» была опубликована в 1899 г. Когда Джонс обещал, что не станет обожествлять Фрейда, он принимал желаемое за действительное.

Фрейд писал, что был счастливым мужем и отцом. Во многих отношениях это правда, но за его признанием скрыта сложная история, которую психоаналитики не стремятся изучать. Даже совершенно зрелый человек может иметь тайные пороки. Некоторые из недостатков Фрейда оказали влияние на его детей.

Когда дети были маленькими, Фрейд часто откровенничал с Вильгельмом Флиссом — чудаковатым врачом, который считал, что в большинстве психологических проблем повинен нос. Фрейд писал Флиссу бесконечные письма и часто делился с ним своими страхами за здоровье детей, иногда небеспочвенными.

Старший сын Фрейда Мартин написал книгу «Отраженная слава», где подробно рассказал о том, как семья Фрейда отдыхала, и блистательно показал, каким отцом был Фрейд. Дочь Фрейда Анна сохраняла в тайне все личные сведения об отце до конца своих дней. Некоторые материалы имеются также в мемуарах сестры Фрейда Анны «Одна венка в Нью-Йорке» (Eine Wienerin in New York) и в воспоминаниях семейной экономки Паулы Фихтль. Существует много биографий Фрейда, но книги о Фрейде и его детях, подобной той, в которой Берра рассказал о детях Дарвина, нет, — возможно, потому, что многие документы о Фрейде в Библиотеке Конгресса запрещены к выдаче: одни до 2056 г., другие навечно. Среди них переписка, касающаяся семьи Бернейс, с которой Фрейд состоял в двойном родстве по браку — он женился на Марте Бернейс, а его сестра Анна вышла замуж за брата Марты Эли.

Документы, относящиеся к дочери Анне, засекречены навсегда. О причинах можно лишь строить догадки. Анна Фрейд умерла более 30 лет назад, поэтому мои предположения не затронут ничьих чувств.

Фрейд называл дочь Анна Антигона — потому что, как он объяснял, она была очень предана ему. Учитывая, что Фрейд «изобрел» или открыл эдипов комплекс, такое прозвище вряд ли можно назвать нейтральным. В греческой мифологии Антигона была дочерью Эдипа и Иокасты, пары, которая совершила инцест, не подозревая об этом. Когда родился Эдип, Иокаста отдала его пастуху, потому что оракул предсказал, что ребенок убьет своего отца и женится на матери. Пастух должен был оставить младенца на скале на верную гибель, но ему претило детоубийство. Эдип выжил, вырос и стал царевичем в Коринфе. В конце концов он отправился в Фивы, встретил «на распутье трех дорог» царя Лая и поссорился с ним, не зная, что это его отец. Произошел, как бы мы сказали, эпизод дорожной ярости, и Эдип убил родителя.

После этого Эдип поспешил в Фивы и женился на Иокасте, вдове Лая, не имея представления, что она его мать. Брак был счастливым, у супругов родилось четверо детей, в том числе Антигона. Узнав, что Иокаста его мать, Эдип бежал из города. Его сыновья убили друг друга, потому что каждый хотел быть единоличным правителем. В трагедиях Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона» трон захватил их дядя Креонт. Креонт объявил брата Антигоны Полиника предателем и повелел бросить его тело на равнине за городом на съедение животным. Предатель не заслуживал достойного погребения.

Антигона решила сама похоронить брата. Но стража Креонта схватила ее. Антигону заживо замуровали в гробнице.

Учитывая судьбу Антигоны, тот факт, что Фрейд называл ее именем свою дочь, кажется определенно странным. Он говорил, что дал ей нежное прозвище, потому что она многим пожертвовала ради него, но Антигона принесла свою жизнь в жертву не отцу, а брату. Это провокационная мысль, но, возможно, такое домашнее имя Анны отражает одно из подсознательных желаний Фрейда — совершить кровосмесительную связь со своей дочерью.

Чтобы понять поведение Фрейда как отца, нужно обратиться к детству психоаналитика и разобраться в противоречиях. Через несколько месяцев после рождения сына в 1856 г. Амалия снова забеременела. Она и ее муж обожали нового малыша, но болезненный Юлиус умер в возрасте восьми месяцев. Спустя 40 лет, в ходе самоанализа, который и привел к «открытию» психоанализа, Фрейд обнаружил, что весьма обрадовался смерти маленького брата, потому что не хотел соперничать с другим ребенком мужского пола. К тому моменту, когда у Амалии снова родился сын, Александр, Фрейду исполнилось десять и его положение в семье упрочилось. Его сообразительность вызывала восхищение. Сестра Анна жаловалась, что одаренному брату предоставили отдельную комнату,

чтобы тот мог заниматься в тишине. Фрейд писал, что благодаря любви матери он чувствовал себя конкистадором.

Однако в семье случались и публичные скандалы. Фрейду было десять лет, когда его дядю Иосифа обвинили в подделке русских банкнот и приговорили к десяти годам тюремного заключения. Фрейд тогда только пошел в среднюю школу. Его друзья и их семьи прочитали о суде в венских газетах. Отец Фрейда поседел от горя. Мысль о дяде Иосифе преследовала Фрейда до конца жизни. В «Толковании сновидений» он приводит девять снов о нем. Один из них содержит каламбур: немецкое *für Onkel,* «для дяди», созвучно слову *furunkel* — «фурункул». Его дядя определенно был нарывом на теле семьи. Через пару лет он чудесным образом вышел на свободу.

В 1873 г. в возрасте 17 лет Фрейд поступил в Венский университет. Он был способным студентом, но не ладил с властями: уклонялся от воинской обязанности и по крайней мере один раз попал под арест. Склонность к неповиновению усугубилась, когда в 1884 г. в Вальпургиеву ночь 30 апреля Фрейд впервые принял кокаин. В германском фольклоре в Вальпургиеву ночь ведьмы собираются на высокой горе и варят снадобье, которое даст им силы для оргий, якшаются с чертями и объезжают новые метлы. Зигмунд намеренно выбрал эту дату.

Фрейд полагал, что изучение действия кокаина прославит его как ученого, но он пристрастился к нему и употреблял наркотик около 20 лет. Расстался он с этой привычкой, когда Анне было лет шесть. Эрнест Джонс, его официальный биограф, либо не знал, как долго Фрейд зависел от кокаина, либо умолчал об этом. Неизвестно, что рассказал Фрейд Анне о своем опыте приема наркотика. Разумно было бы предположить, что он не сообщил, какую роль это сыграло в ухаживании за Мартой Бернейс.

Когда Фрейд впервые увидел будущую жену в 1882 г., она чистила яблоко. Марта была миниатюрна, умна и довольно

сдержанна. Он настойчиво добивался ее, и девушка быстро ответила на его чувство. Через несколько дней после знакомства она сжала под столом его руку.

Мать Марты Эммелина, весьма чванная особа, не одобряла помолвку. Отец Фрейда Якоб был неудачливым коммерсантом. Хотя сам Фрейд и получил диплом доктора, но врачебной практикой не занимался, и ему приходилось все время одалживать деньги. Марта же принадлежала к уважаемому семейству — ее дядя Якоб Бернейс прославился как один из крупнейших исследователей Библии середины XIX в.

Однако внешняя благопристойность была обманчива. И в семье Бернейс случались скандалы. Отца Марты Бермана Бернейса осудили за растрату. То есть, когда Зигмунд познакомился с Мартой, племянник фальшивомонетчика влюбился в дочь мошенника. Учитывая судьбу своего мужа, Эммелина хотела, чтобы Марта вышла замуж за человека, который бы мог ее надежно обеспечить.

Эммелина пришла бы в ужас, если бы нашла одно из писем, которое Фрейд прислал ее дочери. Марта была добропорядочной еврейской девственницей, но Фрейд посоветовал ей попробовать кокаин. Он кокетничал с ней: «Берегитесь, моя дорогая принцесса, когда я приду. Я буду целовать вас до красноты и кормить, пока вы не распухнете. А станете сопротивляться — увидите, кто сильнее: хрупкая маленькая девушка, которая мало ест, или большой дикий мужчина с кокаином в крови».

Наконец после четырехлетней помолвки Марта и Фрейд поженились в 1886 г. Через год у них родилась первая дочь Матильда, в следующие восемь лет появилось еще пять детей. Когда дети были маленькими, Фрейд усердно стремился встать на ноги в профессиональном отношении, но при этом регулярно принимал кокаин. Он был человеком своего времени и возложил заботы по воспитанию отпрысков в основном на жену, ее сестру Минну, которая жила с ними после смерти

жениха, и няню Жозефину. Последняя преданно ухаживала за детьми, но мальчики часто ее дразнили. Как-то раз один из них, Мартин, отказался принимать ванну, сказав, что эскимосы не моются месяцами. Жозефина ответила, что ее не интересует, что делают другие мальчики и девочки. Никто не помнит, чтобы Фрейд когда-нибудь купал своих детей. Он виделся с ними время от времени, не считая двух–трех летних месяцев в году.

Мартин писал: «Насколько я знал моего отца, он был таким же, как и все другие любящие отцы в Вене, хотя мне интересно, изучал ли он меня с точки зрения психоанализа». Если и изучал, то не говорил об этом. Мартин рассказывал об одном красноречивом эпизоде. Его мать наняла кормилицу, еще более бесполезную, чем были кормилицы Уильяма Глостерского, прежде чем появилась ужасная миссис Пэк. У кормилицы Мартина вообще не было молока. Кстати, о плохой груди! Никчемную кормилицу уволили.

По словам Мартина, во время работы над «Толкованием сновидений» Фрейд действительно просил детей рассказывать ему свои сны, что они делали с увлечением. Для другой книги я проанализировал сны, приведенные в «Толковании», и подсчитал, что Фрейд изучил 144 сна. Двадцать семь процентов из них были его собственными сновидениями, но не похоже, чтобы какие-либо принадлежали детям, тем более его собственным. Странно, что Фрейд не включил сны, рассказанные детьми.

Фрейд разработал сложную теорию о стадиях детского развития, опираясь в основном на воспоминания своих взрослых пациентов. Первая стадия — оральная, следующая — анальная, затем — генитальная, когда у мальчиков впервые выявляется эдипов комплекс, а у девочек — аналогичный комплекс Электры. Фрейд полагал, что маленькие мальчики подсознательно хотят убить отца, чтобы спать с матерью. Девочки

также проявляют ревность, ненавидят мать и желают безраздельного внимания отца. К тому времени, когда мальчикам и девочкам исполняется три-четыре года, они выучивают правила семейной жизни достаточно хорошо, чтобы «знать», что эти желания запретны, так же как и несбыточны. Поэтому дети подавляют эти «плохие» желания, но подавление поглощает столько психической энергии, что все воспоминания о раннем детстве вытесняются в подсознание. Вот почему мы так мало помним о первых годах нашей жизни — это явление Фрейд назвал инфантильной амнезией.

Единственным ребенком, которого Фрейд наблюдал как пациента, был пятилетний сын его друга и родственника Макса Графа. Граф привел маленького Ганса к Фрейду, когда у мальчика развилась сильная агорафобия. Он отказывался выходить из дома, боясь, что его укусит лошадь. Лошадь напоминала Гансу отца, заявил Фрейд, основываясь лишь на том, что Макс Граф имел усы и носил очки. Потому-то Граф и походил на лошадь, заключил Фрейд. (Неудивительно, что сюрреалисты сделали Фрейда своим святым покровителем.) Страх маленького Ганса перед возможным укусом лошади был отчаянным компромиссом для решения эдипова конфликта. Вот как Фрейд пришел к этому пониманию. Ганс любил папу, но его отец также был соперником за любовь матери. Маленький Ганс инстинктивно знал, что такие мысли запретны, поэтому в его сознании кипели вина, подавленные чувства и ужас. Крышка с этого котла могла сорваться в любой момент. Как следствие у ребенка развился острый страх кастрации.

Маленький Ганс мог избегать лошадей, отказываясь выходить на улицу, но настоящее чудовище, отец, размахивающий воображаемым ножом, находился дома. Боязнь лошадей была уловкой подсознания, позволяющей мальчику отогнать от себя больший страх — что отец отрежет ему пенис. Можно только удивляться, что у библейского Исаака не появилось букета

фобий после того, как его отец Авраам выразил полнейшую готовность зажарить его во имя Бога.

Фрейд почти никогда не давал родителям советов, основанных на своей теории, но никто не интересовался и уж точно не знал, как Фрейд справлялся с комплексами Эдипа и Электры у собственных детей. Этот вопрос наиболее интересен в отношении его последнего ребенка — дочери Анны, родившейся в 1895 г.

Фрейд верил, что Анна приносит ему удачу. Когда ей было всего два месяца, он признался Флиссу: «Нам нравится думать, что именно благодаря появлению этого ребенка моя практика увеличилась вдвое». Фрейд упоминал детей в письмах только несколько раз. Например, когда его сестра Роза выходила замуж, он написал Флиссу, что Софи была центром всеобщего внимания: «Самым замечательным гостем на свадьбе, кстати говоря, была наша Соферле со множеством незабудок в кудряшках». Маленькая Анна поражала отца не прелестью, а «дерзостью». Она была сообразительной девочкой, и в «Толковании сновидений» Фрейд отмечал, что в 19 месяцев «малютка Анна только в галлюцинациях видит запретные плоды» — в данном случае, вероятно, имеется в виду клубника. Через год с небольшим Фрейд гордился тем, что его дочь назвала небольшую римскую статуэтку, которую он купил, «старым ребенком». Неплохо сказано для крохи, которой нет и трех лет, подумал папа.

Однако Фрейд не всегда был рядом, когда Анна делала что-то заслуживающее внимания. Позже он писал Флиссу: «Недавно мне рассказали, что малышка Анна сказала на дне рождения Tante* Минны: “На днях рождения я обычно паинька”». Слова «мне рассказали» говорят о том, что Фрейд явно не присутствовал при этом эпизоде. Когда Анне было два–

* Тетя (*нем.*).

три года, он работал над «Толкованием», и для семьи у него оставалось еще меньше времени, чем обычно. В сентябре 1897-го и в 1898 г. Фрейд с женой даже ездили в отпуск в Италию, оставив детей на попечение Минны и замечательной Жозефины.

Мартин писал, что его отец без конца работал, иногда по 16 часов в день. Поэтому неудивительно, что самое большее, что Фрейд мог сделать как отец, — взять детей на прогулку во время летних каникул.

Пока Мартин не повзрослел, он проводил летние месяцы с родителями. В «Отраженной славе» он перечисляет, куда они ездили, и замечает: «И дня не проходило, чтобы отец не пошел с нами гулять в лес». Фрейд научил детей простым правилам, как взбираться по горным тропам: сохранять солидную дистанцию между собой и идущим впереди; не разговаривать; часто не останавливаться на отдых; стараться не расшатывать камни, которые могут подвергнуть опасности человека, находящегося ниже по склону.

На прогулках Фрейд рассказывал забавные истории, и Мартин запомнил одну из них. Чертова бабушка летала над Веной и в сердцах бросала на город горшки и кастрюли «дьявольского производства», и вот из этой посуды получились дымовые трубы. Кроме того, Мартин помнил, что написал стихотворение и, к восторгу ребенка, отец разослал его сочинение нескольким друзьям.

Прогулки позволяли Фрейду наслаждаться двумя простыми радостями — альпийскими цветами и грибами. Фрейд изучил окрестности в поисках места, богатого интересными грибами. Он вел детей, как «маленький отряд», и все вместе разыскивали любопытные образцы. Они играли так, будто «гнались за чем-то изменчивым и неуловимым и устраивали соревнование, кто лучший охотник. Отец всегда выигрывал», — вспоминал Мартин. Фрейд умел отличать ядовитые грибы. Никто

из детей ни разу не отравился. О сборе грибов Мартин говорил: «Это было увлекательно и весело. Мы наслаждались этим занятием не меньше, чем многие наслаждаются теннисом, гольфом, стрельбой и другими модными и дорогими видами спорта».

Через много лет Анна Фрейд рассказывала своей подруге Лу Андреас-Саломе, что им приходилось сворачивать мешки, которые они приносили с собой, «чтобы грибы их не заметили». Когда Фрейд видел гриб, он быстро накрывал его шляпой, «как будто это была бабочка». Ребенку, который находил лучший гриб, он давал флорин.

Во время этих походов Фрейд демонстрировал удивительное проворство. Мартин даже помнит, как отец сделал сальто назад, чем рассмешил детей. В то время Фрейду было 40 лет. Также Мартин говорил, что его отец отличался откровенностью — примечательное качество, учитывая его недоверие к человеческой природе. Большое влияние на Фрейда оказал философ Шопенгауэр, который был таким угрюмым, что провел значительную часть жизни не выходя из своей комнаты, где, надо полагать, никто не мог докучать ему.

В 1899 г. Фрейд с семьей поехал в Берхтесгаден, небольшой город, в котором позже жил Гитлер. Там четырехлетняя Анна произвела впечатление. «Малышку Анну, — писал Фрейд, — положительно украшает непослушание. Мальчики уже стали цивилизованными членами общества, способными ценить многие вещи. Мартин — забавное создание, чувствительное и все же в личных отношениях благонравное». Любящий отец записал: когда они проходили мимо небольшой пещеры, Мартин спросил: «А герр Дракон дома?» «Только фрау Дракон», — ответил отец. Мартин подхватил игру и сказал фрау Дракон, что они придут еще и принесут конфет. Фрейд, теоретик соперничества между детьми, был доволен, что его дети «очень хорошо ладили друг с другом, не выказывая никаких признаков ревности».

Мартин помнил два неприятных события, произошедших во время каникул. Однажды он и его брат Оливер ловили рыбу, а какие-то люди смотрели на них с дороги. Мальчики «были ошарашены и немало удивлены, когда мужчины стали оскорблять нас, кричать, что мы евреи — что было правдой — и воруем рыбу — что было неправдой, — и распекали нас на все лады».

Дети пошли домой с меньшим, чем обычно, уловом и рассказали все отцу. Фрейд «помрачнел и заметил, что такое может случаться с нами и дальше и надо быть готовыми к этому». Однако на этом история не закончилась. В тот день Фрейду надо было ехать в ближайший город, и сыновья перевезли его на лодке через реку. Мужчины, которые оскорбили их, и с ними несколько женщин преградили дорогу. Однажды в детстве Фрейд видел, как один человек бросил в канаву шляпу отца и назвал его грязным жидом, а тот безропотно подобрал свою шляпу — не стоило связываться с антисемитом. Фрейд не испугался, как его отец. Он выпрыгнул из лодки и, рассказывал Мартин, «таким гневным тоном приказал мне оставаться на месте, что я не посмел ослушаться. Мой добродушный отец никогда в жизни не повышал на меня голоса». Мартин расстроился, но взял весло, «положил его на плечо и встал рядом с готовностью, если понадобится, вступить в драку».

Драка завершилась быстро: кто же может противостоять разъяренному психоаналитику? Фрейд, «замахнувшись тростью, бросился на враждебную толпу, и она расступилась». Этот эпизод, много позже записанный Мартином, подтверждает слова Фрейда о том, что, хотя он не верит в Бога, он принадлежит к иудейскому роду.

Во время последних каникул, которые он провел с родителями, Мартин увидел, как отец побагровел и прислонился к скале. Фрейд не мог говорить и показывал на рюкзак.

«Я догадался, что он просит достать бутылку кьянти, которую я нес», — объяснял Мартин. Фрейд хлебнул вина из горлышка, снял галстук и расстегнул воротник. Щепетильный Фрейд «не зашел, однако, так далеко, чтобы снять пиджак». Пришлось возвращаться домой.

Тем не менее у Мартина не сложилось столь доверительных отношений с отцом, как у Анны. Для нее папа́ являлся всем. Между ней и матерью такой близости не возникло. С братьями она тоже не очень дружила, а отношения с сестрой Софи особенно не ладились. Софи была обычным милым ребенком и отличалась красотой, в то время как Анна — интеллектом. Как-то Фрейд обмолвился о «стародавней ревности Софи». Но он высоко ценил глубокий ум Анны. Хотя младшая дочь и испытывала беспокойство, но, кажется, была достаточно уверена в любви отца, чтобы рассказывать ему о том, что именно ее беспокоит.

Подростком Анна жаловалась Фрейду, что «ее преследуют неразумные мысли и чувства». На отдых ее отправляли в оздоровительные лагеря. В школе она не блистала, но работы отца начала читать в 15 лет. Позволив ей это, Фрейд отдал должное ее незаурядным умственным способностям.

Когда Анне исполнилось 18 лет, Софи собралась замуж, и Фрейд предположил, что Анна завидует тому, как быстро будущий муж Софи добился расположения сестры. Анна всегда чувствовала себя «исключенной» из круга привязанностей Софи. Анна изумилась и ответила отцу, что «ей это безразлично». Диалог между отцом и дочерью был одновременно трогательным и зрелым. «Неприятно об этом говорить, — продолжала Анна, — но я рада, что Софи выходит замуж, потому что мне опротивели наши бесконечные ссоры». Очевидно, Анна понимала, что отец оценивает ее поведение: «Я бы очень хотела быть или хотя бы когда-нибудь стать здравомыслящим человеком». Она послала отцу сердечный поклон и поцелуй

и просила вскоре ей написать. «Я стану более благоразумной, если ты мне поможешь», — закончила она письмо.

В 1913 г., вскоре после свадьбы Софи, 18-летняя Анна поехала в Англию, чтобы улучшить свой английский. Фрейд попросил Эрнеста Джонса присмотреть за ней, но тот пошел гораздо дальше — начал ухаживать. Фрейд разгневался по двум причинам. Джонс был донжуаном, и его дважды увольняли из больниц из-за жалоб женщин на домогательства. Вряд ли из него вышел бы идеальный муж, но, скорее всего, Фрейд бы не обрадовался, даже если бы обожаемый им Шекспир стал обольщать его дочь сонетами. Анна «еще так далека от сексуальных желаний», сказал он Джонсу. Фрейд тонко чувствовал иронию, но Анна была ему очень дорога, и он не мог разглядеть иронию этой ситуации: психоаналитик, который настаивал на детской сексуальности, заявлял, что его дочь слишком молода, чтобы ее тянуло к сексу. Фрейд сообщил Джонсу, что они с Анной договорились: «в ближайшие два-три года она не будет думать о браке или помолвке», и он уверен, что дочь «не нарушит договор».

Джонс, однако, не мог смириться. Анна, парировал он, «впоследствии, несомненно, станет замечательной женщиной, если только подавление сексуальных инстинктов не нанесет ей вреда. Конечно, она невероятно привязана к вам». Анна осталась равнодушной к Джонсу. Можно утверждать, что его предсказания сбылись в полной мере.

Во время Первой мировой войны Анна жила дома с родителями. Она сдала экзамены, чтобы получить право работать учителем, — в разоренной Австрии семье требовался дополнительный доход. Ее братьям пришлось пойти в армию. Мартин объяснял, что отец запретил ему служить в кавалерии и настаивал на артиллерийских войсках. Фрейд предостерегал сына относительно его склонности воспринимать войну как некий вид спорта. Как бы там ни было, война позволила

Мартину осуществить детскую мечту — повести войско в бой, сидя на коне, что ему удалось сделать, даже будучи артиллеристом. В «Отраженной славе» Мартин вспоминает утверждение своего отца: человек не будет по-настоящему счастлив, пока не воплотит в жизнь одно из детских мечтаний.

Однако домашними делами Фрейд не занимался. Когда Анна, 20-летняя дипломированная учительница, захотела перебраться в другую комнату, Фрейд сказал: он не против, но это не имеет значения, потому что хозяйка в доме — Марта.

Мечты Анны были менее воинственными и более замысловатыми, чем у Мартина. Во время войны она решила, что тоже хочет быть психоаналитиком и должна пройти дидактический анализ. Фрейд не позволил дочери обращаться к коллегам — беспокоился, что те слишком много узнают о его семье и их скелетах в шкафу. Дядя Иосиф сидел в тюрьме; сводный брат Фрейда Эммануил умер при загадочных обстоятельствах, выпав из поезда; племянница и двоюродный брат покончили с собой. Поэтому Фрейд решил сам проводить сеансы с Анной, но сохранять это в секрете даже от ее матери. Осенью 1918 г. у Фрейда было мало пациентов, поэтому днем он мог заниматься с Анной. Он только сообщил близкому другу Шандору Ференци, что «психоанализ Анны будет очень изысканным». Похоже, что больше никто об этом не знал.

Если подумать о процедуре психоанализа, то родитель, выступающий в роли психоаналитика собственной дочери, — весьма экстравагантный феномен. Предполагается, что пациент должен осознать, в каких событиях детства коренятся его сложные чувства. По Фрейду, психоаналитик словно становится отцом, которому ребенок может сказать все, что его беспокоит; для беспристрастного анализа он выуживает из подсознания пациента любые желания, чтобы заставить того понять их. Но если психоаналитик — родитель пациента, весь процесс неизбежно оказывается несостоятельным.

Биографы пытались выяснить подробности этих сеансов, и логично допустить, что некоторые засекреченные навечно документы в Библиотеке Конгресса касаются этого вопроса. Элизабет Юнг-Брюль в своей книге об Анне Фрейд, подчеркивает: ее героиня осознавала недостаток опыта в любовных делах, — но автор биографии упускает тот факт, что этого, скорее всего, и хотел от дочери сам Фрейд, учитывая, как резко он отвадил сексуально озабоченного Эрнеста Джонса. Пол Розен, авторитетный историк психоанализа, предположил, что во время сеансов возникла особая проблема: молчаливый конфликт между Анной и ее отцом, и «девушка могла сильно бояться отца, в чем оба они не отдавали себе отчета». Может, у Фрейда и были «самые лучшие побуждения, но с медицинской и с человеческой точки зрения ситуация оказалась более чем странной». Фрейд «вторгался в личное пространство ее души; он привносил в их отношения новые эмоции, связанные с переносом, без возможности когда-либо избавить ее от них». Подвергая дочь психоанализу, Фрейд, без сомнения, потворствовал эдиповым узам со своей стороны, рассуждает Розен, но для нее «психоанализ способствовал ограничению возможностей личностного удовлетворения, хотя и она сама, и ее последующее лидерство в психоанализе играли немалую роль в жизни ее отца, и это обогащало их общение». Затем Розен смягчается — ведь он, в конце концов, говорит об отце психоанализа. «Возможно, ее взаимоотношения с таким отцом кажутся трагичными только по обычным стандартам». Можно спорить, подходящее ли определение «трагичные». Анна унаследовала многое от Фрейдовой «империи».

Поскольку все документы засекречены, невозможно установить точную последовательность событий в отношениях между Анной Фрейд и ее отцом с 1918 г., когда он начал проводить сеансы с ней, и до 1924 г., когда она представила Венскому психоаналитическому обществу доклад «Фантазия

об избиении». Ясно, однако, что и без того близкая связь отца с дочерью стала еще более тесной и запутанной. Свидетельства мы находим в трех опубликованных работах. Две из них — «Ребенка бьют» и «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» — были написаны самим Фрейдом, а одна Анной.

В статье «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920) Фрейд утверждает, что 18-летняя гомосексуалистка была жертвой «конституционных факторов». Он предполагает, что данный случай не является классическим для психоанализа, поскольку у девушки не наблюдалось раздвоения личности. Вообще-то, говорит Фрейд, пациентка ничуть не страдала от своего влечения к другим женщинам, хотя у нее были фантазии об избиении.

Как выяснилось, удивительно много пациентов представляли себе, что их подвергают насилию. Подобные фантазии, считал Фрейд, доставляют большое удовольствие; а Анна пишет в своей работе, что они «высвобождаются в акте аутоэротического наслаждения». Другими словами, эти фантазии вели к мастурбации. Стоит попробовать распутать этот клубок. Дочь, которую отец звал именем Антигоны, родившейся от кровосмесительной связи, опирается на работы своего отца о дочери, которая предается фантазиям об инцесте и избиении. Инцест — это табу, поэтому фантазии о нем заслуживают наказания.

В статье 1920 г. Фрейд писал: «У двух из моих четырех пациенток причудливый воздушный замок из грез, очень важный для жизни упомянутых особ, вырос над мазохистской фантазией об избиении. Функция этой химеры была сделать возможным удовлетворение возбуждения даже без акта мастурбации». Это заставляет задуматься, говорила ли ему Анна, что ее фантазии заканчивались мастурбацией.

Фрейд сосредоточил внимание на одной пациентке и одной фантазии, которая «возникла у 15-летней девушки,

чья воображаемая жизнь, несмотря на ее богатство, никогда не конфликтовала с реальностью. Источник, развитие и конец этой грезы могут быть с уверенностью установлены, и во время весьма скрупулезного анализа было доказано, что она произошла из зависимости от долговременной фантазии об избиении». Есть основания утверждать, что этот скрупулезный анализ был проведен им над Анной.

Какую пациентку пятнадцати лет или около того наблюдал Фрейд тогда, когда заканчивалась Первая мировая война? Благодаря кропотливой работе многих историков нам кое-что известно о большинстве знаменитых клиенток Фрейда. Это было через четверть века после того, как он лечил Фанни Мозер, и маловероятно, что он стал бы писать о ней через столько лет. Доре в 1920 г. исполнилось 38, и она давно не посещала Фрейда. Эмма Экштейн отказалась от психоанализа после того, как Фрейд и Брейер чуть не убили ее — Брейер забыл удалить марлю из раны после операции. Анна фон Либен, или Цецилия М., была пациенткой Фрейда с 1887 по 1895 г. Она закончила лечение в возрасте почти сорока лет, опять же задолго до рассматриваемого периода. Еще одна клиентка Фрейда — Люси Р. — могла бы быть той самой девушкой, но у нее была другая история болезни. Люси Р. без памяти влюбилась в своего работодателя, когда умерла его жена, и позже вышла за него замуж. В своих подробных записях Фрейд никогда не упоминал ничего похожего на фантазии об избиении.

Ни одной из этих пациенток не могло быть пятнадцать лет, когда они консультировались у Фрейда. Напрашивается вывод, что это его дочь Анна мечтала об инцесте со своим отцом и в конце концов призналась в этом себе и ему. Это было бы вполне нормально во время психоанализа, если бы только аналитик не был ее отцом. Можно утверждать, что написать об этом, даже не называя имен, было очень смело со стороны Анны и Фрейда.

В своей статье Анна писала, что мечтательница чувствовала вину из-за «своего подавленного стремления к отцу». Она подчеркивала, что это было благодаря «аутоэротическому удовлетворению, которое всегда появлялось в финале. В связи с этим в течение нескольких лет девушка совершала всегда новые, но всегда неудачные попытки отделить одно от другого, то есть прибегать к фантазиям как к источнику удовольствия и в то же время отказаться от сексуального удовлетворения, которое нельзя было примирить с требованиями ее эго». Другими словами, Анна фантазировала о том, чтобы переспать с отцом, но чувствовала из-за этого вину — действительно клубок.

Пациентка прекратила попытки «отделить фантазии об избиении от аутоэротического удовлетворения. Запрет расширился и теперь распространился также на содержание фантазии. Каждый случай нарушения запрета теперь становился результатом длительной борьбы с искушением, а затем следовал бурный приступ самообвинения, укоров совести и подавленного настроения. Удовольствие, порожденное фантазией, все чаще ограничивалось единственным приятным моментом». Но этот момент удовольствия «был уложен в неприятное ощущение» — хорошее слово «уложен», когда речь идет об инцесте. Немецкое *einbetten* буквально означает «укладывать в постель» — *ein bett*.

Чтобы справиться с проблемой, девушка стала воображать «милые истории», отличные от фантазий об избиении. Милые истории, конечно, не заканчивались мастурбацией, потому что это бы не было «мило».

В 1924 г., через несколько лет после начала сеансов психоанализа, Анна писала: «Мечтательница не подозревала о какой-либо связи между милыми историями и фантазиями об избиении и в то время, вне всякого сомнения, отрицала бы ее». Если время от времени фантазии об избиении снова появлялись, «должно было последовать наказание в виде временного отказа от милых историй».

В 15 лет девушка нашла сборник сказок, который захватил ее воображение. В нем шла речь о 15-летнем (то есть одного возраста с ней) благородном юноше, которого рыцарь взял в плен и держал узником в своем замке. Рыцарь пытался убить юношу, но всегда останавливался. Потом гнев мучителя «превратился в жалость и великодушие, иными словами, в кульминации каждой сцены возбуждение разрешалось чувством счастья».

Если посмотреть на мечты и фантазии, говорила Анна, «мы удивимся их однообразию, хотя сама мечтательница не замечала этого ни когда фантазировала, ни когда рассказывала о них во время сеанса. При этом во всем остальном она была далеко не глупой и материал для чтения выбирала строго и придирчиво». Собственно, как и Анна Фрейд.

Рассказы обычно строились на «антагонизме между сильным и слабым человеком; на злодеянии слабого, по большей части неумышленном, из-за чего он оказывается во власти других людей… медленно нарастающей тревоге, часто изображенной изысканными средствами, пока напряжение не становится почти невыносимым. И наконец, желанная кульминация, разрешение конфликта, прощение грешника, примирение и в какой-то момент полное согласие между бывшими противниками».

Мечтательница никогда не думала о печальной правде. В обеих историях, пишет Анна Фрейд, фигурируют сильный и слабый человек. Она использовала красноречивую фразу, говоря, что два персонажа «противостоят друг другу как взрослые и дети». Совсем как противоборствовали она и ее отец, очевидно притворявшиеся, будто это не так. Анна продолжала: «Разница между двумя историями лежит в их разрешении, которое в фантазии достигается побоями, а в мечтах — прощением и примирением».

По словам Фрейда, его мечтательница никогда не мастурбировала, но в варианте Анны «пациентка» (по моему

предположению, она сама) делала это. Анна использовала теории своего отца, чтобы обосновать приведенную ею историю болезни. Фрейд заявлял, что фантазии об избиении — замещение кровосмесительной любовной сцены, которая была искажена вытеснением и регрессией. Эти фантазии представляют возврат вытесненного, в то время как «милые истории» — его сублимацию. «В фантазиях об избиении удовлетворяются непосредственные половые побуждения», — писала Анна, в то время как «в “милых историях” находят удовлетворение побуждения с вытесненным мотивом, как называл это Фрейд». Если ребенок развивается «нормально», «изначально нераздельный поток любви распадается на вытесненные плотские стремления (здесь выраженные в фантазиях об избиении) и сублимированную любовную связь (представленную “милыми историями”)».

Обе истории заканчиваются «дружбой между сильным и слабым человеком, взрослым и мальчиком или, поскольку многие мечты выражают это, между господствующим и подчиненным индивидом». Но мальчик, похоже, был маской. Анна писала: «Сублимация плотской любви в нежную дружбу, конечно, значительно облегчается тем фактом, что уже на ранней стадии фантазии об избиении девушка отбросила половые различия и неизменно представляла себя мальчиком».

Подростком Анна пробовала писать рассказы, так же как и анонимная пациентка, сочинившая «занимательную сказку», которая начиналась с того, что благородного юношу держали в плену и мучили, а заканчивалась его отказом бежать. Юноша решил остаться, потому что «проникся к рыцарю добрыми чувствами».

Статьи Анны, ценные сами по себе, дополняли работы ее отца. Фрейд замечал, что его пациентка построила «причудливый воздушный замок из грез, который… вырос над мазохистской фантазией об избиении… почти до уровня произведения

искусства». Он был не первым отцом, который восхищался творением своей дочери.

Поразительно, что мы, кажется, читаем два описания одного и того же случая — вполне вероятно, психоанализа, проведенного Фрейдом в отношении своей дочери. Я прекрасно понимаю, что это лишь гипотеза, но чувства и фантазии Анны, направленные на ее отца, должны были быть в центре их внимания во время сеансов. Похоже, им не грозило, что в этот процесс вмешается жена Фрейда, и это многое говорит о его образе жизни. Когда отец и дочь работали в его кабинете, мать была на кухне или в гостиной. Марта не знала, что происходит.

Несмотря на договоренность держать все в секрете, отец и дочь, видимо, не сошлись в оценке успешности анализа. В письме к Лу Андреас-Саломе в 1922 г. Анна писала: «Со мной все стало так сложно из-за двух основных недостатков — это недовольство или ненасытность собой, что заставляет меня искать любви от других, и, собственно, привязанность к другим, когда я нахожу их. [Первое] вы с папá никак не можете понять».

Фрейд, напротив, считал, что прекрасно понимает дочь, но признавал, насколько сильно зависит от нее. В письме к Андреас-Саломе в 1922 г. он писал: «Я уже давно чувствую жалость к Анне, потому что она живет вместе с нами, стариками, но все же, если бы она покинула нас, я бы ощущал себя обедненным, вроде того что происходит со мной сейчас, как будто мне пришлось бросить курить».

Анна была не единственным его ребенком, которого Фрейд подвергал психоанализу. У его сына Оливера развился невроз навязчивых состояний, и отец пытался его лечить. «Для меня чрезвычайно сложно быть объективным в этом случае», — писал Фрейд Максу Эйтингону, богатому психоаналитику, который помогал ему деньгами во время войны. Он добавлял,

что Оливер был «моей гордостью и тайной надеждой долгое время, пока ясно не проявилась его анально-мазохистская организация… Я невероятно страдаю от чувства беспомощности». Отношения Оливера с отцом оставались сложными, и он вместе с женой эмигрировал в Америку. Там он стал успешным инженером-строителем.

В тот период, когда Фрейд проводил сеансы с Анной, в семье произошла трагедия. В 1920 г. умерла его дочь Софи. Фрейду было 64 года, и его письма (по большей части еще не опубликованные) говорят о том, какую муку он испытывал. Анна никогда не рассказывала, что чувствовала, когда умерла ее сестра и соперница. Поразительное сходство: так же как Фрейд видел смерть своего брата Юлиуса, Анна стала свидетелем кончины сестры. Но это была не последняя беда в семье. После смерти Софи Фрейд очень привязался к ее двухлетнему сыну Хайнелю. Когда в 1923 г. мальчик умер, Фрейд едва не обезумел от горя.

Вскоре Фрейду пришлось иметь дело с проблемой прежде не существующей любовной жизни Анны. В 1925 г. к Фрейду на лечение пришла Дороти Берлингем, чей дед Чарльз Тиффани основал ювелирный дом для высшего общества Tiffany & Co. Дороти была несчастлива в браке. Она и Анна сблизились, затем стали закадычными друзьями, а потом и спутницами жизни. Когда я спросил последнюю секретаршу Анны Фрейд, были ли те любовницами, Джина Ле Бон ответила: «Какая разница?» Если и были, они не афишировали этого. Известный психиатр Роберт Коулс в биографии Анны Фрейд пишет только, что отношения между двумя женщинами были «запутанными». С восхитительным равнодушием ко всем моральным ограничениям Фрейд подвергал психоанализу и Анну, и Дороти, и, для пущей верности, мужа Дороти.

Гомосексуальность не преступление, хотя и не преимущество, как позже сказал Фрейд одной даме, желавшей, чтобы он

избавил ее сына от этого «недуга». Один из многих интригующих вопросов — знал ли отец, что Анна была лесбиянкой, если, конечно, она давала волю своим наклонностям. Юнг-Брюль уверена, что Анна всю жизнь оставалась девственницей. Отказ его дочери от секса заставляет задуматься: не был ли Фрейд втайне или даже подсознательно рад, что ни один мужчина не сможет занять место ее обожаемого папá? Нет никаких свидетельств того, что Фрейд надеялся обратить Анну в гетеросексуалку.

Накануне своего 70-летия Фрейд стал физически зависеть от Анны. Прекратив в 1902 г. употреблять кокаин, он стал очень много курить, и у него развился рак челюсти. Анна взяла на себя уход за папá. После операции на челюсти Фрейду пришлось носить протезы. Они причиняли боль, но без них больной не мог толком ни говорить, ни есть. В квартире отвели специальное место для антисептических процедур, чтобы Анна могла каждый день вытаскивать протезы, чистить их и снова вставлять. Это был интимный процесс, и ни от Анны, ни от Фрейда не ускользнул бы символический смысл этого акта. Анна засовывала свои пальцы и посторонний предмет в рот отца. Неизвестно, что думала об этом Марта, но Анна защищала свое право выполнять эту процедуру. «Теперь я бы не бросила его ни при каких обстоятельствах», — писала она Лу Андреас-Саломе в 1923 г.

Несмотря на психоанализ и на отвоеванное единоличное право на уход за протезами, Анна все же могла ревновать отца к своей матери и тете Минне. Они спорили о том, кто будет сопровождать Фрейда в путешествиях, даже когда Анне было уже хорошо за 30. В 1929 г. ей удалось добиться того, чтобы ехать с отцом в Берлин. «Сначала мама хотела ехать вместо меня, но я не желала и слушать об этом». Она отдавала себе отчет в своих чувствах и позже призналась Максу Эйтингону, что мучительно ревновала отца ко всем женщинам,

с которыми он проводил дидактический анализ, — в частности, к Хелен Дойч, Джоан Ривьер и принцессе Мари Бонапарт.

К концу 1920-х гг. Анна была признана блестящим детским психологом. Ей удалось это и благодаря отношениям с отцом, и вопреки им. У них была взаимная любовь, уважение и зависимость друг от друга. У Фрейда имелись причины чувствовать перед ней вину, но, когда в 1935 г. итальянский психоаналитик Эдуардо Вейс спросил его, стоит ли ему проводить сеансы со своим сыном, Фрейд признался, что подвергал Анну психоанализу, и сказал: «Что касается психоанализа вашего подающего надежды сына, то это вопрос щекотливый… Со своей дочерью я добился успехов».

Отношения Фрейда с сыновьями были не столь тесными, хотя его беспокоило, смогут ли те зарабатывать на жизнь. Так же как и Анна, Мартин продолжал жить в родительском доме, когда ему было уже далеко за 30. В 1934 г., через 25 лет после стычки с антисемитами на берегу реки, он ввязался в драку между студентами-евреями и австрийскими немцами. В 1930-х гг. антисемитские беспорядки в Вене были частым явлением. Еврейские студенты давали отпор. Мартин говорил: «Идея, что евреи могут отказаться от тактики смирения перед оскорбительными нападками, была для меня новой и привлекательной». Через несколько дней он вступил в еврейскую организацию «Кадима». Его отцу, как всегда, надо было проходить через комнату Мартина в свою с Мартой спальню. В кои-то веки Мартин порадовался тому, что его будили. «Не то чтобы я точно знал, что отец будет доволен». Но Фрейд был счастлив.

Эрнст Фрейд стал архитектором и в 1920 г. учредил в Берлине свою фирму, среди клиентов которой числилось немало врачей. В 1933 г., когда Гитлер стал канцлером Германии, Эрнст уехал в Лондон и обосновался в районе Сент-Джонс-Вуд. Позже он готовил к изданию сборник около 200 писем отца и исключил все, что могло бы навредить репутации Фрейда.

В свой 80-й день рождения, 6 мая 1936 г., страдающий от сильной боли Фрейд хвалил Анну в письме к Лу Андреас-Саломе. Он цитировал Мефистофеля из гётевского «Фауста»:

Зависим мы в конце концов
От тех, кто наши же творенья*.

И снова он тепло отзывался о дочери: «Создать ее было очень разумным поступком».

Анна стала директором Венского психоаналитического института и в 1937 г. основала детский сад для бедных детей. Деньги на него дали Дороти Берлингем и состоятельная подруга Анны Эдит Джексон. Садик был экспериментальным. Воспитанникам разрешалось самим выбирать еду и организовывать игры. Анну и Берлингем поражал тот факт, что, хотя некоторые родители жили очень бедно, «они приводили к нам детей не потому, что мы кормили, одевали их и заботились о них в течение дня, но потому, что "они так многому учились" — свободно ходить, самостоятельно есть, говорить, выражать свои предпочтения. К нашему удивлению, родители ценили это превыше всего».

Когда в 1938 г. нацисты вошли в Вену, Фрейд отказался покидать город. Детский сад закрылся, поскольку это было еврейское учреждение. Аннексия кардинально изменила жизнь Фрейда и его детей.

На следующий день после появления в столице германских войск Мартин Фрейд отправился в свой офис, чтобы обезопасить отца. «Я знал, что надо уничтожить особо важные документы». Он переводил деньги для своих клиентов за границу, что «было совершенно легально по мягким австрийским законам, но я знал, что это будет преступлением в глазах

* Перевод Н. Холодковского.

нуждающихся в долларах нацистов». Он должен был защитить своих клиентов, «включая отца», ликвидировав свидетельства этих операций.

Но Мартин не успел избавиться от документов — в офис заявилась толпа нацистских сторонников. Изможденного вида человек приставил к голове Мартина пистолет. «Почему бы не пристрелить его и дело с концом?» — закричал он. Спас Мартина приход Эрнеста Джонса, который сказал, что он британец, а не еврей. Он решил: чтобы выпутаться из этого положения, самое разумное — признать нациста представителем власти. Затем Джонс пошел рассказать Анне Фрейд, что происходит.

Через несколько минут явился молодой светловолосый районный комиссар. Этот офицер «излучал власть, что произвело мгновенное действие на сброд, который так долго издевался надо мной», заметил Мартин. Комиссар разговаривал вежливо и позволил войти сестре Анне, которая ждала снаружи.

Анна и Мартин вернулись в квартиру родителей. Там уже находились несколько гестаповцев. Марта Фрейд была спокойна. Она сказала непрошеным посетителям, что не может допустить, чтобы гости ожидали стоя, и учтиво предложила им сесть. Затем она любезно сообщила, что в доме есть деньги.

«Не стесняйтесь, господа», — предложила Марта. Денег оказалось немало: 6000 шиллингов. Затем в комнату с озабоченным видом вошел Фрейд, но ничего не сказал. «Господа из СС» деньги взяли и, как ни странно, выдали официальную расписку.

Распрощавшись с 6000 шиллингов, Фрейд сказал жене: «Бог ты мой, я никогда не брал так много за один визит».

Гестаповцы конфисковали паспорта всей семьи и ушли.

Казалось, что надежды спастись нет, и Анна обсуждала сложившееся положение с отцом. «Не лучше ли, если все мы покончим с собой?» — спросила она. Фрейд был непреклонен. «Зачем? Потому что они этого хотят?» — ответил он. Старик не собирался доставлять нацистам такое удовольствие.

Только 34 года спустя Анна позволила доктору отца Максу Шуру привести этот диалог в книге «Зигмунд Фрейд. Жизнь и смерть».

Во вторник 22 марта гестаповцы снова явились на Берггассе, 19 и арестовали Анну Фрейд. Макс Шур, услышав об этом, тут же примчался: он знал, что Фрейд будет безутешен. Фрейд ужасно боялся, что больше не увидит дочь. Обычно спокойный психоаналитик ходил туда-сюда по квартире и курил одну сигару за другой.

Анна подготовилась к такому повороту событий. Опасаясь, что ее будут пытать, она выпросила у Шура две таблетки веронала, чтобы проглотить, если не останется другого выхода.

В квартире на Берггассе Шуру не удавалось успокоить пациента. Фрейд продолжал нервно расхаживать и беспрерывно курил. Паула Фихтль и Дороти Берлингем обе писали, что это, без сомнения, был самый ужасный день в его жизни.

В гестапо Анну продержали несколько часов, а затем задали хитрый вопрос, чтобы заставить ее поволноваться: что это значит — быть членом международной организации? Офицер сказал, что они располагают информацией о тайном сговоре бывших солдат-евреев, планирующих террористические акции в Вене. Анна объяснила, что единственная интернациональная организация, к которой она принадлежит, — это Международная психоаналитическая ассоциация, но они не прячут оружие под кушетками. Но сохранять спокойствие было трудно. Однако каким-то чудом поздним вечером ей позволили покинуть отель «Метрополь»*.

Фрейд почувствовал невыразимое облегчение, когда уже к ночи 22 марта Анна, целая и невредимая, вернулась домой. По словам Макса Шура, это был редкий случай, когда Фрейд не скрывал своих истинных чувств и плакал.

* Там размещался штаб гестапо.

Арест Анны стал последней каплей: Фрейд наконец решил покинуть Вену, хотя и знал, что жить ему осталось недолго. В течение трех месяцев до их отъезда Анне приходилось регулярно отмечаться в полиции и вести себя вежливо с нацистскими властями, пока она договаривалась о выездных визах для своего отца и остальных членов семьи. Фрейд отдавал должное тому, как ловко она провернула это. В мае 1938-го семья уехала из Вены. Им помогал один из нацистов — Антон Зауэрвальд: он по большей части и организовал их отъезд, включая перевозку в Лондон библиотеки Фрейда и мебели.

Фрейд скончался в сентябре 1939 г. Он заранее договорился с Шуром о том, что тот даст ему морфий, когда уже не будет смысла продолжать жизнь. Когда он умирал, Анна находилась у его постели.

В книге Мартина «Отраженная слава» решающий эпизод опущен. Мартин не мог вынести мысли, что в бегстве из Вены отцу и семье способствовал нацист. Когда в 1945 г. Зауэрвальда арестовали как военного преступника, ни Мартин, ни Анна не вступились за него. Только после того, как немец провел в тюрьме почти два года, Анна сочла, что отец хотел бы, чтобы они поступили порядочно и помогли человеку, который когда-то спас их. Против желания Мартина она наконец написала властям письмо, о котором Зауэрвальд просил ее два года.

К концу 1960-х, через 30 лет после смерти Фрейда, Анна Фрейд считалась одним из ведущих детских психотерапевтов в мире. По словам ее секретаря Джины Ле Бон, Анна не простила ни нацистов, ни Германию. Джина объясняла: «Мисс Фрейд не желала ездить на “мерседесе”, она водила “вольво” и водителем была очень плохим, в отличие от мисс Берлингем». Другая удивительная подробность, которую рассказала мне Джина Ле Бон: когда Анна Фрейд узнала, что пишущие

машинки IBM производятся в Германии, она перестала ими пользоваться.

Дарвин был продолжателем одной династии и влился в другую, женившись на Эмме Веджвуд. Фрейд сам основал династию. Из его детей прославилась только Анна, но двое внуков тоже обрели всемирную славу. Один из них, Люсьен Фрейд, был прекрасным художником, другой — брат Люсьена Клемент — стал членом парламента. Племянник Фрейда Эдвард Бернейс работал в администрации Вудро Вильсона. Он считается основателем науки (или искусства) о связях с общественностью. Значит ли это, что Фрейд был хорошим отцом? В некоторых аспектах жизни он явно был несчастлив. Изучая историю семьи Фрейда, я установил, что среди его умерших родных не только рано ушедшие из жизни дочь и внук, но и восемь родственников, которые либо покончили с собой, либо погибли при загадочных обстоятельствах.

Хотелось бы завершить этот рассказ на жизнеутверждающей ноте. Клемент Фрейд поведал забавную историю о поездке в Китай во время «культурной революции» в составе парламентской миссии. Клемент отправился туда вместе с молодым Уинстоном Черчиллем*, тогда членом парламента от Консервативной партии Стретфорда.

В последний день китайский министр информации спросил Клемента Фрейда, есть ли у него какие-либо вопросы. Тот ответил: «Да. Вы ко всему подходите с особой тщательностью и пунктуальностью… Сейчас я нахожусь в вашей стране с коллегой — я его старше, дольше заседаю в парламенте, занимаю более высокое положение в политической партии. Мы оба живем в отеле Peking Palace, а номер у него больше, чем мой. Почему?» Весьма смущенный министр ответил: «Потому что у мистера Черчилля знаменитый дедушка».

* Внуком знаменитого премьер-министра (1940–2010).

«Это был единственный раз, когда чей-то дедушка обошел моего», — написал Клемент. Осмелюсь предположить, что Фрейду тоже понравилась бы эта острота.

В том, какими отцами были Фрейд и человек, которого в течение нескольких лет он звал своим наследным принцем, — Карл Густав Юнг, — есть некоторое сходство и много различий.



Карл Юнг

Архетипический бабник



В статье, опубликованной в 1917 г., Юнг писал: «Последние исследования показывают преобладающее влияние отцовского характера в семье, которое наблюдается часто на протяжении столетий. Похоже, матери играют менее важную роль». Юнг мог быть любящим отцом, но он редко позволял детям мешать его собственным удовольствиям. Данная глава провокационно названа «Архетипический бабник», поскольку Юнг описал бо́льшую часть архетипов — часть коллективного бессознательного, которое, по утверждению психолога, содержит прошлое человечества, тайны, желания и страхи.

Лоренс ван дер Пост написал биографию Юнга, «не показывающую ни одной бородавки», а Дж. Д. Ф. Джонс назвал свою биографию ван дер Поста «Выдумщик» (The Storyteller), потому что его герой сочинял много небылиц. Тем не менее ван дер «Враль» стал близким другом принца Чарльза. В 1974 г. они отправились в Кению и проехали маршрутом, которым за 50 лет до него путешествовал Юнг. Юнг искал древнюю мудрость, а в более широком смысле — истинную суть самого себя. У принца Чарльза были похожие устремления.

Эдзард Эрнст, в свое время профессор комплементарной медицины Эксетерского университета, написал: «Ван дер Пост хотел разбудить интуитивный ум молодого Чарльза и настроить его на идеи юнговского “коллективного бессознательного”,

которое якобы объединяет нас всех с помощью общей жизненной силы». Эрнст полагает, что эта вера в витализм породила сильное увлечение принца Чарльза нетрадиционной медициной, поскольку «фактически каждая форма весьма богатого разнообразия альтернативных методов лечения основывается на допущении, будто существует некая жизненная сила или энергия».

Ван дер Пост был крестным отцом принца Уильяма. Когда принцесса Диана страдала от депрессии, Чарльз просил друга найти ей психотерапевта. Ван дер Пост посоветовал, конечно, юнгианца. Принцесса Диана благоразумно отмела попытку мужа контролировать процесс ее лечения, и в конце концов ее психоаналитиком стала Сьюзи Орбах, автор книги «Полнота — это феминистская проблема» (Fat is a Feminist Issue). Удивительно, что юнгианские идеи не прельстили принцессу Диану, ведь она увлекалась астрологией, спиритуализмом и гидроколонотерапией.

Многие нацисты также бредили оккультизмом, и писатель Томас Манн однажды сказал, что Юнг всегда был «наполовину нацистом». Юнг определенно разделял широко распространенный в то время антисемитизм. Евреи отличаются от других людей и даже должны одеваться по-другому, едко замечал он, потому что иначе «мы примем их за таких же людей, как мы». Он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь психоаналитикам-евреям после прихода к власти Гитлера, но поспособствовал брату Германа Геринга возглавить в 1936 г. Берлинское психоаналитическое общество.

Впрочем, по крайней мере с одним евреем Юнг вел себя осторожно. Работая вместе с Фрейдом, Юнг держал свое мнение насчет евреев при себе. В противном случае вряд ли Фрейд стал бы называть его «сыном и наследником» или своим наследным принцем. Не был Юнг откровенен и относительно своей любовной жизни. Он спал с американкой,

которую встретил в Париже, с несколькими студентками и, наконец, жил в ménage à trois*. В этой главе довольно подробно рассматриваются его взаимоотношения с Сабиной Шпильрейн и Тони Вольф, поскольку эти связи оказали сильное влияние на его детей, когда те были маленькими. Все они любили и уважали мать и чувствовали, что отец порой с нею жесток.

Как еврей, не расположенный к мистицизму, я склонен относиться к Юнгу критически. Но у самого Юнга были требовательные родители и далеко не безоблачное детство, и, несмотря на страдания, которые его измены принесли детям, временами он все же был достаточно хорошим отцом. Выражение «достаточно хороший отец» навеяно работой английского психоаналитика Д. Винникотта, чьи представления о достаточно хорошей матери мы обсуждали в предисловии.

Так случилось, что Винникотт рецензировал наиболее личную книгу Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления». «Описывая себя, Юнг дает нам картину детской шизофрении, — писал Винникотт. — И в то же время его личность обнаруживает своего рода силу, которая способствует самоисцелению». Винникот беспокоился о том, что читатели *The International Journal of Psychoanalysis* могут подумать, будто он считает Юнга сумасшедшим, и добавляет: «В данный момент я прошу читателя понять, что я вовсе не отношусь к Юнгу с пренебрежением, приклеивая на него ярлык “пациента, излечившегося от инфантильного психоза”».

Карл Густав Юнг родился в 1875 г. Его мать была честолюбивой женщиной, катастрофически неудачно, как ей казалось, вышедшей замуж. Отцу Юнга Паулю не удалось достичь сколь-нибудь важного положения в Швейцарской реформатской церкви, и, что еще хуже, он колебался в своей вере. Однако

* В шведском браке, т.е. втроем (*фр.*).

мать будущего психиатра происходила из уважаемой семьи — ее отец Иоганн преподавал иврит и Ветхий Завет в духовной семинарии.

После смерти первой жены Иоганн поставил в кабинете специальный стул для ее души. Душа не просто посещала его и позволяла ласкать свою эктоплазму, но беседовала с бывшим мужем каждый день. Его вторую жену Августу это не радовало. Здесь очевидна связь с Коуардом. В пьесе «Невероятный сеанс, или Неугомонный дух» герою не дает покоя призрак его первой жены. Она не может смириться с тем, что он снова женился, и насылает на свою преемницу смерть. Теперь уже два женских духа очень скучают по мужу и подстраивают автомобильную аварию, чтобы тот умер и воссоединился с ними в загробной жизни. Три души вечно живут в *ménage à trios*. Юнг тоже жил с двумя женщинами одновременно на протяжении сорока лет.

Детство Юнга отмечено одержимостью сверхъестественным. Когда отец писал проповеди, мать сидела позади него, чтобы отпугивать витавшие вокруг привидения. Эмилия Юнг, грозная женщина, подавляла сына. Но она отличалась неустойчивой психикой. Карлу было три года, когда ее депрессии стали настолько разрушительными, что женщину пришлось отправить в психиатрическую лечебницу в Базель. Некоторые авторы пишут, что на три года, но по словам Юнга — всего на несколько месяцев. Заботу о ребенке взяла на себя пожилая тетка. У оторванного от матери Карла началась экзема. «Я глубоко переживал разлуку с мамой. С тех пор я не доверял слову “любовь”», — писал Юнг. Это повлияло на его отношение к женщинам. «Слово “женщина” ассоциировалось у меня с природной ненадежностью, отец же, наоборот, ассоциировался с надежностью, но и бессилием».

Эмилия Юнг всегда казалась «более сильной из двоих» родителей. Сын представлял мать провидицей — «странным

созданием, похожим на жрицу в медвежьей пещере». В основном она «придерживалась общепринятых мнений», которые ей полагалось иметь как жене священника, «но затем вдруг показывалась ее подсознательная природа». Эта подсознательная природа была неистовой и причудливой и «появлялась только время от времени, но каждый раз это было неожиданно и пугало. Она словно говорила с незнакомцем, но ее слова были обращены ко мне и обычно потрясали меня до глубины души, так что я ошеломленно молчал».

Пытаясь приспособиться к перепадам настроения матери, Юнг придумал ритуалы, которые помогали сохранять спокойствие: он часто зажигал огни в саду, а в другое время сидел на камне и думал: «Я ли сижу на камне или я камень, на котором сидит мальчик?» Кроме того, он сделал тотем: вырезал из деревянной линейки крошечную фигурку и хранил ее в своем пенале. А еще написал на обрывках бумаги высказывания на своем секретном языке. Как он признавался позже, это придавало ему уверенность в себе.

Юнг писал, что в нем тоже жили «два разных человека. Один — сын своих родителей, который ходил в школу и был менее умным, внимательным, трудолюбивым, воспитанным и опрятным, чем многие другие мальчишки. Другой — взрослый, даже старый человек, недоверчивый и подозрительный, отрешенный от людского мира, но близкий к природе… и, самое главное, к ночи, к снам и ко всему, что непосредственно вложил в него Бог».

Его родители плохо ладили, и потому мать Юнга слишком рано перестала относиться к сыну как к ребенку. «Моя мать всегда считала, что я умен не по годам, и общалась со мной как со взрослым. Было очевидно, что она говорит мне все, что не может сказать отцу; я очень рано стал ее задушевным другом, и она поверяла мне все свои горести». Мать искала опоры в нем, потому что сильно разочаровалась в муже. Юнг

деликатно убрал из черновика «Воспоминаний» замечание о том, что нервные срывы Эмилии прекратились только после того, как ее супруг умер.

Когда Юнг пошел в школу, вскоре у него проявилась склонность к драматизации. В первый год учебы в классической гимназии в Базеле один мальчик толкнул его. Юнг упал, ненадолго лишился чувств, но успел подумать: «Больше не надо будет ходить в школу». Потом он несколько раз терял сознание, чтобы не идти в гимназию или не делать домашнее задание. «Когда я узнал, что такое невроз, — писал Юнг, — случился обморок». Фрейд тоже не однажды лишался чувств. Ранние психоаналитики держали нюхательную соль поблизости.

В 1895 г. Юнг поступил на медицинский факультет Базельского университета, а потом устроился на работу к Эйгену Блейлеру, одному из ведущих психоаналитиков того времени. Блейлер высоко ставил своего студента и позволил ему представить неординарную докторскую диссертацию, которая дала возможность Юнгу «удовлетворить свое горячее любопытство относительно оккультных и спиритуалистических вопросов». Юнг рассматривал случай С. В. — на самом деле его двоюродной сестры Хелены Прайсверк. На спиритических сеансах, которые Юнг посещал вместе с матерью, у Хелены возникали видения и галлюцинации. Есть противоречивые сведения о том, когда именно происходили эти сеансы. В диссертации Юнг указывал на период между 1899-м и 1990 г., когда Хелене было 15 лет, а ему 24. Однако один ее родственник утверждает, что Юнг помогал в организации таких собраний уже в 1895 г., когда Хелене исполнилось 11, а ему 19 и он учился на первом курсе. Возникает вопрос, почему он неточно приводил даты.

В 1900 г. Юнг прочитал «Толкование сновидений» Фрейда, но понял, что пока не может оценить эту работу. В конце концов, Фрейд был на 20 лет старше. Через три года Карл Густав снова вернулся к этой книге. К тому времени он уже окреп под

крылом у Блейлера и стал называться *Oberarzt*, то есть «старший врач», — он занял должность директора по клинической работе в клинике Бургхёльцли. На этот раз работа Фрейда произвела на него большое впечатление, но все же Юнг пока не связывался с ним.

14 февраля 1903 г. Юнг женился на Эмме Раушенбах из семьи богатых швейцарских промышленников. Пара провела медовый месяц на озере Комо, а затем отправилась на Мадейру и Канарские острова. Позже Юнг в весьма нелюбезных выражениях рассказал, что они с Эммой потратили бóльшую часть этого путешествия на споры относительно того, как муж и жена должны делить свои деньги. Конечно, у нее были деньги, тогда как он располагал лишь скромным жалованьем. Когда Юнг вернулся на работу, он принялся козырять своим обретенным посредством женитьбы достатком: купил дорогую одежду и нанял личного повара, чтобы тот готовил ему еду в больнице. Теперь он стал слишком важным человеком, чтобы питаться в столовой.

Вскоре Эмма забеременела и очень быстро осознала, что ее муж неисправимый бабник. Впоследствии Юнг объяснял, что у властных матерей, таких как Эмилия, сыновья становятся «либо гомосексуалистами, либо донжуанами». Вину за свою невоздержанность он всецело возлагал на мать. «Слово “женщина” долгое время ассоциировалось у меня с природной ненадежностью», — писал он. На деле печальная Эмма мирилась с отлучками, изменами, не говоря уже об угрюмом молчании за столом. Она была верной женой, о которой мужчина может только мечтать, а слово «ненадежный» точно характеризовало как раз ее мужа.

Их первый ребенок родился 26 декабря 1904 г. Агата будет очень страдать от натянутых отношений в семье, вызванных похождениями Юнга. Отцовство не заставило его положить конец бурным романам с по крайней мере двумя

студентками — Эстер Аптекман и Сабиной Шпильрейн. Шпильрейн (чья фамилия Spielrein — вот ведь ирония — созвучна немецкому rein Spiel, «чистая игра») была талантливой девушкой из России. В недавнем фильме «Опасный метод»* она представлена любящей наказания героиней.

Подобные предпочтения достаточно фривольны, но, похоже, фантазии о порке были распространены среди ранних психоаналитиков и их пациентов. Шпильрейн рассказала Юнгу, что отец часто бил ее и что ей не дают покоя фантазии об избиении. Начальник Юнга Блейлер настаивал на том, чтобы девушка не имела контактов со своим отцом и братьями. Во время любовных свиданий Юнг иногда поколачивал ее, или она это себе представляла. Некоторые юнгианцы даже предположили, что, поскольку Сабину бил отец, побои Юнга были способом избавить ее от психологических проблем. (Здесь возникает интересный вопрос, хотя в этой книге не место для его подробного рассмотрения. Обсуждал ли Фрейд через несколько лет Шпильрейн с дочерью Анной? Говорил ли он ей о том, что ту били, и повлияло ли это на дискуссии двух женщин о фантазиях об избиении?)

По крайней мере Юнг помог Шпильрейн излечиться. Она подала документы в медицинский институт при Бургхёльцли и, к этому времени уже по уши влюбленная в Юнга, стала его ассистенткой в лаборатории.

Несмотря на свое увлечение оккультизмом, Юнг осознавал, что идеи Фрейда нуждаются в эмпирическом подтверждении. Некоторые ранние психологи, такие как Вильгельм Вундт, открывший в 1879 г. в Лейпциге лабораторию, проводили с испытуемыми тесты словесных ассоциаций. Как правило, они обращали внимание на то, что в первую очередь скажет человек в ответ на нейтральное слово, например «стул»,

* «A Dangerous Method» (2011), реж. Дэвид Кроненберг.

и как скоро. Юнг понимал, что, если заменить нейтральные слова эмоционально нагруженными, с помощью такого подхода также можно исследовать и подсознание. Шпильрейн стала одной из его первых испытуемых. Хотя теперь она была здорова, она уговорила Блейлера позволить ей остаться жить в больнице на шесть месяцев. Находясь поблизости, она могла больше помогать Юнгу. Интересно, где она ела — в больничной столовой или Юнг делил с ней трапезу, приготовленную личным поваром, так же как делил с ней постель?

Юнг составил список из 100 слов, который начинался нейтральными, например «слива», «краска» и «корова», а заканчивался вызывающими эмоциональные ассоциации словами вроде «ссора», «тревога» и «подделка». Юнг подобрал слова «так, чтобы они затрагивали все комплексы, встречающиеся на практике». Среди неслучайно выбранных слов были «бить» и «целовать». Юнг не обнародовал, какими были личные ответы Шпильрейн на эти два «стимула», но оба понятия были частью того, что она называла существовавшей между ними «поэзией».

Юнг просил испытуемых «как можно быстрее называть первое слово, которое приходит вам в голову. Эта инструкция настолько немудреная, что ее может выполнить кто угодно». Но — и это было важным открытием Юнга — то, что происходило, было далеко не просто. Время, которое требовалось для того, чтобы дать ответ, даже притом что следовало назвать первое пришедшее в голову слово, разнилось. Одному участнику теста понадобилось 0,6 секунды и 0,9 секунды, чтобы найти ассоциацию для слов «длинный» («короткий») и «голова» («ступня») соответственно. Однако другой потратил 0,35 секунды, чтобы отреагировать на «вояж», 0,22 секунды — на «грех» и умопомрачительные полсекунды, чтобы сказать «деньги» в ответ на слово «богатый». Иногда испытуемые начинали суетиться и говорили «Я не знаю» или

пытались защититься смехом. Это было вызвано не «умственными затруднениями», поскольку тестируемые были «очень умными людьми, способными к беглой речи», говорил Юнг. «Объяснение лежит скорее в области эмоций».

Когда человек особенно долго не отвечал, это происходило потому, что нечто «тормозило» ответ, «иными словами, адаптация к словам-стимулам затруднена». Юнг утверждал: «Мы имеем дело с болезненным явлением в психике, с какой-то либо временной либо затяжной патологией, а именно с психоневрозом, умственным функциональным расстройством».

Благодаря напряженной работе Юнга и Шпильрейн над словесной связью у них было много времени и для физической. У Юнга появилось прекрасное оправдание, чтобы объяснить жене, почему его не было дома, почему у него отсутствующий вид и по какой причине он проводит мало времени с двумя дочерьми. Их с Эммой вторая дочь Грета родилась 8 февраля 1906 г.

Проведение теста словесных ассоциаций приняло интересный оборот, когда медсестра обнаружила, что у нее украли 70 франков. Юнг ухватился за предоставившуюся возможность. Все шесть сестер отделения должны были пройти тест, который он переработал, чтобы сыграть в сыщика. Вместо обычных слов «я выбрал имя обокраденной сестры, а также следующие слова: “шкаф”, “дверь”, “открыть”, “ключ”, “вчера”, “купюра”, “золото”, “семьдесят”, “пятьдесят”, “двадцать”, “деньги”, “следить”, “карман”, “цепь”, “серебро”, “прятать”, “мех”, “красно-коричневый”, “кожа”, “сантим”, “трафарет”, “чек”». Кроме того, он использовал слова, «которые имели особое эмоциональное значение: “кража”, “взять”, “украсть”, “подозрение”, “вина”, “суд”, “полиция”, “лгать”, “бояться”, “обнаружить”, “арестовать”, “невиновный”». И Шерлок Юнг нашел вора, так что можно сказать, что он провел первую в мире проверку на детекторе лжи.

Когда Юнг отдавал в публикацию работу, посвященную использованию словесных ассоциаций, у него был соблазн не упоминать Фрейда, поскольку ученые проявляли сильную враждебность по отношению к психоанализу. «Дьявол шептал мне», что было бы разумно ничего не говорить о Фрейде, но потом «я услышал свой внутренний голос: “Если ты сделаешь это, притворишься, что не имеешь понятия о Фрейде, это будет обман. Нельзя строить свою жизнь на лжи”».

В 1906 г. Юнг отправил статью Фрейду и получил в ответ сборник работ австрийского коллеги. Их мнения совпадали по многим вопросам. Кроме всего прочего, оба были убеждены, что под областью сознательного есть другая сфера психики, которую они называли подсознанием, и оба считали, что анализ снов может помочь в ее изучении. Словно влюбленные, ученые не замечали различий. Юнг даже описал в письме один из своих снов, и Фрейд истолковал его как предсказание «неудачи брака по расчету». Бытует мнение, что в отношении супружества Юнга и Эммы это было правдой.

В 1908 г. Фрейд уже определенно знал, что его швейцарский единомышленник вовсе не является образцом примерного семьянина, поскольку спит со Шпильрейн, которая вынашивает идею родить от Юнга ребенка и назвать его героическим именем Зигфрид. В дневниках Сабина описывала их пылкие свидания как «поэзию». Для нее это, может, и было поэзией, но для него — скорее прозой жизни. Через пять месяцев он признался Шпильрейн, что и раньше имел подобные связи и ему необходимы «бурные и непостоянные любовные отношения». Как еще мог он справиться с тем фактом, что женщины от природы ненадежны?

Последствия для его брака — и детей — могли быть катастрофическими. Доведенная до отчаяния, жена Юнга рассказала о происходящем матери Шпильрейн в анонимном письме. Та написала Юнгу и получила поразительный ответ:

«Я превратился из ее врача в ее друга, когда перестал отодвигать свои чувства на задний план». Затем он поучал ее: «Вы, разумеется, понимаете, что мужчина и девушка не могут бесконечно питать один к другому дружеские чувства — они наверняка перерастут в нечто большее… Никто не может помешать двум друзьям делать то, что им хочется». Вообще говоря, Цюрих в 1906 г. не был столицей адюльтера. Юнг добавлял, что он никогда не выставлял счетов за услуги, как сделал бы врач. Плата врачу устанавливает границы. Если миссис Шпильрейн хочет, чтобы он относился к ее дочери как к пациентке, она должна «заплатить мне гонорар — надлежащее вознаграждение за мои труды». Тогда он никогда больше не прикоснется к Сабине. Юнг даже предположил, что десять франков за час было бы приличествующей суммой.

В ответ, а может, и в отместку Сабина Шпильрейн написала Фрейду и ясно дала понять, что она и Юнг любовники. «В итоге произошло неизбежное… Пришел час, когда он не мог больше переносить этого и пожелал “поэзии”. Я не могла и не стала противиться по многим причинам». В то время Фрейд называл Юнга своим «наследным принцем», который имел преимущество — не был евреем. Фрейд всегда опасался, что психоанализ будут воспринимать как еврейскую науку. Поэтому он оставил без внимания полнейшее пренебрежение Юнга медицинской этикой.

Мечтам Шпильрейн родить от Юнга не суждено было сбыться. В 1908 г. Эмма забеременела третьим ребенком, и это вызвало у двух их старших детей настороженность и тревогу. Юнг спросил у четырехлетней дочери, что бы она сделала, появись у нее братик. «Убила бы его», — ответила девочка в очевидном приступе детской ревности. Сын Эммы и Юнга Франц родился 1 декабря 1908 г. Юнг написал Фрейду о том, что очень счастлив и теперь, когда у него есть сын, чувствует себя умиротворенным, «совсем как крестьянин».

Агата испытывала более сложные чувства, чем соперничество за внимание родителей. Рождение Франца травмировало ее, и она спросила, действительно ли мама должна умереть. Когда Юнг поинтересовался, откуда она это взяла, Агата рассказала: она думала, что женщины после родов умирают, становятся ангелами и снова рождаются. Сначала Юнг объяснил ей, что матери подобны почве, а отцы — садовникам, которые сеют семена. Эвфемизм оказался непонятным, и он поведал дочери правду о половом акте. Для того времени это было очень смело, но знание секрета продолжения жизни растревожило Агату. В последующие месяцы она часто видела беспокойные сны о рождении детей и сексе. Кроме того, ее мучили ночные страхи, что напоминало Юнгу о его собственном детстве. Также девочка боялась вулканов и землетрясений. Чтобы успокоить ее, Юнг показывал книги с иллюстрациями, изображавшими извержения вулканов и землетрясений в странах, далеких от геологически спокойной Швейцарии.

В этот сложный период Юнг обратился за помощью к матери и пригласил ее переехать жить поблизости. Стоит ли говорить, что Эмилия выслеживала своих духов и пугала внуков небылицами о сверхъестественном. Но ее присутствие подбодрило детей.

Юнг, вероятно, был счастлив, что у него появился безукоризненный повод сбежать из этого бедлама. Вскоре после рождения Франца он вместе с Фрейдом отплыл в Америку на празднование 20-летия Университета Кларка. Фрейда пригласили читать лекции. Юнг утверждал, что ему предложили приехать не в качестве сопровождающего Фрейда, а как независимого исследователя, поскольку американцы осознали значимость его работы со словесными ассоциациями. Оба ученых увидели в приглашении знак того, что психоанализ приобрел международный успех.

Фрейд не писал, что произошло во время путешествия через Атлантику, но там случилось нечто крайне важное для истории психоанализа. Этот эпизод известен только по «Воспоминаниям» Юнга — на этот факт никогда особенно не обращали внимания, но он означает, что мы знаем о событиях с точки зрения лишь одного участника. По его словам, Фрейд отказался подробно рассказывать «наследному принцу» свои сны, что обидело Юнга, ведь он поведал коллеге свои сновидения во всех мелочах. Фрейд, писал Юнг, сказал, что вынужден утаить детали, чтобы сохранить свой авторитет. Вполне взрослый человек и великий мистик пререкались совсем как дети, которые вопят: «А я мое не отдам!» Получив отказ, Юнг заявил Фрейду, сначала с глазу на глаз, что тот придает слишком много значения сексу как причине неврозов. Это было комично, поскольку в то время, когда они встретились, либидо Фрейда было «подавлено» (если использовать его же терминологию), в то время как половая жизнь Юнга била ключом и гормоны зашкаливали.

Оба плыли через Атлантику, оставив дома своих жен и других родных. Юнг предоставил Эмме заниматься семьей и нести на себе бремя ежедневных забот, связанных с детьми. Отдавая должное стараниям матери, Хелена Юнг говорила, что Эмма всегда была рядом.

Несмотря на многие различия, у Фрейда и Юнга как у отцов было кое-что общее. Так же как Фрейд, Юнг водил свою семью в походы в горы. Кроме того, он любил ходить под парусом и побаловал себя покупкой двухмачтовой яхты с красными парусами. Каюта была достаточно просторной, и трое детей могли спать в ней. Агата и ее сестра Грета вспоминали поездки, которые их отец называл путешествием к Северному полюсу. Когда над водой висел туман, Франц должен был каждые две минуты дудеть в корабельный горн. Юнг часто велел детям «сердить ветер», производя шум веслами. Находясь на яхте,

он любил готовить на открытом воздухе, а дети держали над ним зонт. Однажды он семь часов готовил пойманную ими щуку. Все это кажется очень веселым времяпрепровождением. В Юнге действительно жили две личности — а может, и больше.

Фрейд был евреем, не верившим в Бога. Он подчеркивал первостепенное значение сексуальности как причины неврозов. Юнг находился под влиянием спиритуализма и, можно сказать, был одурманен им. Семь лет он считался с мнением Фрейда, но к 1913 г. решил, что больше не может с ним работать. Когда замаячил раскол, Юнг испытал ужасное «столкновение с бессознательным». Он опасался, что ему «грозит психоз» или шизофрения. Может, он и был на грани, но не собирался позволить болезни взять над ним верх и стал относиться к сумасшествию как к дару. Он вызывал у себя галлюцинации, или «активное воображение». Неизвестно, как его поведение подействовало на его детей. В конце концов он подробно описал это в «Красной книге», которую при жизни отказался публиковать. (Психоаналитики определенно склонны лелеять свои секреты.)

С конца 1913 г. Фрейд и Юнг больше никогда не разговаривали и не писали друг другу. Фрейд поносил Юнга в письмах и в одной статье. Он писал, что добивался назначения Юнга первым президентом Международного психоаналитического общества, что «оказалось весьма прискорбным шагом». В статье «К истории психоаналитического движения» Фрейд цитировал оппонентов, таких как Эрнест Джонс, который заявил, что идеи Юнга были «настолько смутными, невразумительными и сумбурными, что высказать какое-либо мнение о них весьма затруднительно».

Разрыв с Фрейдом заставил Юнга искать сочувствия у Эммы, и та подарила мужу щедрое утешение. Юнг признает это в «Воспоминаниях»: «Я с благодарностью вспоминаю практическую и моральную поддержку, которую в это трудное

время оказала мне моя дорогая жена». Поддержка, видимо, включала и супружеское утешение, поскольку их последний ребенок, дочь Хелена, родился в марте 1914 г.

Эмма смирилась с привычками и причудами Юнга, так же как и дети. Развестись в ту эпоху было непросто, хотя однажды Эмма угрожала мужу разводом. Обычно, когда Юнг находился дома, за трапезой собиралась вся семья. За столом Юнг тоже мог вести себя как два разных человека. Временами он много говорил, рассказывал «чарующие» истории, но в иные дни молчал и хмурился.

Чувство благодарности, которое Юнг испытывал к жене за поддержку в период разрыва с Фрейдом, не сделало его верным мужем. В 1913 г. он взял новую пациентку, которая, так же как раньше Сабина Шпильрейн, вскоре стала его любовницей. И снова это оказало огромное влияние на детей.

Тони Вольф происходила из древнего и богатого цюрихского семейства и была чрезвычайно умна. Незадолго до того умер ее отец, и она горько его оплакивала. Юнгу не удавалось добиться успеха в лечении юной пациентки — Тони шел 22-й год, — пока он не провел аналогию между ее горем и греческими мифами. Вольф была очарована.

Через две недели после рождения Хелены Юнг продемонстрировал, насколько он был ненадежным мужем: в компании с Вольф он отправился в двухнедельный отпуск, предоставив заботу о новорожденной девочке Эмме, а о других детях — своей матери.

Эмма писала, что появление в их жизни Тони озлобило детей. Они сочли этот роман оскорблением для матери и часто выплескивали свой гнев на отца, что приносило Эмме некоторое утешение. Юнг и Вольф сохранили интимную связь до конца жизни. Он называл ее «второй женой» и иногда появлялся на конференциях под ручку с обеими дамами. Эмма смирилась с этим неизменным любовным треугольником. Чтобы

удобно было жить на две семьи, Юнг позаботился о жилищных условиях. С женой он проводил время в их доме в Кюснахте, а Вольф поселил в «башне», которую построил поблизости в Боллингене — это строение до сих пор принадлежит потомкам Юнга.

Впоследствии Юнг объяснял, что дело было уже не только в ненадежности женщин: все обстояло гораздо сложнее. «Тогда я как раз занимался явлением анима». Словом «анима» он называл внутреннюю сущность человека, а также женский элемент в психике мужчины. Он продолжал: «Чего вы от меня ожидали? Анима врезалась мне в голову и не отпускала». Позволю себе заметить, что анима держала его и за другое место тоже.

Юнг был непредсказуем и мог быть замечательным отцом. Иногда по воскресеньям он водил детей на пешие прогулки, и Франц с нежностью вспоминал лето 1914-го. Семейство ездило в гости к матери Эммы. Они играли в индейцев и англичан. «Отец выступал в роли командира. Он надевал широкополую шляпу канадской конной полиции и ковбойские сапоги, которые привез из поездки с Фрейдом в Америку. Он походил на шерифа. Мы строили типи и хижины, в которых можно было спать, и каждая сторона имела по лошади. Мы зажигали огонь и жгли жилища друг друга». Отдыхая с детьми, Юнг даже преодолел свой страх перед змеями и однажды убил гадюку. Юнг так объяснял свой интерес к детским играм: он рассчитывал на то, что подсознание вылечит его, а для этого требовалось вернуться в детство.

Хелена проникновенно написала о своей матери, отдав ей дань уважения: «Она разделяла интересы мужа и всегда готова была выслушать его… Ни одна тема без нее не обсуждалась. Вообще-то сама она не принимала окончательные решения, но всегда высказывала свое мнение». Эмме приходилось все время быть рядом с детьми, потому что Юнг очень часто отсутствовал.

По мере того как дети росли, Юнг предоставлял им некоторую свободу. Он позволил Францу определить свое отношение к христианству и, когда мальчик не захотел ходить в воскресную школу, не стал настаивать. Юнг желал, чтобы дети сами выбрали, какое образование им получить. Однако лишь одна из его четырех дочерей, Грета, окончила среднюю школу; она заинтересовалась одним из любимых предметов отца — астрологией.

Увлечение сверхъестественным оказало влияние и на Агату. В 1923 г. она сказала Юнгу, что чувствует присутствие мертвых тел на том месте, где была построена «башня» в Боллингене. Отец решил, что она унаследовала экстрасенсорные способности от бабушки, и начал раскопки. Он обнаружил скелет, принадлежавший, как оказалось, французскому солдату, убитому в 1799 г., когда австрийская армия взорвала мост.

В 1920-х гг. дети редко видели отца. Он много времени проводил с Вольф, а также путешествовал в Индию, на юго-запад Америки и в Кению. В каждом случае, как сказали бы сегодня, он искал свое истинное «Я». Похоже, детям в этом его «Я» не было места.

В 1924 г. он навестил вождя индейцев пуэбло Охвию Биано. Вождь пожаловался:

— Белые вечно чего-то хотят, суетятся, беспокоятся. Мы не знаем, что им надо. Мы не понимаем их. Нам кажется, они полоумные.

— Почему? — спросил Юнг.

— Они говорят, что думают головой.

Юнг удивился и поинтересовался у Биано, чем думает он.

— Мы думаем здесь, — и вождь указал на сердце.

Юнг добавлял: «То, что мы, с нашей точки зрения, зовем колонизацией, миссионерством среди язычников, распространением цивилизации и т. д., имеет и другое лицо — лицо хищной птицы, с жестокой тщательностью высматривающей добычу, лицо, достойное племени пиратов и грабителей».

— Американцы хотят растоптать нашу религию, — сказал Биано. — Почему они не могут оставить нас в покое? То, что мы делаем, мы делаем не только для себя, но и для американцев. Да, мы делаем это для всего мира… Если бы не мы, что стало бы с миром? Если мы вдруг прекратим исполнять наши ритуалы, через десять лет солнце не будет восходить.

Юнг не ставил под сомнение это замечательное утверждение. Христиане верили, что с помощью обрядов и молитв можно обращаться к Богу, писал он. «Почему же то же самое не может быть правдой в устах так называемых “дикарей”, которые ощущают свою живую связь с мирозданием?»

В 1925 г. Юнг продолжил путешествия в поисках себя и отправился в Кению, где ему понравились пейзажи, газели и пасущиеся бородавочники, «текущие, как медленные реки». Эта «безмятежность вечности» воодушевила психолога. Но один шаман, которого встретил Юнг, сетовал, что подлые британцы все это разрушали.

«В прежние времена шаман видел сны и знал, что грядет война или мор, и будет ли дождь, и куда перегнать скот». Но с тех пор, как белые люди пришли в Африку, сказал шаман, никто больше не видит снов. «Сны больше не нужны, потому что англичане все знают», — объяснял он. Могу только предполагать, что думал об этом Чарльз, принц разрушающих сны британцев, когда он и ван дер Пост в поисках смысла жизни ездили на сафари.

Знакомство с индейцами и африканцами не заставило Юнга отказаться от представления, что евреи «другие». В 1927 г. он писал: «Считать выводы еврейской психологии общезначимыми — непростительная ошибка. Никому из нас не придет в голову применять к себе китайскую или индийскую психологию. Дешевые обвинения в антисемитизме, адресованные мне из-за этой критики, разумны не более, чем нападки на меня за предубеждение против китайцев».

Дети Юнга стерпели и, вероятно, простили отношение отца к матери. Франц поступил в медицинский институт, но решил стать архитектором. Он жил в Кюснахте, стал отцом четверых детей. Грета вышла замуж за своего возлюбленного с детства, хотя ее родные некоторое время пытались помешать этому браку: в семье Юнгов было слишком много проблем, и приличные люди не желали иметь с ней дело. Марианна, четвертый ребенок, руководила изданием работ отца. Хелена, самая младшая, профессионально занималась рукоделием, а также работала над темой, о которой часто писал ее отец, — символикой икон.

Во время Второй мировой войны Юнг, совсем как Фрейд, отказался бежать в Америку. Вся его семья жила в Кюснахте и окрестностях.

30 мая 1961 г., когда семья вместе пила чай, Юнг потерял сознание. Его перенесли в спальню, но он только слабел. Его дочь Марианна приехала, чтобы помогать Рут, жене Франца. Несколько дней жизни Юнг провел в забытьи, но в последнюю ночь пришел в себя и попросил Рут принести из подвала бутылку хорошего вина. Вместе с сыном и невесткой он выпил. На следующий день рядом с ним были двое его детей. Он сел в кровати и попытался что-то сказать, но им не удалось понять его. Чтобы он мог попить, они дали ему кусок фланели, смоченный в отваре ромашки.

Вдруг Франц сказал: «Не надо, Рут, слишком поздно».

В ту ночь была гроза, и в день похорон тоже. В прощальной речи дочь Юнга сказала: «Это ропщет отец».

Кюснахт унаследовал Франц, а затем его сын. Иногда посетителей впускают осмотреть дом, который поклонники Юнга почитают как храм.

После смерти Юнга члены его семьи спорили из-за того, что включать в «Воспоминания, сновидения, размышления» (ученый хотел, чтобы автобиографию опубликовали

его наследники). В этом жизнеописании его жена упоминается лишь однажды, а о детях и вовсе ничего не сказано. Семья также осудила биографию, написанную Дирдрой Бэр, как оскорбительную и пригрозила подать в суд на ее немецких издателей за вторжение в частную жизнь. Чтобы избежать дорогостоящего судебного процесса, в немецкоязычное издание добавили список из 40 претензий родственников. Это, вероятно, первая книга, в которую включена негативная рецензия на нее же.

Следующая наша героиня вызывала такую же сильную неприязнь, как и Юнг, — и у тех же самых людей. Фрейд недолюбливал ее, Анна Фрейд к ней ревновала, и даже дочь не сказала о ней ни одного доброго слова.



Мелани Кляйн и ее дочь



«Некоторые психоаналитики, кажется, полагают само собой разумеющимся, что люди, подвергавшиеся психоанализу, — лучшие родители на свете. Ничего подобного», — писала Мелитта Шмидеберг, дочь Мелани Кляйн, в 1937 г. Знаменитая мать-психоаналитик в долгу не осталась. После того как Мелитта подвергла критике ее идеи, Кляйн написала: «И есть один очевидный факт, который ни одной из нас нельзя упоминать, нельзя даже намекать на него». Затем мама, конечно, выбалтывает секрет: «И это недуг Мелитты». Ее заболевание никогда точно не называлось, но Кляйн дала понять, что состояние ее дочери далеко от нормального.

Кляйн, несомненно, была женщиной, внушавшей глубокую преданность — и глубокую ненависть. Анна Фрейд не выносила ее, и их распри отравляли работу Британского психоаналитического общества десятилетиями. Когда семья Фрейд бежала в Лондон в 1938 г., Кляйн послала приветственное письмо «мастеру». Анна сделала все, чтобы Мелани не получила ответа, не говоря уже о приглашении навестить их в Хампстеде. Этот демарш был мелочью по сравнению с поведением Мелитты. Когда в 1960 г. Кляйн умерла, ее дочь отказалась прийти на похороны и надела красные сапоги, чтобы отпраздновать это событие. У евреев — а мать и дочь Кляйн таковыми были — принято рвать на себе одежду, когда умирает родственник, потому что смерть родного человека оставляет прореху в материи вселенной.

В отличие от большинства первых психоаналитиков, Мелани Кляйн не была врачом. Она родилась в 1882 г. в Вене. Ее отец, доктор Мориц Райцес, должен был стать раввином, но утратил веру в Бога и после всяческих злоключений устроился «медицинским консультантом в мюзик-холл», если верить Юлии Кристевой и ее разудалому исследованию жизни Кляйн. Специальность Морица разные авторы называют по-разному — другой биограф утверждает, что он был посредственным стоматологом. (Может, он рвал зубы между наскучившими мюзиклами?) Неудивительно, что Кристева слегка запуталась. Кляйн не публиковала автобиографию, но оставила разрозненные заметки, которые лишь недавно сопоставили Сэйерс и Форрестер (2012). В одной из них психоаналитик объясняет, что семья нуждалась, пока они чудесным образом не выиграли в лотерею, но, кажется, даже после этого ее отец не расстался с шоу-бизнесом. Кляйн писала: «Во времена, *предшевствующие* [так! — *Прим. автора*] этой благоприятной перемене, мой отец нашел работу в одном мюзик-холле под названием Orpheum. Он должен был присутствовать на представлениях, очень скучных для него. Он хотел проводить время с семьей, но приносил жертву, потому что это занятие помогало нам материально».

Еще до выигрыша в лотерею мать решила открыть магазин, что, по мнению Кристевой, не подобало жене врача. Либуше продавала домашних животных и растения, причем среди животных были и рептилии. В одном автобиографическом этюде Кляйн говорит, что ее мать ненавидела рептилий. Как предполагает Кристева, образ матери, держащей в руках змей, может объяснить фантазии Кляйн о материнском теле, кишащем отвратительными «гадкими тварями». Понятие о «плохой груди» могло возникнуть от вида змеиных челюстей.

Когда Мелани было четыре года, в семье случилось горе: ее девятилетняя старшая сестра умерла от туберкулеза. «Помню,

я чувствовала, что теперь, когда Сидони нет, мать нуждается во мне как никогда». Трагедия стала первой в череде несчастий. Брат Кляйн Эммануил скончался от болезни сердца в возрасте слегка за двадцать. Ханна Сигал считает, что депрессии, которыми страдала девушка, стали следствием этих смертей.

Однако депрессии ничуть не мешали Мелани. Она поступила на медицинский факультет Венского университета, но незадолго до его окончания встретила друга своего брата, Артура Штефана Кляйна. Он очаровал ее, и на следующий день после того, как Мелани исполнился 21 год, они поженились. Мать Кляйн Либуше считала, что ее дочь не готова к браку, так как Мелани страдала депрессией истощения, раздражительностью и была «эмоциональной калекой». Чтобы помочь молодоженам, Либуше поселилась вместе с ними, однако помощи от нее было немного.

Хотя брак Мелани оказался неудачным, она родила троих детей, которые, как писала Кляйн, принесли ей подлинное счастье. Мелитта родилась в 1904 г., Ганс — в 1907-м, Эрих — в 1914-м. Либуше не способствовала семейному благополучию дочери, поскольку «пыталась создать ситуации, чтобы муж и жена мало видели друг друга, да еще как можно реже». Артур стал страдать от «нервов» и проблем с желудком.

В автобиографических записках Кляйн рисует куда более привлекательный портрет матери: «Мои отношения с матерью были для меня надежной опорой в жизни. Я очень ее любила, восхищалась ее красотой, умом, страстной тягой к знаниям — бесспорно, с долей зависти, которую испытывает каждая дочь».

Муж Кляйн был инженером, и когда в 1910 г. он поехал работать в Будапешт, то повез семью с собой. В Венгрии случился перелом: там Кляйн встретила одного из ближайших соратников Фрейда Шандора Ференци. Вскоре он взялся лечить ее психоанализом и пригласил к себе в ученицы. Кляйн жадно читала работы Фрейда.

Изучение психоанализа подтолкнуло Кляйн к тому, чтобы попробовать силы в литературе. Она сочинила около 30 стихотворений и четыре рассказа. Некоторые считают, что Артур со своими слабыми нервами и больным желудком был скучным любовником, поскольку ее произведения выражают страстное желание сексуального удовлетворения. После Первой мировой войны Кляйн подружилась с Кларой Ваго, и, согласно Кристевой, у них были «отношения». Кляйн посвятила Кларе проникновенное стихотворение. Три ребенка Мелани росли в окружении погрязших в разочарованиях родственников — властной бабушки, неудовлетворенной матери и невротичного отца, страдавшего несварением желудка. Фрустрация и зависть станут главными темами работ Кляйн.

Один из парадоксов психоанализа в том, что он признает важнейшее значение детства в формировании неврозов, но маленький ребенок не может лечь на кушетку и обсуждать свои сны и свободные ассоциации. Анна Фрейд позже писала, что, по ее мнению, дети до семилетнего возраста не поддаются лечению напрямую, поскольку они слишком малы, чтобы справиться с процедурой психоанализа. Кляйн, однако, была матерью и ежедневно общалась с детьми. Она считала, что не нужно пытаться разговаривать с детьми, чтобы изучить их подсознание, — все тревоги и конфликты детей проявляются в их играх.

Кляйн разработала свой подход к психоанализу. У детей «самый легкий путь к подсознанию» лежит через игрушки, игры, возню в песочнице. Психоаналитик может лечить ребенка с помощью бумаги, цветных карандашей, бечевки, шара и стаканчиков в комнате, где есть хотя бы раковина с кранами. Чтобы дать волю детскому воображению, эти предметы должны быть почти бесформенными. Пожарные машины и игрушечные поезда — это слишком очевидно. Так же, как играющий родитель, психоаналитик может исполнять разные

роли — чудища, слона, жужжащей пчелы. Естественно, Кляйн использовала своих детей как «подопытных кроликов», проверяла на них свои идеи и развивала собственный метод.

В 1920 г. Кляйн познакомилась с другим единомышленником Фрейда, Карлом Абрахамом, и они произвели друг на друга огромное впечатление. Он поощрял работу Мелани, и это побудило ее переехать в Берлин. В 1922 г. она выступила со своим первым докладом — «Развитие одного ребенка» — перед Берлинским психоаналитическим обществом. Фрейд присутствовал на этом заседании, хотя и не известно, слушал ли он ее. Если бы услышал, был бы недоволен. Кляйн имела дерзость оспорить установленное им время проявления эдипова комплекса: Фрейд относил его к более позднему периоду. Также Фрейд заявлял, что взрослые переносят свои чувства и фантазии относительно родителей на психоаналитика. Пациент любит аналитика, так же как он любил отца и мать, но, с точки зрения Кляйн, чувства ребенка более противоречивы, поскольку он одновременно и любит, и ненавидит родителей.

В 1925 г. наставник Кляйн Абрахам умер. Она писала: это «стало для меня настоящей бедой, и я очень болезненно переживала утрату». Через год Эрнст Джонс пригласил ее читать лекции в Англии. Он и не представлял, какие бурные события повлечет за собой это предложение. Кляйн прочитала шесть лекций, которые легли в основу ее первой книги «Детский психоанализ». Большое количество материала она получила, проводя сеансы с двумя своими детьми.

Кляйн хотела понять, как человеческое существо развивается от стремления к простейшим удовольствиям, характерного для младенчества, и что может пойти неправильно и привести к неврозам. Дети рождаются слабыми, беспомощными и растерянными. Кристева замечает, что дни и ночи новорожденного в описании Кляйн «похожи на ужасы картин Иеронима

Босха». Дитя не понимает, что люди вокруг него, в сущности, *люди*, и на первых порах мать — даже не собственно мать для него, а лишь пара грудей, которые непредсказуемо появляются и исчезают. Ребенок испытывает сильное страдание (голод), а затем, по непонятным ему причинам, — столь же сильное удовольствие. Когда ему дают грудь, полную молока, он спокоен и счастлив, но когда он голоден, а грудь ему не дают, он паникует. Страх от отсутствия источника молока делает младенца злопамятным. Это суматошное беспомощное существо вырабатывает элементарные защитные механизмы против такого нестерпимого беспокойства. Ребенок «делит» мать на «хорошую грудь» и «плохую грудь». «Плохую грудь» он жгуче ненавидит, хочет кусать ее и причинять ей боль. Слово «кусать», по предположению Кристевой, могло быть подсказано воспоминаниями Кляйн о матери, торговавшей змеями. «Хорошую грудь» младенец, наоборот, сосет, лижет, любит.

К сожалению, мы не знаем, было ли у Кляйн достаточно молока, чтобы вскармливать детей, или она нанимала кормилиц.

Примерно в шесть месяцев от роду ребенок достигает этапа развития, который Кляйн называет «депрессивной позицией» — он начинает объединять разрозненные впечатления о родителях, и в нем формируется более целостное самоощущение. Целостность тем не менее не означает счастья. «Депрессивная позиция» — это момент прозрения и уныния, когда растущий малыш неосознанно принимает идею о том, что действительность более сложна и что мать не обязательно виновна во всех неприятностях. Почти ничто не является безупречным или абсолютно злым, вещи представляют собой непостижимое сочетание плохого и хорошего. Теория Кляйн подчеркивает, что мы склонны сводить личности людей к тому, что они могут сделать для нас (покормить молоком, дать денег, угодить), забывая о том, что они представляют сами по себе.



Кляйн как мать критиковала Фрейда. У дочери Фрейда Анны, верной отцу, не было детей. Война «между дамами», как называла их Кристева, была неизбежной, тем более что обе были ревнивы. Дети не способны к свободным ассоциациям и не поддаются психоанализу, постановила Анна Фрейд, их можно только учить. В своем выступлении в Берлинском психоаналитическом обществе в 1927 г. она сказала, что подвергать нормальных детей психоанализу опасно. Кляйн, напротив, считала, что психоанализ должен быть частью обучения каждого ребенка. Уже в 1927 г. появились доказательства в пользу теории Кляйн: игровая методика давала хороший результат в плане проникновения во внутренний мир малышей еще до того, как они начнут говорить.

Кристева писала: «Некоторые дети так и не достигают этапа депрессивной позиции и застревают в состоянии примитивного расщепления, которое Кляйн определила как “параноидно-шизоидную позицию”. Эти несчастные индивиды не в состоянии выносить малейшую двойственность: они могут либо любить, либо ненавидеть. Они ищут козлов отпущения или склонны к идеализации. Они безумно влюбляются и потом, когда предмет любви неминуемо разочаровывает их, любовь превращается в ненависть».

Взаимоотношения Кляйн с дочерью — почти идеальная иллюстрация этой картины.

Среди прочего в автобиографических записках Кляйн поражает то, как мало она говорит о детях. Мелитта окончила Берлинский университет, написав дипломную работу об истории гомеопатии в Венгрии. Хотя материально она зависела от матери, исследование она посвятила отцу. Это было признаком разлада, наметившегося между «дамами». А дальше стало еще хуже.

В 1927 г. 20-летний сын Кляйн Ганс погиб в результате несчастного случая в горах. Его сестра Мелитта подозревала,

что он покончил с собой, и винила в этом мать. Для Кляйн, которая в детстве чувствовала, что ее винили в смерти сестры, это стало тяжелым ударом.

Корни вражды между Кляйн и ее дочерью исследуются в пьесе Николаса Райта «Миссис Кляйн» (Mrs Klein). Когда умирает Ганс, Мелитта убеждена в том, что это самоубийство, и возлагает ответственность на свою назойливую мать. «Ганс умер, потому что не мог заставить себя ненавидеть тебя, — бросает ей упреки дочь и мстительно продолжает: — А я могу. Я тебя ненавижу». Мать остается безучастной, хладнокровие важно для нее: как еще сможет она убедиться, что ее дети — несовершенные существа, какими они на самом деле являются? Также Кляйн должна посмотреть невыносимой правде в лицо: она не имеет отношения к смерти сына. Райт изображает ее еврейской дивой с самомнением размером с Эверест. Падение Ганса не было следствием детских травм или выражением скрытой враждебности, он просто упал. Фрейд как-то сказал: «Иногда сигара — просто сигара».

В 1927 г. Кляйн развелась с Артуром и переехала в Англию вместе с 13-летним сыном Эрихом, а также с Мелиттой и ее мужем доктором Вальтером Шмидебергом, начинающими практикующими психоаналитиками. (В 1914 г. Вальтера, несмотря на еврейское происхождение, приняли в кавалерию — это было неким достижением во времена, когда многие кавалерийские офицеры гордились тем, что среди них нет евреев.)

В 1929 г. Мелитта поехала на несколько месяцев в Вену учиться у Анны Фрейд. Путешествие не увенчалось успехом, поскольку Мелитта написала весьма резкую статью об идеях Анны, но это был последний раз, когда Мелитта опубликовала работу, в которой выступала как единомышленница матери. Вернувшись в Лондон, она продолжила заниматься психоанализом, на этот раз с Эдвардом Гловером. Видимо, он поддерживал ее, чтобы упрочить ее независимость

от родительницы. Мелитта написала маме: «Ты не принимаешь всерьез тот факт, что я очень отличаюсь от тебя. Вряд ли жизнь взрослой женщины должна строиться вокруг отношений с матерью, какими бы хорошими они ни были». Ее отношения с Мелани «до недавнего времени представляли собой невротическую зависимость».

Война между матерью и дочерью приобрела публичный характер, когда Мелитту избрали в Британский институт психоанализа. В статье «Игровой анализ трехлетней девочки» Мелитта говорила, что проблемы с пищеварением у ее пациентки Вивиан объясняются не системными расстройствами, как утверждала бы теория Кляйн, но тем, что девочку чересчур усердно приучают к горшку. Гловер раззадоривал эту вражду. В первом томе «Психоаналитического изучения ребенка» (The Psychoanalytic Study of the Child) он описал учение Кляйн как «биорелигиозную систему, которая опирается на веру, а не на науку… вариант догмата о первородном грехе». Работа Шмидеберг получила награду «Клиническое эссе», присуждаемую Британским психоаналитическим обществом, что, разумеется, обострило распри.

Мелитту не требовалось настраивать против матери. Однажды она прервала лекцию, которую читала Кляйн, криком: «А где в твоей работе отец?» Затем она обвинила Мелани в плагиате. Британское общество посчитало нужным собрать рабочую группу, чтобы выяснить правду, но в конце концов обнаружилось, что никакого плагиата не было. Кляйн только и ждала обвинений. Она парировала, что причина агрессивного поведения дочери не просто теоретические разногласия. «Есть один очевидный факт, который ни одной из нас нельзя упоминать, нельзя даже намекать на него». И это — «недуг Мелитты». От подробностей она воздержалась.

Однако мать и дочь не понимали правил британского общества. Нельзя просто обвинить мать в воровстве чужих идей

и уж тем более — свою собственную плоть и кровь в сумасшествии. Английский переводчик Фрейда Джеймс Стрейчи иронично высказался в том смысле, что психоанализ — «это охотничьи угодья семьи Фрейд». Взгляды Кляйн подрывали основы. Его письмо заканчивалось очень английским «проклятые иностранцы», поскольку многие психоаналитики действительно были иноплеменниками. Стрейчи характеризовал боевые позиции «дам» следующим образом: «Одна из них бросила другой такие обвинения: "Твои воззрения столь ущербны, что ты не обладаешь достаточной компетенцией, чтобы провести учебный анализ или, если уж на то пошло, любой другой анализ"».

Кляйнианцы и фрейдисты как тогда, так и сейчас фанатично преданы своим кумирам. Первые утверждают, что Мелани — гораздо более незаурядный мыслитель и ей пришлось завоевывать себе имя, не будучи дочерью основоположника психоанализа. Но ведь и Анне Фрейд поначалу отказали в публикации работы о детском психоанализе. Правда, когда книга наконец вышла, положительно о ней отозвались лишь люди из близкого окружения Фрейда. Анна была папина дочка.

В 1932 г. Кляйн опубликовала работу «Детский психоанализ». Ее сторонники с гордостью говорили, что это самая оригинальная книга издательства Hogarth Press, принадлежавшего Вирджинии Вульф и ее мужу Леонарду.

Когда в 1938 г. Фрейд и Анна бежали из Вены в Лондон, конфликт обострился. Мелани послала Фрейду приветственное письмо, но в гости ее не пригласили. А вот ее дочь получила не только приглашение, но и подарок от Фрейда. Однако Анна обнаружила, что Мелитта «асоциальная личность, и сотрудничать с ней не получится».

В 1979 г. я снимал фильм о депрессии и взял интервью у Мелитты. Она жила в доме, набитом антиквариатом, и с удовольствием вспоминала о Фрейде, который был особенно благодарен ее мужу Вальтеру за то, что тот снабжал его во время

Первой мировой войны сигарами — основатель психоанализа считал, что ему лучше всего думается, когда он курит. Мелитта рассказала мне: за 40 лет она пришла к выводу, что лучший метод лечения — выслушивать, как пациенты описывают свои проблемы, и, когда возможно, кормить их полезным для здоровья супом. Слишком много теории, будь она фрейдистского, юнгианского, кляйнианского, райхианского или любого другого толка, не помогает ни пациенту, ни врачу. Тогда я мало знал о разрыве Шмидеберг с матерью, поэтому ничего об этом не спросил. Не знал я и о том, что в автобиографических заметках Кляйн нет ни единого слова о ее вражде с дочерью. По мне, Мелитта источала мудрость пожилой женщины, которая много повидала, но улыбалась, как юная счастливая девушка, когда показывала мне серебряную ложку, полученную в подарок от Фрейда.

Учитывая описанные обстоятельства, представляется целесообразным обратиться к классической работе Шмидеберг «После психоанализа», чтобы хотя бы частично выяснить причины ее плохих отношений с матерью. Этот доклад она прочитала в Британском психоаналитическом обществе 17 марта 1937 г., а в 1938-м его напечатали в журнале *The Psychoanalytic Quarterly*. Автор начинает с превосходного обобщения:

«Большинство пациентов приходят к психоаналитику, так же как и за любым другим видом лечения, с конкретной целью — избавиться от определенных симптомов». Шмидеберг делит пациентов на тех, у кого есть «в целом разумное представление о том, чего они ждут от сеансов», и тех, «для кого психоанализ стал новой религией» и кто «никогда не будет удовлетворен только облегчением симптомов или любым другим простым ощутимым результатом». Такой оторванный от действительности пациент «полагает, что, если его “целиком проанализируют”, у него в жизни больше никогда не возникнет трудностей или разочарований и ни при каких обстоятельствах он не испытает

чувство вины или беспокойства; что у него появится недюжинный ум и художественный талант, возможно, он даже окажется гением, будет блаженно счастлив, гармоничен, нечеловечески объективен и абсолютно свободен от малейших невротических проявлений, перепадов настроения и дурных привычек».

Психоанализ не панацея, утверждает Шмидеберг. Глупо считать, что общество, каждый член которого подвергнется психоанализу, уподобится раю, где не будет ни преступлений, ни ненависти, ни неврозов. Она добавляет: «Конечно, если как следует надавить на столь ревностного поборника психоанализа, в конце концов он вынужден будет признать, что еще никогда не сталкивался с таким чудом совершенства, как “полностью проанализированный человек”». Подобные фантазии о совершенстве, по сути, «подобие детских грез о том, каково это — быть взрослым». В этих фантазиях ребенок видит взрослых как невыразимо безупречных людей: они «все делают правильно, не имеют дурных привычек, не совершают ошибок… не испытывают тревоги, не сталкиваются ни с какими трудностями и, разумеется, невероятно умны». Этот фрагмент заставляет задуматься, действительно ли мать внушила ей, будто взрослые в самом деле совершенны.

У детей есть утешение: они представляют, что вырастут и сами станут беззаботными взрослыми. Шмидеберг продолжает: «Для некоторых пациентов психоанализ — спасение от жизни, возвращение в детство. Такие пациенты живут почти без преувеличения только с помощью и ради анализа; они хотят оставаться детьми и откладывать любые действия или принятие решений до тех пор, пока ситуация не будет “полностью проанализирована”». И далее: «“Постоянно недовольный” пациент на самом деле требует компенсации за все свои прошлые и нынешние страдания».

Такая требовательность, предполагает исследовательница, «в основном является защитой против вины, которую он

испытывает из-за того, что облегчение не наступает». Опять же есть соблазн воспринимать доводы Шмидеберг как очень личные, поскольку она проходила курс психоанализа у своей матери. Пациент «чувствует, что психоаналитик требует стандартов здоровья, которым он может соответствовать так же мало, как моральным стандартам, установленным его родителями. Это одна из причин, почему необходимо оберегать пациента от завышенных ожиданий в отношении результатов лечения».

Так же как и Фрейд, Шмидеберг осознавала свою принадлежность к евреям. В Судный день, Йом-Киппур, евреи искупают вину. «Психоанализ считают искуплением», — писала Мелитта, и его следует рассматривать «как процесс очищения, как религиозный обряд; преуспевать в психоанализе — значит выполнять долг, повиноваться родителям, учить уроки, произносить молитвы. Поправиться, выздороветь — значит стать хорошим».

Психоаналитики потворствуют этим иллюзиям о полном излечении, когда цепляются за каждую деталь «аналитического церемониала» (выражение Шмидеберг) и считают это единственно правильным методом терапии. Одна из ее пациенток особенно жаждала избавиться от невротических симптомов или органических заболеваний и изо всех сил пыталась не поддаваться слабостям. Дать слабину — это по-ребячески или по-женски, а ее братья такое презирают. Иных подробностей об этой пациентке Шмидеберг не сообщает. В другом месте Шмидеберг, возможно, обращается к своему опыту или к той своей личности, какой она стала после разрыва отношений с матерью.

«При совершенно черствой матери единственным ее утешением во время долгих детских болезней было внимание, которое уделял ей отец. В сочетании с пренебрежением матери положение слишком приблизилось к предосудительной

эдиповой ситуации, чтобы повторение этих обстоятельств в дальнейшем могло радовать ее. Состояние болезни или невротичности также напоминало ей очень несчастного отца». Не забудем, что свою дипломную работу о гомеопатии Мелитта посвятила отцу.

Шмидеберг приводит еще один важный довод. «Фантастические надежды, которые пациенты связывают с психотерапией, подогреваются тем фактом, что сами психоаналитики не всегда имеют четкое представление о возможных плодах лечения». Зачастую они не хотят «описывать по сути несовершенные результаты, достигнутые в очень несовершенных обстоятельствах реальной жизни». Мелитта не стесняется в выражениях. «Иногда возникает впечатление, что это ниже достоинства психоаналитика — интересоваться вопросами, касающимися успеха, что это дурной тон — говорить о хороших результатах или, опять же, что сомнение — признание неудачи. Грош цена статистическим данным, которые опубликованы клиниками психоанализа, поскольку они не объясняют, что подразумевается под "излечением" и не приводят подробностей заболеваний».

Шмидеберг надеялась увидеть исследования, проведенные через несколько лет после окончания психоанализа, которые позволят «выяснить, обнаруживают ли те, кого объявили "исцелившимися", какие-либо невротические реакции, и посмотреть, многие ли могут считаться навсегда "излечившимися", или "стабильными", если применять более точный термин, и на основании каких факторов были сделаны благоприятные прогнозы». Она продолжала: «Полагаю, что у ряда пациентов через определенное время достигается оптимальный результат, который невозможно существенно улучшить, как бы долго вы ни проводили лечение, по крайней мере у того же аналитика. Мне представляется, что в терапии очень важно знать, когда надо остановиться». Но иным психоаналитикам сложно подвести черту.

«Я слышала о психоаналитиках, — предупреждает Мелитта, — которые запугивают пациента, заставляя его продолжать сеансы, угрожают страшными последствиями в случае, если он прервет лечение: якобы состояние может ухудшиться, он сойдет с ума, совершит самоубийство, — и иногда используют в придачу прямое или опосредованное внешнее давление. Думаю, пагубный итог подобной процедуры трудно переоценить».

Показательно, что Шмидеберг часто сравнивает пациента с ребенком. Как-никак, она была пациенткой своей матери. «Опасность нашего нового подхода, когда мы пытаемся заставить пациента продолжать сеансы как можно дольше, в том, что мы ведем себя как деспотичные родители, которые внушают ребенку страх перед жизнью, потому что не хотят, чтобы тот вырастал и улетал из гнезда. Кое-кто заявляет, будто подобное нежелательное поведение психоаналитика не имеет большого значения до тех пор, пока возникающие у пациента фантазии “всесторонне анализируются”. Я не разделяю этого мнения. Длительный психоанализ (лечение, затянувшееся на шесть, восемь, даже десять лет, больше не является чем-то необычным) угрожает прежде всего тем, что он способен оторвать пациента от реальности». В знаменитой статье о конечном и бесконечном анализе Фрейд рассматривал некоторые из этих проблем.

Похоже, иногда пациенты даже считают, будто краткосрочный анализ говорит о неудаче. Эдвард Гловер рассказывал Шмидеберг об одном пациенте, который испытывал беспокойство, поскольку его курс психоанализа «был значительно короче, чем у его друзей, и во сне он отождествлял “короткий анализ” с маленьким пенисом».

У психоаналитиков есть очень удобное оправдание, поскольку «не существует людей без неосознанной параноидной тревоги или болезненной въедливости. Нужно сохранять адекватный подход в том, что касается ожидаемых практических

результатов». И снова она сравнивает психоаналитика с родителем. «Весьма естественно, если аналитики чувствуют удовлетворение, когда пациенты так или иначе преуспевают, совсем как родители довольны, когда дети осуществляют все, что им самим когда-то хотелось сделать».

Затем Шмидеберг снова обращается к вопросу о родителях. «Некоторые психоаналитики, кажется, полагают само собой разумеющимся, что люди, подвергавшиеся психоанализу, — лучшие родители на свете. Ничего подобного, — говорит она. — Мы вправе лишь ожидать, что человек, прошедший успешный анализ, сможет выстроить более гармоничные отношения с ребенком, чем до лечения. Но и этот улучшенный подход будет не обязательно лучше и на самом деле часто бывает хуже, чем у того, кто является хорошим родителем от природы».

Психоанализ, утверждает Шмидеберг, «устраняет не любое проявление, которое можно расценить как “симптом”, а только те, которые плохо сказываются на жизни пациента». В результате эффективного психоанализа «пациент может остаться гомосексуалистом или многоженцем, продолжать грызть ногти или мастурбировать, хотя обычно в меру, но не будет чувствовать из-за этого вины». И далее: «Я считаю, что для большинства людей более нормальным является наличие небольших странностей, тревог, незначительных невротических симптомов или дурных привычек, чем их полное отсутствие, при условии что человек в состоянии без труда мириться с ними».

Психоаналитики способствуют тому, что пациенты приобретают зависимость от сеансов. Шмидеберг приводит красноречивый пример: «Одна пациентка пришла ко мне примерно через год после того, как прошла курс психоанализа. Она сказала, что ни на что не жалуется и все ее симптомы исчезли, но выразила желание продлить сеансы еще на несколько месяцев. Я поинтересовалась, зачем возобновлять лечение, если

она чувствует себя хорошо, и она ответила: быть здоровой так утомительно».

Психоаналитикам не следует ожидать слишком многого. «Собственнический подход у аналитика еще хуже, чем у родителей. Я очень довольна, что у многих пациентов, которых я успешно лечила, убеждения, связанные с политикой, религией, общественной жизнью и искусством, после анализа так же существенно отличались от моих, как до него».

Но аналитик — и опять мне хочется думать, что Шмидеберг имеет в виду свою мать, — часто обладает завышенным самомнением. Она продолжает: «Мы должны восхищаться чувством меры, позволившим Фрейду осознать ограничения психоанализа, почти так же, как восхищаемся его творческим даром, благодаря которому он создал этот метод».

Заканчивает Шмидеберг приятной историей. «Моя пациентка сказала кому-то на вечеринке, что ходит к психоаналитику. Собеседница посмотрела на нее с большим изумлением и сказала, что ушам своим не верит, потому что женщина вела себя свободно, раскованно и естественно, совсем как обычный человек, и не похожа была на “клиентов психоаналитика”, известных ее знакомой. Я полагаю, что стать “таким, как все” — лучший результат, которого можно ожидать от психоанализа».

Одно замечание выдает ее скептицизм. «Если аналитик работает с одними и теми же пациентами (а их обычно немного) на протяжении многих лет, есть даже опасность, что он может потерять связь с действительностью».

Кляйн и дальше восхищала своих поклонников и вызывала ненависть у фрейдистов. Мелитта в 1945 г. уехала в Америку, где работала с малолетними преступниками, а затем вернулась в Британию. В середине 1950-х она и Вальтер отправились в Швейцарию, где к ним присоединилась Паула Хайманн, близкая знакомая, а возможно, и одна из любовниц ее матери. Кляйн рассказывала Ханне Сигал, что из зловредности в 1955 г.

выставила Хайманн из Фонда Мелани Кляйн. Видимо, Мелитта, Вальтер и Паула, так же как Юнг, Эмма и Тони Вольф, жили в шведском браке.

Кляйн писала о зависти и сама была завистливой. Кристева заявляет, что та завидовала своей матери, Анне Фрейд, Мари Бонапарт и Хелен Дойч, еще одной женщине из первых психоаналитиков. «Я думаю, моя работа войдет в историю, — сказала Кляйн другу Тому Мэйну, когда однажды вечером он провожал ее домой. — Я добилась большего, чем Хелен Дойч, не так ли?» Художник Феликс Топольски нарисовал ее портрет, на котором, по словам Кристевой, Мелани «выглядит как сытый стервятник». Судя по всему, ее дочь видела ее именно так.

Но мать все же завещала Мелитте некоторые ценные вещи. «Мой эластичный золотой браслет, который подарила мне ее бабушка с отцовской стороны; кольцо с бриллиантом, подаренное мне моим покойным супругом; мое золотое ожерелье с гранатами и брошь, что идет в комплекте с названным ожерельем — оба предмета я получила на свой 75-летний день рождения; и больше у меня нет наследства для этой дочери, потому что она живет в достатке и с помощью своей профессии может обеспечить себя сама». Это были самые нежные слова, которые Кляйн сказала о своей «больной» дочери за 25 лет.



Жан Пиаже

Его мать и психоанализ



— Неужели у вас никогда не было искушения пройти курс психоанализа? — спросил журналист Жан-Клод Брангье у Жана Пиаже в 1975 г.

— Но я подвергался психоанализу, — ответил Пиаже, которому оставался год до 80-летия. — Ради бога, когда вы о чем-то говорите, неплохо бы знать материал.

В своей местами раздражающе беспристрастной «Автобиографии» Пиаже пишет, что он легко мог бы стать естествоиспытателем и потратить жизнь на изучение моллюсков, если бы не его подростковый кризис, случившийся «как следствие семейных обстоятельств и любознательности, присущей этому плодотворному возрасту». Подросток, столкнувшийся с болезненными конфликтами, заинтересовался психоанализом.

Пиаже стал самым крупным детским психологом XX в. Тем не менее миновало 37 лет после его смерти, а до сих пор не вышло ни одной его биографии. У Пиаже были очень верные последователи, и никто не взялся рассказать о его жизни, возможно, потому, что он этого не хотел. Любое жизнеописание раскрыло бы тот факт, что он проходил психоанализ у Сабины Шпильрейн, любовницы Юнга.

Ева Шепелер (1993) попыталась воссоздать некоторые обстоятельства сеансов Пиаже. Он сказал Брангье, что это был «учебный психоанализ. Каждое утро в восемь часов на протяжении восьми месяцев… Было чудесно обнаружить все

свои комплексы». Пиаже добавлял, что сеансы прекратились по желанию Шпильрейн, потому что они разошлись в теоретических вопросах. «Я не видел необходимости в толковании, которое она пыталась навязать», — сказал он. Тем не менее через два года Пиаже написал короткое письмо в местную газету, *Journal de Genève*, где, к полнейшему удовольствию своего психоаналитика, сообщил, что завершил курс психоанализа. «Как говорили в те времена, я стал “внуком” Фрейда». Психоанализ часто занимает годы, но Пиаже понадобилось всего восемь месяцев, чтобы получить желаемый результат. Не известно, сыграла ли тут роль психическая эффективность или самонадеянность.

Фрейд, возможно, не обрадовался появлению женевского «внука» и написал Шпильрейн: «Люди в Женеве все до одного дилетанты, которым ты должен постепенно передавать свои навыки психоанализа. Вдобавок ко всему они никогда не слушают советов».

В книге, которая дает представление о его лучших отцовских качествах, «Игра, сновидения и подражание в детском возрасте» (Play, Dreams and Imitation in Childhood), Пиаже упоминает свой психоанализ один раз, но завуалированно: «Удивительно, как много зрительных образов всплывает вместе с детскими воспоминаниями». Ранние годы специалиста по детству были нелегкими.

Отец Пиаже Артур изучал Средневековье и преподавал в Невшательской академии. Мать, Ребекка, происходила из семьи богатых парижских промышленников, но стала социалисткой, а также истовой кальвинисткой. Пиаже не скрывал причину конфликта между родителями: «Моя мать была очень умной, энергичной, с добрым сердцем, но ее несколько невротичный темперамент чрезвычайно осложнял нашу семейную жизнь». Поразительное сходство с Эмилией Юнг и матерью Мелани Кляйн Либуше. Из-за беспокойного нрава матери Жан,

по его собственному признанию, играл меньше, чем другие дети, и сосредотачивался на работе, «чтобы подражать отцу, но и для того, чтобы найти убежище в мире одновременно обособленном и невыдуманном». Пиаже писал, что его отец «обладал педантичным и критическим складом ума. Он не любил поверхностных обобщений. Среди многих других вещей он научил меня ценности систематической работы, даже когда речь идет о мелочах».

В восемь лет Пиаже собирал каталоги настоящих автомобилей и не думал «ни о чем другом, кроме заводов и машин… Я всегда ненавидел любой вид бегства от реальности — это качество проистекало из эмоциональной неуравновешенности моей матери».

Когда Пиаже исполнилось 15 лет, мать настояла, чтобы он посещал занятия по Закону Божьему. Его отец не разделял веру жены, и потому сын, хотя и подчинился матери, воспринял курс критически. Но попытки понять, почему мать была столь сложным человеком и как это отразилось на семье, привели к тому, что «когда я начал изучать психологию, я сосредоточил свой интерес на психоанализе и патологической психологии».

Ева Шепелер также нашла текст лекции, которую Пиаже читал в Обществе Альфреда Бине. (Бине разработал один из первых тестов умственного развития для детей.) В ней Пиаже рассказывает об анонимном 22-летнем пациенте — психологу и самому в то время было 22 года, — который в своих снах мечется по городу в поисках комнаты после «тайных конфликтов с матерью». Мать этого пациента, совсем как Ребекка, пыталась насильно привести сына к религии, в то время как тому, совсем как Пиаже, нужно было «развиваться в собственном направлении» и самостоятельно вставать на ноги. Шепелер утверждает, что у сна был также сексуальный подтекст, предположительно связанный с эдиповым комплексом, но она не приводит подробностей.

Примерно через три года после выступления в Обществе Бине Пиаже попытался совершить нечто такое, чего, кажется, еще не делал ни один психоаналитик. По свидетельству его сестры Марты Пиаже-Бургер, которая позже сама стала психоаналитиком, где-то между 1925 и 1929 гг. Жан подвергал мать психоанализу. Разница между этим экстравагантным поступком и работой Фрейда и Кляйн со своими детьми — в смене ролей. Пиаже мог изображать из себя психоаналитика, но мать все же имела над ним власть. Она прервала курс, поскольку ей не понравилось, как сын толкует ее сны. Может, Пиаже предположил, что у мамы были фантазии о кровосмешении или что она хотела убить своего скучного супруга? Мы никогда не узнаем. Но мы знаем, что, как сказала сестра Пиаже, «Il aurait vivement ressenti cet echec» — что означает: Пиаже тяжело переживал бы эту неудачу. Из всех своих сестер в автобиографии он упомянул только Марту.

Пиаже был талантливым ребенком. В десять лет он увидел в парке воробья-альбиноса и послал короткую заметку об этом в *Rameau de Sapin* — невшательский журнал, посвященный вопросам естествознания. Его работу приняли, и «мне дали старт», писал Пиаже с некоторой иронией. После того как заметку опубликовали, он обратился к Полю Годе, директору Музея естественной истории, объяснил, что учится в школе, и попросил разрешения изучать музейную коллекцию в нерабочее время. Годе согласился и пригласил мальчика сопровождать его в экспедиции по сбору моллюсков. «Эти исследования, хотя и преждевременные, были очень полезны для моего становления как ученого», — говорил Пиаже. Он считал, что наблюдения за моллюсками оградили его от соблазна заняться философией.

Когда Пиаже исполнилось 16, его крестный отец, писатель Самюэль Корну, познакомил его с работами Анри Бергсона. Бергсон, которого многие считали величайшим философом,

разочаровал Пиаже: «У меня осталось впечатление затейливой поделки», — он мог бы сказать «подделки», — в которой больше шелухи, чем чего-то стоящего. Сегодня Бергсон известен в основном благодаря своим теориям комического (когда люди ведут себя как машины, они становятся смешными) и витализма. Согласно теории витализма, живые организмы в корне отличаются от неживых, потому что обладают неким нематериальным элементом, загадочной силой жизни. Пиаже это не убедило. «Думаю, именно тогда я ощутил в себе потребность, которую могла удовлетворить только психология», — говорил он.

В 16 лет он получил предложение работать в Женеве специалистом по изучению моллюсков. Пиаже очень вежливо ответил, что с восторгом бы принял предложение, но ему еще надо три года учиться в школе. Тем не менее он согласился редактировать каталог моллюсков Швейцарии, который в итоге содержал более чем 300 страниц.

Окончив школу, Пиаже два года учился в Париже, где приобрел навыки опроса психиатрических пациентов. В 1919 г. он переехал в Цюрих, чтобы посещать лекции Юнга по экспериментальной психологии. Затем он снова отправился в Париж — учиться в Сорбонне у Теодора Симона в лаборатории детской психологии Альфреда Бине. Пиаже заметил, что ошибки, которые дети делают в тестах умственного развития, имеют некоторую систему. Наблюдение за тем, как развивается детский мозг, могло бы дать любопытные сведения, решил он. Никто прежде планомерно этим не занимался, справедливо замечал Пиаже. Если только Дарвин, но он изучал лишь одного своего ребенка.

За много лет до того, как самому стать родителем, Пиаже научился общаться с детьми в возрасте от года до трех лет. Из Парижа Пиаже вернулся сначала в Университет Невшателя, а затем, в 1925 г., в Институт Жан-Жака Руссо. Он стал наблюдать за играми детей и беседовать с ними таким же образом, как психиатры разговаривают с пациентами, когда хотят

понять их мысли и бредовые идеи. Но было ключевое отличие. В одном из экспериментов Пиаже спрашивал детей: «Откуда берется ветер?» Дети отвечали вполне осмысленно, но не так, как ответили бы взрослые. То, что является нормальным для ребенка, не годится для взрослого. Показателен следующий диалог.

Пиаже: Откуда берется ветер?
Юлия (*5 лет*): Его делают деревья.
Пиаже: Откуда ты знаешь?
Юлия: Видела, как они машут руками.
Пиаже: И как получается ветер?
Юлия: Вот так. (*Машет рукой перед лицом Пиаже.*). Только они большие. И их много.
Пиаже: А откуда ветер в океане?
Юлия: Он дует с земли. Нет, его делают волны.

Сказать, что эти ответы верные или неверные, — значит упустить суть. Предположения Юлии умные и связные. «Дети хорошо понимают только то, до чего додумались сами, и каждый раз, когда мы пытаемся слишком быстро научить их чему-то, мы мешаем им самим это открыть», — писал Пиаже.

В 1923 г. Пиаже женился на своей лучшей студентке Валентине Шатене. В 1925 г. у них родилась дочь Жаклин, в 1927 г. — Люсьена, в 1931 г. — сын Лоран. Они стали предметом исследования с самого момента рождения. В то время Пиаже проводил сеансы психоанализа со своей матерью. У него была работа в институте и мать на кушетке; неудивительно, что большинство наблюдений за его детьми вела жена.

Первая книга Пиаже «Речь и мышление ребенка» прославила его, хотя ему было всего 27 лет. Между Дарвином и Пиаже есть принципиальная разница. Наблюдения Дарвина то и дело перебиваются отступлениями о том, как прекрасны его дети.

Пиаже никогда не выражал чувств по поводу своих чад. Есть искушение предположить, что это происходило из-за его эмоциональной матери, которая в очередной раз приняла волевое решение и положила конец сеансам психоанализа у сына.

Я познакомился с тремя детьми Пиаже в 1996 г. на конференции, посвященной столетию со дня рождения их отца. Насколько я помню, они не выступали на том мероприятии.

Проведу сравнение, которое может показаться странным. Жена принца Альберта — будущего Георга VI Елизавета Боуз-Лайон наняла гувернантку для двух своих дочерей, принцессы Елизаветы и принцессы Маргарет. Мэрион Кроуфорд, или Кроуфи, как звали ее в королевской семье, изучала детскую психологию в Эдинбурге. После Второй мировой войны она написала воспоминания о детстве принцесс. У Кроуфорд был острый глаз. Когда читаешь ее мемуары, кажется, что, наблюдая за принцессами, она видела то же, что замечал Пиаже в поведении других детей.

Лилибет, как Кроуфорд называла принцессу Елизавету, очень нравились лошади. У них с сестрой было 30 игрушечных лошадок, все на колесиках. «Здесь у нас конюшня», — говорила Лилибет гувернантке. Каждый «скакун» имел седло и уздечку, точно такие же, какими пользуются настоящие наездники. Девочки чистили «животных» и выполняли все, что положено делать в элитной конюшне. Каждый вечер они снимали седла и кормили и поили игрушечных лошадей.

Пиаже часто наблюдал, как дети меняются ролями, даже пытаются изображать родителей. Лилибет тоже делала что-то подобное. Особенно она любила накинуть на Кроуфи сбрую из красных поводьев с колокольчиками и «управлять» гувернанткой, словно лошадью, развозящей продукты. Кроуфи писала: «Меня объезжали, оглаживали, надевали мне торбу для овса и натягивали вожжи, чтобы я остановилась. Между тем Лилибет доставляла воображаемые продукты в воображаемые

дома и вела долгие задушевные разговоры с воображаемыми покупателями».

Лилибет говорила, что Кроуфорд, раз она лошадь, должна «притворяться, будто нетерпеливо бьет копытом землю». Гувернантка покорно притворялась. Иногда они менялись ролями, и Лилибет скакала, как конь, тихонько ржала и ласкалась к Кроуфорд, как делают лошади. Пиаже счел бы это все вполне типичным.

В своих исследованиях Пиаже относился к собственным отпрыскам как к детям вообще. Но только опираясь на эти наблюдения, мы можем судить о том, какими родителями были супруги Пиаже. Прежде чем подробно изучить их, нужно вкратце рассмотреть теорию Пиаже.

Пиаже разработал теорию о четырех стадиях развития мышления ребенка. Они перечислены в любом учебнике по детской психологии — сенсомоторная, дооперациональная, стадия конкретных операций и стадия формальных операций, когда дети осваивают хитросплетения логики. Никакого «нормального» возраста, когда ребенок должен пройти ту или иную стадию, нет, и Пиаже терпеть не мог американскую манию, как он это называл, подталкивать ход событий. Тем не менее психологи, конечно, называют средний возраст прохождения каждой стадии.

Уильям Джемс, одним из первых открывший психологическую лабораторию в 1879 г., писал, что младенцы — это цветущий жужжащий хаос. Пиаже уподоблял их дикарям! В 1920 г. никто слыхом не слыхивал о политкорректности. Фрейд называл младенца «маленьким примитивом».

Новорожденный не осознает самого элементарного факта жизни. Когда я касаюсь кого-то, я знаю, где кончаюсь я и начинается другой — где моя кожа, а где его. Новорожденный не понимает, что он отдельное существо и что его тело заканчивается кончиками пальцев на руках и ногах. Младенец

«смотрит на собственное тело как на диковинное животное», потому что «ребенок погружен в хаос интересных впечатлений и не различает свое внутреннее состояние и предметы внешнего мира» (Piaget 1952).

Пиаже стремился выяснить, когда дети впервые совершают осознанное действие, поскольку такой ребенок уже не хнычущий набор рефлексов — он начинает становиться человеческим существом. Первый признак «намеренного» действия ученый увидел, когда Жаклин было две недели. Если он клал палец ей на щеку, она поворачивала голову и открывала ротик, как будто хотела ухватить сосок.

Лоран на 23-й день искал сосок ртом. Чтобы найти материнскую грудь, он поворачивал голову направо, если сосок его задевал. Это были еще не полностью осознанные движения, говорил Пиаже, но уже первый шаг в том направлении.

К трем месяцам дети Пиаже начинали координировать свои движения. Если они слышали шум, то, интересуясь, где его источник, крутили головой. Они пристально смотрели на предметы и тянулись к ним. Человеческий интеллект начинается с такой двигательной активности, особенно со зрительно-моторной координации, полагали Пиаже и его жена. Они давали детям потрогать разные предметы, потом поддразнивали их, сначала показывая, а потом пряча мячики и игрушки.

У детей иное представление о предметах, чем у взрослых, утверждал Пиаже. Когда я выхожу на улицу, я точно знаю, что напротив моего дома находится бензозаправка, хотя и не смотрю на нее. Взрослые считают само собой разумеющимся, что предметы реального мира неизменны, но у детей нет опыта, чтобы делать такие предположения. Они находятся во власти «здесь и сейчас». Когда они чего-то не видят, этого не существует.

Затем Пиаже заметил в поведении своих шестимесячных детей нечто неожиданное. В одном из своих самых знаменитых экспериментов он прятал предметы. Иногда он и его жена



позволяли ребенку увидеть, куда исчезли вещи, а иногда нет. На удивление это не меняло дела. Как только игрушка или мячик пропадали, ребенок вел себя так, словно их никогда и не существовало.

Пиаже надо было всего лишь накинуть ткань на игрушку. Даже если младенец видел, как это делалось, он не пытался сдернуть ткань. Вместо этого, заметил Пиаже, «ребенок ведет себя так, будто ткань поглотила предмет» («Психология интеллекта»; The Psychology of Intelligence, 1950, p. 132).

В десять месяцев дети удивляли родителей еще больше. Когда взрослые закатывали мяч за диванные подушки, дети Пиаже обычно искали его. Но в другом месте! Способный к логическому мышлению ребенок пытался бы найти мяч за подушками, но младенцы начинали искать там, где находился мяч, прежде чем исчез, как будто верили, что он может по волшебству появиться на том же месте. Это весьма любопытное наблюдение.

Совершенно невинный младенец очень скоро приобретает способность к имитации. Подражать не так уж просто. Чтобы повторить то, что я только что сделал, надо, во-первых, увидеть, что я здесь, во-вторых, заметить, что именно я сделал, и, в-третьих, суметь воспроизвести мои действия. В пять месяцев Жаклин явно подражала отцу: когда он показывал ей язык, она проделывала то же самое.

Книга «Игра, сновидения и подражание» дает наилучшее представление о том, какими родителями были Пиаже. Она содержит наблюдения, которые наводят на мысль, что в доме царила дружелюбная атмосфера и детям было весело, хотя слово «веселье» появляется в тексте, кажется, лишь однажды и автор ни разу не упоминает о том, что супруги любили детей. И все же то, как Пиаже и его жена играли с детьми и проводили с ними эксперименты, говорит о глубокой родительской любви.

Когда Жаклин исполнилось девять месяцев, «я подвесил над ней целлулоидную утку», рассказывал Пиаже. Его дочь потянула за веревочку, на которой качалась утка, потом схватила куклу, затем снова утку и наконец начала сосать бахрому подушки. Все эти энергичные действия были не полностью разумными, но крайне важными, поскольку подготавливали мозг ребенка. Через месяц после этого Жаклин прижалась носом к щеке матери, что заставило девочку шумно дышать. Пиаже чуть не отругал дочь, которая отнюдь не была малолетним ученым, поскольку «вместо того, чтобы всего лишь повторить или разнообразить действие в целях изучения, она быстро усложнила его ради удовольствия».

Важную роль Пиаже отводил ритуалам. Через пять дней после того, как Жаклин исполнился год, она во время купания все время шлепала рукой по воде. Такие ритуалы играли ключевую роль в теории Пиаже, поскольку рассматривались как переход к символическим действиям. В 15 месяцев и 11 дней Жаклин могла попросить свой горшок и заливалась смехом, когда получала его. Пиаже деликатно замечает, что дочь шаловливо предавалась ритуальным действиям, не уточняя, что это были за действия. Подозреваю, что девочка делала вид, будто писает или какает.

Первое проявление настоящей игры случилось, когда Жаклин было 15 месяцев. Она увидела скатерть с бахромой, очень похожей на бахрому ее подушки, ухватилась за ткань, легла на нее так же, как ложилась на подушку, и весело засмеялась. Все еще смеясь, она произнесла «Не-не». На следующий день она проделала то же самое с воротником материнского пальто. Через две недели роль подушки выполнял хвост резинового ослика. Вот так воображение! Еще через три месяца она потирала одну руку о другую, называла воображаемое мыло «мыо» и делала вид, что моет руки.

Когда Люсьене было 15 месяцев, она притворялась, что сует кольцо для салфеток в рот, смеялась, качала головой, словно говоря «нет», и вытаскивала его. Четыре месяца спустя она изображала, что пьет из коробки, и подносила ее ко рту каждого, кто находился рядом.

Жаклин в возрасте 19 месяцев сидела в кроватке и разговаривала сама с собой. Пиаже слушал, как дочь перечисляла: «Вот, вот, дядя Д, тетя А, дядя Д». Потом она легла, сказала себе «Нет-нет» и снова начала называть родственников, добавляя: «Мама, папа, баба». Через несколько дней она вновь всех перечислила и добавила: «Малютка Истин», имея в виду только что появившегося у родственников младенца. Чувствуется, что Жаклин окружали энергичные, любящие родственники.

Пиаже также интересовали правила игр. В два года и два месяца Жаклин бросала камешки в пруд и смеялась. Через полгода она наполнила ведерко песком, перевернула его и разрушила песчаный куличик лопаткой.

У ее отца явно был талант разговаривать с маленькими детьми, и следующий диалог подтверждает это.

Жаклин: Что это?
Пиаже: Коровник.
Жаклин: Почему?
Пиаже: Это домик для коров.
Жаклин: Почему?
Пиаже: Потому что там внутри коровы, видишь?
Жаклин: Почему это коровы?
Пиаже: Смотри, у них есть рога.

Первый вопрос был «серьезным», но затем дочь стала «спрашивать, просто чтобы спросить». Как свойственно детям, Жаклин часто придумывала истории, только чтобы возражать или капризничать.

Пиаже и его жена приводили много примеров того, как их дети использовали воображение в играх с разными предметами. Раковина моллюска могла стать чем угодно. В возрасте один год и десять месяцев Жаклин положила ракушку на край большого ящика так, чтобы та соскользнула вниз, и проговорила: «Кошка на стене». Накануне девочка видела кошку, взбиравшуюся по дереву. Затем она положила ракушку себе на голову и сказала: «Дерево», а потом добавила: «На самом верху». Тремя месяцами позже она надела ракушку на кончик пальца и заявила, что это наперсток. В следующие пять месяцев она часто была в игривом настроении. Пиаже записал, что однажды дочь увидела камень, и состоялся такой диалог:

Жаклин: Это собака.
Пиаже: А где у нее голова?
Жаклин: Там. (*И показала на выступ на камне*.)
Пиаже: А глаза?
Жаклин: Они пропали.
Пиаже: А разве это не камень?
Жаклин: Камень. К счастью для собаки.

Она продолжила: камень был собакой, а потом львом. Через несколько месяцев она разговаривала с английской булавкой и сказала, что это бабушка. Люсьена, в свою очередь, превращала в бабушку кусочек ткани.

Ученый хотел понять, как у его детей появляется чувство собственного «Я». В полтора года Жаклин гонялась за своей тенью. Через месяц, сидя в саду на коленях у Пиаже, она взглянула на свою тень и сказала: «Жаклин». Он спросил: «Где Жаклин?» Девочка слезла с отцовских колен, сделала несколько шагов в сторону своей тени, которая переместилась вместе с ней, затем наклонилась и указала на нее. Еще через три месяца Пиаже сделал рукой тень, и она сказала: «Папа».

Эти приятные эпизоды интересны в свете изучения Дарвином того, как ребенок начинает узнавать собственное отражение в зеркале — действие, на которое вроде бы способны шимпанзе. Кажется, никто еще не исследовал, как животные реагируют на собственную тень.

Невероятно интересны наблюдения за тем, как дети исполняют роль родителей, — игра, описанная мной в работе «Развитие игры» (The Development of Play) и изучавшаяся через 50 лет после того, как Пиаже начал исследования.

Когда Жаклин было 14 месяцев, двоюродный брат сказал ей: «Папа», — и она протянула вперед руки, как, видимо, протягивал к ней ее отец. В том же месяце Жаклин сидела на руках у матери и сказала «папа» одному мужчине и «мама» неизвестной женщине, но таких ошибок было мало.

В 18 месяцев Жаклин все более совершенствовала искусство убеждать взрослых дать то, чего ей хочется. Если взрослые отказывали или притворялись, будто не слышат, она начинала хныкать. Дедушка же был очень покладист, и она стала использовать слово «деда», чтобы звать его и показывать, что она чего-то хочет, даже если его не было рядом.

Люсьена в возрасте 26 месяцев изображала свою мать. Она сказала Пиаже: «Иди поцелуй маму» — и поцеловала его. Такие сцены, однако, не всегда были милыми. Иногда Жаклин злилась на отца и говорила ему об этом.

Однажды Пиаже задел руку Жаклин граблями, и девочка заплакала. «Я просил прощения и проклинал свою неуклюжесть. Сначала она мне не поверила и продолжала злиться, как будто я сделал это намеренно. Затем, слегка смягчившись, она сказала: "Ты Жаклин, а я папа"». Дочь ударила отца по пальцам и велела ему сказать, что она больно ушибла его. Пиаже повиновался, после чего Жаклин проговорила так, как будто она — это он: «Прости меня, пожалуйста. Я не нарочно. Ты же знаешь мою неуклюжесть» — она в точности повторила его слова.

Другой подобный перевертыш случился, когда Жаклин было четыре года и семь месяцев. Они проходили мимо зарослей крапивы, и «я велел ей быть осторожной», рассказывал Пиаже. Тогда она притворилась маленькой девочкой, которая обожглась крапивой. В тот же вечер Жаклин играла с острой палкой и произнесла: «Папа, скажи: “Жаклин, смотри не поранься!”» Если Пиаже и сделал это, он нам не сообщил.

Жаклин разволновалась, когда увидела, как отец уезжает на мотоцикле, принадлежавшем его друзьям. Она приложила пальцы к губам, как раньше никогда не делала, и сказала матери: «Я держу так пальцы, чтобы папа вернулся».

Куклы играли большую роль в жизни детей Пиаже, и к шести годам Жаклин создала воображаемую деревню Вентишон, где процветали ее фантазии. Окрашенные камни изображали коров. Она даже устроила в деревне кладбище. Жаклин придумала несколько персонажей — госпожу Одар и госпожу Анонзо, а также кузин, бабушек и дедушек, гостей, хотя мужья чаще всего оставались на заднем плане. В книге Пиаже недостаточно материала, чтобы мы могли предположить, что выдуманная его детьми деревня компенсировала травмы, полученные дома. Вентишон — воображаемое место, но не прибежище. Книга, наоборот, создает впечатление, что дети Пиаже, в отличие от него самого, росли в благополучной семье.

Также Пиаже обсуждал сны. В два года и девять месяцев Жаклин закричала посреди ночи. Родители прибежали к ней. «Было совсем темно, и я видела там женщину», — рассказала девочка, указывая на свою кровать. Три месяца спустя она призналась, что все выдумала.

За четыре месяца до своего четвертого дня рождения Люсьена сказала отцу: «Сегодня ночью мне ничего не снилось, потому что было светло. Сны бывают в темноте». Через три месяца она заявила: «Темнота — это чудесно. В темноте можно взять все, что хочешь, и потом поставить назад».



«Тебе что-нибудь снилось сегодня?» — спросил ее отец. Дочь ответила, что ей приснилась летающая лодка. «Я видела ее в темноте. Она была со светом. Я на минутку взяла ее и положила назад». К сожалению, Пиаже не объяснил, что, по его мнению, значат слова дочери «положила назад».

Эти примеры показывают, что, хотя этичность изучения детей и может быть поставлена под сомнение, наблюдение за ними, несомненно, заставляет обратить на них внимание.

Когда дети подросли, Пиаже стал реже делать записи.

Вторую стадию развития ученый назвал «дооперациональной». Она определяется тем фактом, что дети примерно до семи лет абсолютно эгоцентричны. Он использовал это слово не в значении «самолюбивый, сосредоточенный на себе». Мальчики и девочки в дооперациональной стадии эгоцентричны, поскольку они не представляют, как те или иные вещи могут выглядеть с чужой точки зрения. Они подчинены «здесь и сейчас», потому что не способны держать в уме альтернативы.

Затем дети проходят через стадии конкретных и формальных операций к интеллектуальной зрелости и осваивают логику. Пиаже выдвигает, на наш взгляд, странную идею о том, что большинство подростков превосходно владеют логикой и способны видеть изъяны в сложной аргументации. Не известно, удавалось ли это детям Пиаже. Если да, они были бы исключениями. Меньше 10% подростков постигают искусство логических операций.

В отличие от Фрейда, Пиаже не основал династию. Двое из его детей, когда я встречался с ними, вернулись в семейное гнездо в Швейцарии, где они выросли и где родители изучали их. Предметом их гордости (а это не то, по чему следует судить о человеке) был тот факт, что в детстве они являлись объектами исследования Пиаже. Лоран Пиаже работал в фонде, собиравшем работы его отца. Он один из многих детей психологов, которые большую часть жизни охраняли наследие

своего родителя. Провокационный вопрос: значит ли это, что отец был хорошим родителем? Можно возразить, что достаточно хороший отец дает детям возможность вести самостоятельную жизнь.

Пиаже стал одним из самых уважаемых психологов своего времени, но не сделался знаменитой публичной личностью. Детям моего следующего персонажа пришлось справляться с тем, что их отец имел бешеную популярность и однажды его фото появилось на обложке журнала *Time*.



Бенджамин Спок

Консервативный радикал

Когда в 1924 г. Бенджамин Спок стал олимпийским чемпионом, он, наверно, и представить не мог, что однажды попадет под суд за государственную измену и что его старший сын будет этим восхищаться.

Спок публично протестовал против начала Вьетнамской войны, чем вызвал ярость консервативного министра и популярного писателя Норманна Пила. Пил негодовал: совет доктора Спока: «Обнимайте своих детей, кормите их, когда они голодны, укладывайте спать, если они устали» — это корень проблемы. Он считал, что «проповедуемая доктором Споком практика немедленного удовлетворения детских потребностей стоила Соединенным Штатам двух поколений».

Тем не менее сам Спок вовсе не стремился потакать желаниям своих детей. В 1970 г. его старший сын Майкл рассказал *The Ladies Home Journal*, что отец был требовательным, непреклонным и ни разу в жизни его не поцеловал. Уотсон тоже никогда не целовал своих сыновей, так что, похоже, в этом и кроется секрет успеха знаменитых американских книг о воспитании детей! Уотсон по крайней мере проявлял последовательность: и в жизни, и в книге он был против того, чтобы целовать детей. Спок же, вопреки своим привычкам, в книге «Ребенок и уход за ним» рекомендует часто обнимать и хотя бы изредка целовать отпрысков.

Книга Спока повлияла на воспитание детей сразу, как только вышла в свет в 1946 г. «Большинство матерей восприняли ее как подлинную революцию», — говорил Спок. «Не бойтесь любить (свое дитя). Каждому ребенку нужно, чтобы ему улыбались, разговаривали с ним, играли, ласкали его мягко и нежно, — советовал он. — Возможно, вам скажут, что вы должны установить для ребенка строгий режим питания, сна, опорожнения кишечника и других привычек — не верьте этому». В скором времени дети усвоят ритм семейной жизни. Спок обращался к публике, готовой принять либеральные советы. «Ведите себя естественно и наслаждайтесь материнством», — писал он. Совет столь же мудрый, сколь и слова одноименного персонажа из «Звездного пути»: «Живите долго и благоденствуйте».

И Спок благоденствовал. Его труд перевели на 49 языков и продали тиражом 50 млн. Кроме того, он написал книгу для подростков. Однако наивно полагать, будто Спок был уступчивым или снисходительным отцом. В 1968 г. его внук Дэн даже допустил, что дед страдал чем-то вроде раздвоения личности. Для публики «Бен был добрым и отзывчивым другом, прекрасным педиатром, который все знает о том, как кормить детей, любить их, играть с ними, но с семьей он держался скорее прохладно».

Успех книги сделал Спока знаменитым, и слава наложила на доктора свой отпечаток. «Когда человек является яркой личностью, общественным достоянием, идолом, он становится в некотором смысле недосягаемым, с ним трудно наладить простые человеческие отношения», — говорил Дэн Спок. Когда отец Дэна Майкл и его дядя Джон, второй сын Спока, желали сыновнего общения с родителем, «тот всегда напускал на себя вид кумира миллионов и выдавал это за свое истинное лицо». Этот панцирь намекал на внутренний конфликт.

Сам Спок считал, что книга «Ребенок и уход за ним» пользовалась столь большой популярностью, потому что вышла

сразу после Второй мировой войны. К тому времени работа Уотсона «Психологический уход за ребенком» уже устарела. В нестабильное военное время многие пары откладывали рождение детей. Теперь же они хотели знать, как лучше заботиться о своих драгоценных чадах.

Спок родился в 1903 г. в Нью-Хейвене. Его отец, выпускник Йельского университета, работал юристом в местной железнодорожной компании. Спок рассказывал, что бабушка по материнской линии Ада была чрезвычайно строга. Однажды она заперла дочь в кладовке и ушла из дома, а когда вернулась, девочка была на грани помешательства из-за жестокого наказания. И все же Спок писал: «Поскольку дети выросли благополучными, психолог мог бы с уверенностью сказать, что они не только чувствовали привязанность отца, но, должно быть, распознавали под внешней суровостью матери ее самоотдачу и даже любовь». Кроме прочего, властная бабушка не одобряла секс, но даже она не могла все контролировать: одна из ее дочерей родила внебрачного ребенка. Также бабушка возражала против брака другой дочери с ее избранником, потому что отец жениха Уильям Спок был всего-навсего каретным мастером.

Неудивительно, что и мать Спока отличалась строгостью. Он вспоминал: «Я вырос в семье непреклонных пуритан». Когда он начал ходить и родители смогли пригласить для него няню, его мать выбрала весьма неприветливую женщину. Няня, рассказывал Спок, была «невероятно сурова и внушала страх. Она всегда носила черное платье с высоким кружевным воротником на китовом усе. Мы должны были на цыпочках входить в ее комнату, где она разливала чай в чашки из очень тонкого, почти прозрачного фарфора. Грозным голосом она спрашивала: “Хочешь печенье?” Я отвечал: “Да, няня”. Тогда она протягивала мне тарелку с лакомством, и я брал одно печенье, ни в коем случае не два. Я имел право только поблагодарить

ее, больше ничего говорить или просить не разрешалось. Затем я разворачивался и выходил из комнаты».

Как старший ребенок в семье, Спок должен был присматривать за младшими братьями и сестрами. Таким образом он получил необычный для мальчика начала XX в. опыт. В школе он учился хорошо и после ее окончания поступил в Йельский университет, так же как когда-то его отец. Он изучал не медицину, а историю и литературу. Отличный гребец, Спок создал университетскую команду по гребле, одним из членов которой был Рокфеллер. Эту восьмерку выбрали представлять Америку на Олимпийских играх в Париже. Команда выиграла золотую медаль.

Спока приняли в общество старшекурсников Йеля «Свиток и ключ», куда прежде входил Уильям Буллит, первый американский посол в Советском Союзе. Вместе с Фрейдом Буллит написал книгу, которая доказала (по крайней мере авторам так казалось), что Версальский договор содержал столь жесткие условия, потому что Вудро Вильсон никогда не подвергался психоанализу. Авторы располагали секретными сведениями о невротичном поведении Вильсона, поскольку Эдвард Бернейс, племянник Фрейда, работал в администрации президента.

После Йеля Спок стал изучать медицину и в 1929 г. окончил Колумбийский университет лучшим на своем курсе. Несмотря на достижения в учебе и спорте, Бенджамин все же чувствовал, что его родители не вполне довольны им, особенно требовательная мать, тоже дочь строгой матери. Она хотела, чтобы Бен понял, что секс опасен, что это «эмоциональная бомба». Поэтому она убеждала сына в том, что он непривлекателен, а когда смотрит на девушек — «отвратителен».

Чтобы справиться с этими чувствами, Спок решил искать помощи у психоаналитиков. С первым специалистом ничего не вышло. Тогда Спок обратился к Шандору Радо. Здесь

опять же прослеживаются удивительные связи. Радо был учеником друга Фрейда Шандора Ференци, у которого проходила психоанализ Мелани Кляйн. Лечение у Радо продвигалось успешно и, кажется, позволило Споку выплеснуть некоторые негативные чувства по поводу его строгого воспитания.

Спок был не только отличным гребцом, но и превосходным танцором. В июне 1927 г., незадолго до окончания медицинского факультета, он женился на Джейн Чейни. Молодожены вели активную социальную жизнь, даже когда Джейн вынашивала их первого ребенка. Поскольку денег в семье не хватало, они вместе с друзьями открыли «Танцевальную академию». За $40 за вечер они снимали зал и за $400 нанимали оркестр из 12 человек. Входной билет стоил $1,5. Споку нравилось надевать старомодный фрачный костюм. Он был очень популярным партнером по танцам.

Став отцом, Спок, несмотря на образование и годы психоанализа, последовал примеру своих родителей. «Мы с Джейн были, несомненно, консервативными родителями, — писал он. — Мы считали, что маленьких детей нужно укладывать в семь, не только чтобы они спали сколько положено, но и чтобы мама с папой могли отдохнуть вечером в тишине и спокойствии».

В то время грудных детей кормили строго по часам, поэтому, если сын требовал молока в неурочное время, он мог плакать сколько угодно, пока не наступал час кормления. Майкл рассказывал: «Когда я родился, отец только начинал свою практику. Жизнь в Нью-Йорке предполагала посещение вечеринок, мероприятий и все прочее, и я однажды пожаловался родителям, что они выходят в свет чаще, чем король и королева Англии. Они ответили, что король и королева редко выходят в свет».

Так же как и Фрейд, Спок невероятно много работал. «Отец взваливал на себя очень много дел, вплоть до того, что отвечал

на любые письма. Он сам себя воспитал», — говорил Майкл. Спок «приходил домой в семь часов на ужин, который ждал его уже полчаса. Потом начинались телефонные звонки, и он непрестанно отвечал на вопросы мамочек. Моя мать хотела, чтобы он был с женщинами потверже, но отец ее не слушал».

Однако временами у Спока появлялось время и для сына. «Когда папа был свободен, я проводил с ним столько же времени, сколько другие дети со своими отцами. В основном мы по-приятельски общались по утрам в ванной. Вставали мы около семи. Я сидел в ванной, а он брился и помогал мне с таблицей умножения». Интересно, что Спок удалял сыну зубы. «Когда я обнаруживал шатающийся зуб, то шел к отцу, который помогал мне его вытащить», — объяснял Майкл. Спок делал это безболезненно: «осторожно надавливал на зуб и выталкивал его большим пальцем».

При всем своем традиционном воспитании Спок подчас был чужд условностям. Майкл вспоминал, что в пять лет стал проявлять жгучий интерес к сигаретам, и отец дал ему попробовать. С тех пор Майкл не курил.

После вступления Америки во Вторую мировую войну Спок провел два года в Военно-морском флоте. Перед психиатрами стояла задача как можно скорее возвращать в строй моряков, получивших психические травмы во время военных действий, но неизлечимых быстро увольняли со службы, «без права когда-либо претендовать на пенсию, потому что они изначально ни на что не годились». В конце концов Спок начал работать в морской тюрьме и дал неприглядное описание типичного пациента: «импульсивный, безответственный человек, которого в раннем детстве обделили любовью и заботой». У пациентов Спока была жалкая история жизни. Они прогуливали работу и обычно долго не задерживались на одном месте. «Отчеты о состоянии выпускаемых на свободу можно хоть во сне писать», — говорил Спок.

20 апреля 1944 г. Спок все еще работал в ВМС в госпитале «Бетесда», когда получил срочный телефонный звонок. Он сел на утренний нью-йоркский поезд и добрался до больницы за 20 минут до того, как родился его второй сын Джон. Отношение к отцам 70 лет назад было принципиально иное. «Входить нельзя, — рявкнула старшая медсестра, — сейчас вы не доктор Спок, а обычный папаша. Идите домой». Спок навсегда запомнил эту минуту и учил своих студентов быть внимательными к отцам и не прогонять их.

В работе на Военно-морские силы было одно преимущество: ежедневно ровно в 17:00 Спок уходил домой и мог проводить время с новорожденным сыном. Джона растили по менее строгим правилам, чем Майкла. Ему не приходилось долго плакать, чтобы получить молоко. Трудно сказать, изменились ли супруги Спок или распространенные способы ухода за ребенком, но некоторую роль сыграла, конечно, работа Бенджамина. Кроме того, Спок и его жена, как многие родители, чувствовали себя более уверенно со вторым ребенком.

Спок говорил: «У неопытных родителей есть одно затруднение: иногда заботы воспринимаешь настолько серьезно, что забываешь наслаждаться ими». Привязанность к ребенку способствует установлению дружеского общения, «что хорошо и для него, и для вас». Спок никогда не относился к детям так, как его бабушка, которая, следует напомнить, запирала дочь в кладовке. «В моем детстве дисциплину не насаждали тумаками», — говорил Майкл.

Томас Майер, сотрудничавший со Споком, когда писал биографию педиатра, предполагает, что Спок так напряженно работал, чтобы не проводить слишком много времени с семьей.

Как ни странно, Спок настаивал, чтобы дети звали его по имени, данному при крещении. «Бен всегда был категоричен — либо белое, либо черное». От детей ожидали хорошего поведения. Майкл перечислял правила: «Не шали; не встревай

в разговор; не копайся, когда одеваешься; не забывай писать благодарственные письма бабушке». Чувствовалось присутствие суровой бабушки, которая «проявляла даже бóльшее упорство в своих убеждениях», чем отец, писал Майкл.

Действительно, Спок любил повторять, что матери и отцы должны проявлять твердость. «Родители, которые говорят “Я не могу заставить его оставаться в своей комнате”, просто не имеют смелости настоять на своем», — сказал он в одном интервью. Обоих мальчиков днем отправляли спать, а если не хотели, им надлежало в отведенное на сон время оставаться в своих комнатах. «Я не думаю, что родители были слишком строгими», — говорил Майкл, но признавался, что его индивидуальность подавляла выдающаяся личность отца.

Обоим сыновьям Спока кажется абсурдным предположение, что их родители были сторонниками вседозволенности. В частной жизни Спок был замкнут и очень требователен. «Я всегда чувствовал, когда Бен не одобрял мои поступки, и мне бы и в голову не пришло пытаться его в чем-то разубедить», — говорил Майкл.

Лет через пять после выхода его книги «Ребенок и уход за ним» Спок был встревожен тем, что «некоторые матери неправильно ее истолковали». Родительницы кормили младенцев беспорядочно — каждый раз, когда те плакали, и «не укладывали ребенка спать, пока тот чуть ли не просил об этом». Спок чувствовал, что его не поняли. Когда в 1957 г. он вносил в книгу поправки, то подчеркнул, что детям требуется твердая рука. У родителей, которые устанавливают ограничения, дети растут более счастливыми и благонравными. Насчет счастья — оптимистичное заявление, потому что у старшего сына Спока сохранились очень противоречивые воспоминания.

«Джону и мне, — говорил Майкл, — было тяжело жить рядом с такой сильной личностью. Нам предоставлялась довольно большая свобода в очерченных отцом строгих

рамках. Дело было в том, что он никогда не подвергал сомнению свои суждения по любому поводу».

При этом Майкл соглашался: «Те, кто знал меня в детстве, говорят, что мне все сходило с рук». Считается, что одной из причин была занятость отца. Майкл указывал: «Большей частью времени моих сверстников распоряжались родители. Но я с этих пор часто был предоставлен сам себе». В девять лет он начал «прочесывать лавки старьевщика или музеи».

Родители и дети смотрят на вещи по-разному. Спок говорил, что не пытался внушать сыновьям, будто те должны быть похожи на него. Он не надоедал им рассказами о студенческих годах в Йельском университете или о своих спортивных победах — а ведь он выиграл золотую медаль. Вместо этого он вспоминал забавные случаи, произошедшие на тех Олимпийских играх.

Однако некоторая свобода не облегчает существования, и Майкл описывал свои подростковые годы как «черную полосу жизни». Эта полоса длилась около 15 лет. Одним из проявлений подросткового бунта стало то, что Майкл решил поступать в Антиохский колледж. Это решение удивило его отца. «Мне бы никогда не пришло в голову пойти в другой колледж вместо того, который окончил мой отец», — сказал Спок, но не стал противиться поступлению сына в менее престижный университет.

Майклу стоило большого труда засесть за учебу. Сдача экзаменов была для него мучением. «Теперь много говорят о личностном кризисе подростков. Тогда я понимал только, что мне очень тяжело удержаться на плаву». По его словам, все происходило из-за того, что он не знал себе цену.

Когда Майкл рассказал родителям о своих переживаниях, они предложили ему обратиться к психоаналитику. «Мать была убеждена, что это важно», но отец, хотя и подвергался психоанализу, не изменил себе и, совсем в духе своей бабушки,

заявил, что это всего лишь вопрос силы воли. Тем не менее в конце концов родители нашли ему психиатра в Цинциннати. Три раза в неделю Майкл ездил на сеансы. К концу лечения он намотал, по его подсчетам, около 160 000 километров.

«Семье это далось непросто», особенно учитывая то, что в школе он учился хорошо. Видимо, в детстве Майкл никогда не доставлял родителям неприятностей. «Только когда я уехал из дома, все стало рушиться. Привыкание к самостоятельности занимает долгое время».

Восемнадцать лет — очень юный возраст для начала психоанализа, и его отец, убежденный фрейдист, не возражал против оплаты счетов. Но анализ продвигался рывками.

За то время, пока продолжался курс психоанализа, Майкл три раза бросал колледж. Он работал санитаром в больнице, оператором бензоколонки и копирайтером в рекламном отделе универмага. «Это очень огорчало моих родителей». В разгар этих событий Майкл встретил свою будущую жену, которая чувствовала, что он никогда не остепенится. Чтобы получить образование биолога, ему понадобилось девять лет.

В этот период произошел яркий эпизод. Однажды Майкл приехал из колледжа с бородой. Его отец, известный либерал, не собирался терпеть избыточную растительность на лице сына. «Произошла, — вспоминала жена Майкла Джуди, — перепалка в стиле вестерна “Ровно в полдень”». В результате бороду Майкл сбрил. В каком-то смысле это весьма странный случай, поскольку Спок поддерживал очень радикальный процесс — движение против войны во Вьетнаме. Сам Спок, однако, имел интересное мнение о том, почему он так близко к сердцу принимал вопросы подчинения и протеста. «Оглядываясь назад, я вижу, что был неуверенным и чрезмерно честолюбивым человеком, готовым приспосабливаться к любым условиям, чтобы добиться успеха». Он не гордился этим и полагал, что его антивоенная позиция символизирует

«окончательный отказ от юношеских ценностей». Тем не менее больше о бороде никто не упоминал.

В интервью *Ladies Home Journal* Майкл размышлял о том, почему он не выразил никакого протеста во время эпохи маккартизма, когда сенатор Маккарти возглавлял Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Многие знаменитые люди были вызваны в суд по обвинению в принадлежности к коммунистической партии. «Я никогда не оказывал сопротивления». Они с Джуди хотели присоединиться к демонстрации на авиабазе, но передумали. «Это было до периода общественной активности у Бена, и мы боялись обеспокоить его».

В 1968 г. Спока привлекли к суду за «пособничество в преступных действиях», являвшееся частью его борьбы против Вьетнамской войны. Это взволновало Майкла, который сказал в интервью *Ladies Home Journal*: «Наши дети знают, что делает Бен. Мы, возможно, приведем их на заседания суда». Майкл понимал: есть риск, что сторонников Спока самих могут обвинить в измене и отдать под суд. «Но даже если его заклеймят предателем, мой отец будет продолжать отстаивать свою позицию».

Майкл спрашивал себя, не позволил ли он своим сыновним чувствам встать на пути собственных убеждений. Биограф Спока Томас Майер, однако, считает, что факт невыхода на демонстрацию — в некотором роде предательство, но нам это суждение кажется слишком строгим.

Если кто-то относит феминисток 1970-х к левому крылу, то Спока атаковали и слева, и справа. Он внес некоторые изменения в свою книгу и прокомментировал: «Я всегда слушаю критику, не из благородства, а потому, что меня критиковали на протяжении всего детства и пришлось как-то приспосабливаться к вечному недовольству моей матери своими детьми».

Майкл заключил интервью *Ladies Home Journal* словами: «Я благодарен отцу за то, что он внушил мне четко

определенный набор принципов, которыми нужно руководствоваться в жизни и в общении с людьми. Вот за что я восхищаюсь его позицией относительно Вьетнамской войны. Я искренне полагаю, что он поступает правильно. И даже если бы я с ним не соглашался, я был бы горд тем, что, невзирая на великий риск, он высказывает свои убеждения. Хотелось бы мне обладать его смелостью».

В 1970 г. Спок выпустил руководство для подростков. Он признавал, что многие его идеи очень реакционны и его бабушка, наверно, одобрила бы их. Подростки не должны ходить на свидания до 16 лет, а также «заходить дальше поцелуев и объятий в романтических отношениях, пока их не свяжут брачные обязательства». Кроме того, Спок рекомендует юношам и девушкам принимать душ каждый день (предположительно холодный), быть вежливыми и выполнять обязанности по дому, не дожидаясь ворчливых напоминаний родителей. Он приветствовал использование дезодорантов. Можно сказать, что это средство придумал Уотсон во время работы в рекламном бизнесе — он озаботил американцев тем, что, если их подмышки неприятно пахнут, никто не станет разговаривать с ними. Великий бихевиорист запустил по всему миру продажу Odorono — продукта с деликатным, как кувалда, названием: «Пахнет — фу!» («Odor… O no!»).

Джон чувствовал, что быть вторым сыном — это преимущество, поскольку родители считали возможным «позволить мне существовать как независимой личности со своим видением мира, чего не скажешь о воспитании Майка». Его меньше контролировали, и он утверждал, что отец никогда не проверял на нем свои теории. «Меня не наказывали физически, просто оставляли в одиночестве». Однако его родители были «очень требовательными, хотя это так не называлось».

Одно нелестное замечание Джон все-таки сделал: «У нас была чопорная семья, и мы никогда не проявляли друг к другу

особенной теплоты, хотя мать я очень люблю». Она сохранила открытку, которую однажды в школьные годы сын послал ей к Дню святого Валентина.

Спок сохранял суровость даже со своими внуками. Жена Майка вспоминала: однажды, когда их сыну Питеру было полтора года, вся семья обедала в ресторане. Питер увлеченно пел за столом, и его родителям не приходило в голову останавливать его. Однако пение в общественном месте противоречило представлениям Спока о правилах хорошего поведения. Он довольно строго велел Питеру замолчать. Ребенок не послушался. Тогда Спок схватил мальчика на руки и решительно вышел из ресторана.

Джон вознамерился поступать не в Йель, а в Гарвард. Он объяснял: «Главной идеей (воспитания) было совершенство… в учебе, или в манерах, или в строительстве лодочной модели». К ним с Майклом предъявляли «очень серьезные требования… некоторые мы могли выполнить, а другие нет и тогда чувствовали досаду». Джон продолжал: «В результате я отбросил совершенство как самоцель, наверно, потому что это очень осложняло жизнь».

Майкл, посещавший музеи с девяти лет, стал директором Бостонского детского музея. Джон стал архитектором.

Дэн, сын Майкла, говорил: «Думаю, может быть, в глубине души Бен чувствует, что все были неблагодарны и капризны. Почему они не могли просто наслаждаться ролью сыновей великого человека? Полагаю, и мой дядя Джон, и мой отец боролись с этим».

Но самую страшную цену заплатил Питер, внук Спока, которому дед когда-то помешал петь в ресторане. В Рождество 1983 г. он прыгнул с крыши Бостонского детского музея, возглавляемого его отцом. Семья не раскрывает тайну, что могло подтолкнуть Питера к самоубийству. Биограф Спока Томас Майер делает упор на то, что Питер страдал шизофренией.

Собственный детский опыт Спока отразился на его восприятии трагедий. Когда его любимая сестра Марджори узнала о самоубийстве Питера, она пришла в ужас. В последние годы, когда Спок навещал сестру, он только читал ей вслух Беатрис Поттер, но семейные дела никогда не обсуждал. «Не смей больше приходить ко мне, чтобы читать эту Поттер. Я знала Питера мальчиком и очень сильно любила его. И пока он не умер, я не подозревала, что он несчастлив!»

Напряженность между близкими — и вера во Фрейда — вынудила Споков начать семейную психотерапию, которая заставила педиатра в очередной раз осознать противоречия собственной личности.



Джон Боулби

Человек в котелке

В начале книги я приводил замечание Боулби: «Дети так беспомощны, так уязвимы». Психиатр прославился своей теорией привязанности. Ребенку нужна надежная база, которую лучше всего обеспечивает заботливая мать. Если дети ее не получают, они с большой вероятностью могут вырасти психически нездоровыми и стать преступниками. Видимо, Боулби чувствовал уязвимость детей на протяжении всей своей жизни.

«Первый раз истинное значение его работ поразило меня во время прогулки с семьей в Чилтерн-Хилс в 1958 г.», — говорил об отце сэр Ричард Боулби. Это случилось «сразу после того, как была опубликована его статья о привязанности ребенка к матери. Он сказал мне: “Знаешь, как пугаются маленькие дети, если теряются и не могут найти мать? И продолжают искать. Я полагаю, что те же чувства испытывают взрослые, когда умирает любимый человек, — и они тоже продолжают искать. Думаю, это проявление одного и того же инстинкта, который возникает в младенчестве и развивается на протяжении всей жизни”».

«Что ж, если ты прав, то это большое открытие», — ответил Ричард Боулби. Когда он сделал этот вывод, он был еще подростком. В сущности, большинство работ его отец посвятил последствиям разлуки и потери.

Я стараюсь не выдвигать упрощенческих гипотез о том, что побуждает психологов изучать определенные темы, но вполне

вероятно, что мучительный детский опыт Боулби способствовал его выбору профессии. Повышенный интерес к утратам был вызван пережитыми им самим утратами, череда которых началась еще в раннем детстве. Мать Боулби, подобно многим принадлежащим к верхушке среднего класса женщинам того времени, редко видела сына, и поэтому в детской властвовала няня. Но она ушла, когда Джону было только четыре года. Фрейд лишился своей няни Рози Виттек в том же возрасте, но это не заставило его сосредоточиться на утрате. Возможно, потому, что его мать чаще находилась рядом и у венских евреев не было традиции отсылать семи-восьмилетних сыновей в пансионы.

Отец Боулби был знаменитым хирургом и тоже нечасто проводил время с детьми, хотя посвящал им несколько часов по воскресеньям. Во время Первой мировой войны он ушел в армию и в течение пяти лет почти не видел семью. Ричард Боулби считает, что его отсутствие серьезно повлияло на отца.

Затем в школе, куда отправили десятилетнего Джона и его старшего брата, случилось несчастье. Крестный отец Боулби упал замертво во время футбольного матча на глазах у крестника. Отсутствующие родители, уезжающие няни и затем внезапная смерть. Так много разлук — и бед — оставили отпечаток. В 1944 г. Боулби сказал жене, что считает детей «такими беспомощными, такими уязвимыми». Но и взрослый Боулби сталкивался с неожиданными потерями.

В 1948 г. его ближайший друг Эван Дурбин утонул во время отпуска, успев спасти двоих детей. Сегодня о Дурбине никто не помнит, но после войны он был крупным политиком-лейбористом, другом Хью Гейтскелла и Гарольда Вильсона. Дурбин и Боулби жили в одном доме в Лондоне и были шаферами на свадьбах друг у друга. Боулби помог создать целевой фонд, чьи средства пошли на образование детей Эвана (Holmes, 1993). По словам вдовы Боулби Урсулы, смерть товарища стала для

ее мужа самой тяжелой потерей в жизни (У. Боулби, письмо от 29 апреля 1996 г.).

Реакция Боулби на эти утраты показывает, сколь ненадежными могут быть выводы биографов. Разбирая психоанализ Пиаже, Ева Шепелер предполагает, что ученый сосредоточился на когнитивном развитии, чтобы избежать изучения эмоций, сопровождавших его сложные взаимоотношения с матерью, видимо, еще более обострившиеся после того, как maman отказалась продолжать сеансы. Джон Боулби же изучал психологию утраты, по всей вероятности, потому, что сам испытал так много потерь в детстве. Оба аргумента резонны, но, рассуждая логически, оба они не могут быть справедливы, если только не прибегать к вялому доводу «ну, Пиаже и Боулби были совершенно разными личностями». Психология часто стремится дать точные ответы на запутанные вопросы.

Предполагалось, что Боулби пойдет по стезе отца и станет врачом. Джон поступил в Кембридж, где впервые прочел «Введение в психоанализ» Фрейда. Он нашел эти лекции занятными и уже был вполне уверен в себе, чтобы найти в теории слабые места. «Я обладал достаточной долей самонадеянности и был не расположен к догматическому обучению», — писал он.

Через три года Боулби прервал учебу, уехал из Кембриджа и шесть месяцев преподавал в школе под названием «Монастырские ворота» (Priory Gates), где он работал с социально дезадаптированными детьми. Эта школа, писал Боулби, «меня весьма устраивала, потому что было интересно. Именно там я получил все знания, которые у меня есть. Это оказались самые ценные полгода в моей жизни, в самом деле. Они подтолкнули меня к занятиям психоанализом». Потом он отправился в Больницу университетского колледжа, чтобы получить полноценное медицинское образование, и решил стать психоаналитиком.

Британское психоаналитическое общество согласилось проводить с Боулби курс дидактического анализа, но затем он оказался вовлечен во внутренние распри: Анна Фрейд и Мелани Кляйн «втыкали шляпные булавки» в теории друг друга. (Если Кристева может называть их дамами, то я могу упомянуть о булавках без риска показаться сексистом.) Психоаналитиком Боулби стала Джоан Ривьер. Она была пациенткой Эрнеста Джонса, в 1920 г. познакомилась с Фрейдом и впоследствии стала одним из лучших переводчиков его работ. По словам Джеймса Стрейчи, «несравненная» Джоан Ривьер была «высокой эдвардианской красавицей в широкополой шляпе и с алым зонтиком», чьи переводы лучше других сохраняли стилистическое своеобразие Фрейда. Ривьер принадлежала к избранному кругу психоаналитиков. Боулби следовало бы радоваться, но его отношения с Джоан складывались непросто.

Нам, конечно, мало известно о сеансах Боулби, но должно быть, психоаналитик и пациент обсуждали, как последний справлялся с чувствами, вызванными утратами и разлуками. Несмотря на известность Ривьер, Боулби хотел отказаться от нее, но Тренинговый комитет Британского психоаналитического общества предостерег его, сообщив, что кандидат в таком случае обычно страдает. Мелитта Шмидеберг вспоминала, что Ривьер шла на любые возможные эмоциональные уловки, чтобы заставить Боулби остаться у нее. Другой знаменитый психоаналитик, Сьюзан Айзекс, начинала плакать, если возникала вероятность, что молодой человек может уйти к другому специалисту.

Проблема, по словам Боулби, состояла не в том, что Ривьер слишком грубо вторгалась в его чувства, но в теоретических расхождениях. Как большинство классических психоаналитиков, включая его наставницу Мелани Кляйн, Ривьер склонна была оставлять без внимания реальный детский опыт. Игры, сны, внутренний мир значат гораздо больше, чем то, что дети

говорят или делают. Боулби видел в этом избыток теории и недостаточность наблюдения за детьми. Однако он посещал сеансы Ривьер семь лет.

Получив диплом врача, Боулби устроился на работу в Лондонскую клинику для трудных детей. Там он начал лечить неблагополучных подростков, которые занимались воровством и прогуливали школу. Этих пациентов, так же как и подопечных из «Монастырских ворот», Боулби не забывал никогда.

В 1939 г. Боулби поступил в армию в звании подполковника. Вооруженные силы призывали психиатров. Это раздражало Черчилля, который справлялся со своими приступами глубокой депрессии в основном с помощью многострадальной жены, бренди и сигар. В декабре 1942-го премьер ополчился на психоаналитиков, заявив: «Было бы разумно как можно больше ограничить деятельность этих господ». Черчилль полагал, что психиатры могут нанести огромный вред, и многое в психиатрии считал «шарлатанством». Он не хотел, чтобы армада мозгоправов «расквартировалась в армии за государственный счет». Большинство солдат, моряков и летчиков здоровы и не нуждаются в том, чтобы им надоедали «дикими вопросами, по которым специализируются психиатры». (Сам Черчилль страдал от депрессии, или от «собачьего настроения», как он это называл.)

В 1941 г. Боулби и его жена Урсула стали родителями. Однако отцовство не сильно нарушило расписание ученого. Он работал с десяти утра до шести вечера, но очень часто посещал вечерние заседания попечительского совета или уходил из дома после ужина. Жена сказала ему, что трех вечеров на неделе достаточно, и он согласился (У. Боулби, письмо от 7 сентября 1997 г.). Один из их детей спросил у матери, не занимается ли папа грабежом, потому что «он приходит домой после наступления темноты и никогда не рассказывает о своей работе» (Дж. Хопкинс, личная беседа 15 ноября 1994 г.). Так же, как его отец, Боулби проводил с семьей длинные каникулы.

В 1946 г. Боулби опубликовал статью о 44 ворах-подростках, которая прославила его. С самого рождения, утверждал он, ребенок нуждается в любви и должен получать ее от матери, которая самой природой создана для того, чтобы дарить эту любовь. Если мать не устанавливает эту связь с ребенком, он начинает жизнь с того, что «чувствует себя» незащищенным. Младенцу нужна надежная база привязанности, на которой он будет расти, учиться и познавать мир. Среди малолетних воришек гораздо чаще, чем среди благополучных детей, находились те, кто в возрасте от девяти месяцев до пяти лет был оторван от матери.

Когда я брал интервью у Боулби, он напомнил мне, что Гарри Харлоу обнаружил похожий образец поведения у обезьян. Когда за детенышем, разлученным с матерью, ухаживает группа сородичей, он демонстрирует признаки глубокой психологической травмы и даже может цепляться за металлическую клетку в поисках утешения. Боулби отметал заявления о том, что 44 ребенка — слишком малое число, чтобы делать такие серьезные выводы. «Эту работу я провел до войны и первым собрал наблюдения за такой большой группой испытуемых».

Боулби особенно подчеркнул: «Если ребенка в возрасте от девяти месяцев до трех–четырех лет поместить в незнакомое место с незнакомыми людьми, он очень пугается. Долго плачет и недвусмысленно показывает, что хочет найти маму. Это стадия протеста. Затем он теряет надежду — может сделаться безучастным, очень отстраненным. Может прекратить плакать и даже разговаривать. Если ребенок был разлучен с матерью на 14-й или 21-й день, а затем возвращается к ней, он старается избегать ее, а иногда не узнает. Все нормальные эмоциональные реакции пропадают».

Исследования Боулби оказали значительное влияние на судебную систему Британии. Разумному человеку стало трудно винить несовершеннолетних преступников за их

правонарушения. Малолетний злоумышленник, впитавший предрасположенность к преступлению с молоком матери, вернее, из-за его отсутствия, не имеет свободной воли.

В этой бочке меда есть ложка дегтя — противоречащий пример, о котором Боулби, должно быть, знал. В 1936 г. наделала много шума автобиографическая книга Марка Бенни «Шпана» (Low Company). В детстве автора часто оставляла его непутевая мать, которая иногда была без гроша, иногда при деньгах, в зависимости от финансовых возможностей ее последнего любовника. В начале книги Бенни живет в очередной чужой семье, и вдруг, пишет автор: «Знакомый голос опустился на улицу, как сизый туман: “Ма-а-арк!”»

Миссис Гринсмит, одна из многих приемных матерей Марка — «мама весьма нерадиво выплачивала предусмотренные деньги на мое питание», — стояла возле его настоящей матери, которая выглядела «в своей дорогой шубе как редкий гость из лучших миров». Родительница пришла забрать сына домой. Марк почти забыл, что значит родная семья, поскольку много лет мать «была для меня больше легендой, чем реальным человеком». Раз в месяц или около того она приходила «поглядеть, как у меня дела». Она была как «комета в пути».

Марк, как и предусматривала теория Боулби, уже в детстве стал воровать, и его отправили в колонию для несовершеннолетних. Но потом с ним случилась перемена. Бенни стал писать, познакомился с Джорджем Оруэллом и Гербертом Уэллсом, а затем с одним из самых значительных социологов середины XX в. Дэвидом Рисменом. В книге Рисмена «Одинокая толпа» (The Lonely Crowd) говорилось, что после Второй мировой войны американцы стали «стремиться быть как все», ища одобрения соседей, и до ужаса боялись отстать от людей. Вот так несовершеннолетний преступник!

Когда я встречался с Боулби, мне еще не попадалась книга Бенни, и потому я не спросил психиатра, что требуется для того,

чтобы преодолеть последствия разлучения с матерью, как это удалось Бенни. Боулби вышел на пенсию, но сохранил в Тавистокской клинике кабинет — очень скромный, лишь на стенах висели изображения фазанов. Была там, однако, эмблема верхушки среднего класса — шляпа-котелок на книжной полке. Боулби настаивал на своем праве посмотреть, что я написал для *New Scientist*, и вычеркнул упоминание о котелке. Я не удивился — он казался вспыльчивым и обидчивым. Это свойство он передал по крайней мере одному из своих сыновей.

Боулби отвергал обвинения в том, что он поддерживал существующее положение вещей, мужское главенство и традиционную семью, но подчеркивал, что «крепкая семья с одним мужчиной и одной женщиной для ребенка лучше всего». Он цитировал научную работу, которую пересмотрел для второго тома своей трилогии «Привязанность и утрата» (Attachment and Loss): «Существовало около 12 исследований, которые увязывают здоровую семью с жизнерадостным, самостоятельным и успешным ребенком». Он и не думал извиняться. «Это в природе человеческой природы», — улыбается он и добавляет, что собрал доказательства из Британии, Франции, Голландии, Швейцарии, США и Германии, что делает его работу «транскультуральной».

«Всегда есть иерархия предпочтений», — сказал мне Боулби. Ребенок делает первый в жизни выбор. «Я не знал ребенка, который бы не предпочитал одного из родителей. Это мог быть отец, но только крайне редко». Нет ни одного зарегистрированного случая, когда «мужчина стал главным объектом привязанности».

После того как его работа была опубликована в 1946 г., Боулби горячо призывал правительство учитывать опасность того, что действия властей могут разделять матерей и детей, даже если речь идет о плохих матерях. Всемирная организация здравоохранения попросила Боулби изучить психическое

здоровье бездомных детей. Он сделал вывод, что решающее значение имел не факт бездомности; «почти все данные касаются отношений ребенка с матерью, которые, без сомнения, являются для него самыми важными отношениями на протяжении первых лет жизни». Отец в лучшем случае играет вторую скрипку. Боулби добавляет: «И его значимость только возрастает по мере того, как снижается уязвимость ребенка перед утратой».

Боулби развивал эту теорию вместе с канадским психологом Мэри Эйнсворт. Они написали книгу «Уход за ребенком и рождение любви» (Child Care and the Growth of Love), где подробно описывается эксперимент под названием «Незнакомая ситуация». Ученые наблюдали за ребенком, который играл 20 минут, а в это время его мать с незнакомцами входили в комнату и выходили из нее. Боулби и Эйнсворт выясняли, как долго ребенок изучал новые игрушки и играл с ними и как реагировал, когда его мать возвращалась в комнату. Исследователи отметили три разных типа реакции. Дети, которые были «надежно привязаны» к матери, безбоязненно изучали игрушки, когда их мать была в комнате и общалась с незнакомцами; малыши расстраивались, когда мама уходила, и радовались, когда возвращалась. Когда ее не было в комнате, такие дети избегали чужаков. Дети, которые имели так называемый «тревожно-устойчивый тип привязанности», волновались из-за незнакомцев и проявляли мало интереса к игрушкам и играм, даже когда мама была в комнате. Если она выходила, дети проявляли сильное беспокойство. Когда она возвращалась, ребенок пытался приблизиться к ней, но демонстрировал крайнее негодование. Дети с «тревожно-избегающим типом привязанности» были очень подавлены и почти не выражали эмоций ни тогда, когда мама выходила, ни тогда, когда она возвращалась. Такие дети почти не касались игрушек, кто бы ни был в комнате.



Этот эксперимент являлся еще одним доказательством того, что связь между мамой и младенцем универсальна. «Она наблюдается у многих видов животных, — сказал мне Боулби. — Почему? Мой ответ: потому что она дает защиту. Особенно от хищников, и я это подчеркиваю. Даже двухлетний слоненок находится в опасности, когда он один, — его запросто могут съесть львы». По некой аналогии из тех, что иногда проводил святой покровитель сюрреалистов Фрейд, Боулби перешел к сравнению львов с машинами. «Автомобиль — современное подобие хищника. Может, он и не ест детей, но определенно убивает, если родители их не защищают». Последствия разлуки, считал Боулби, можно смягчить. Бабушка или даже «третий лишний» — отец — может сделать его менее травматичным, но это лучшее, на что стоит надеяться.

При всем при том Боулби никогда не хотел, чтобы его имя ассоциировалось с теорией привязанности. Его сын Ричард вспоминал семейный ужин, когда отец спросил, как ему назвать результаты своих изысканий. Все с неудовольствием простонали, когда он сказал, что хочет назвать их теорией привязанности. «Мы все сказали: “Лучше теория любви”, но он ответил, что любовь — гораздо более сложное явление, чем этот особый биологический защитный механизм, над которым он работает». В какой-то момент обсуждалась идея назвать учение в честь самого Боулби, но тот заметил, что теории, получившие имена своих создателей, «обычно перестают развиваться после смерти авторов». Концепция «потонет или поплывет, в зависимости от своей способности объяснять данные наблюдений».

Мне показалось важным проследить судьбу детей психиатра, и первым очевидным шагом было связаться с Центром Боулби, который тогда находился в Спиталфилдсе. Я долго звонил, но мне не отвечали, и тогда я написал письмо. И наконец получил ответ. Последовали напряженные, захватывающие события.

Сын Боулби Ричард позвонил мне, когда я ехал в поезде, и сказал, что не понимает, зачем я к нему обратился. Я начал объяснять, о чем пишу книгу. Он ответил, что это попахивает нездоровым любопытством, но мы договорились, или я так думал, что я ему позвоню.

— С кем я говорю? — спросил он, когда я выполнил договоренность. Я находился в Белсайз-Парк и направлялся на встречу с дочерью Скиннера Деборой.

Он, кажется, забыл о нашем разговоре. Я предложил встретиться и пообещал рассказать подробнее, чем занимаюсь.

— Вы проводите исследовательскую работу или пишете книгу?

Я объяснил, что пишу книгу, и добавил, что я автор сборника интервью с великими психологами и двух книг об отцовстве.

— А эта книга о психологах вообще или о знаменитых психологах? — поинтересовался он.

Я перечислил персонажей, о которых намеревался написать, и рассказал, с чьими детьми я уже побеседовал. Я просчитался — умаслить его не удалось.

— Ну да, — сказал он, — но я не вижу смысла в том, что вы задумали. Хотя, конечно, ясное дело, что вы хотите заработать.

Юмор — вероятно, наилучшая политика. Но вряд ли эта книга станет бестселлером. Едва ли проценты с продаж обеспечат мне пожизненный отпуск на Карибах.

— Это я понимаю, — уступил он.

Я снова заметил, что написал много серьезных книг по психологии.

— Я слишком осторожен, — признался он.

Он явно ждал от меня, чтобы я сказал: «Нет, ну что вы!» Я промолчал — затягивать разговор было не в моих интересах. Потом сын Боулби сменил тему:

— Когда вы родились?

— В сорок шестом.

— А я в сорок первом. — Он добавил, что отец, как большинство военных, в основном отсутствовал дома, когда его дети были маленькими. Упоминание о военных — я все еще искал к нему подход — заставило меня подумать, нет ли у нас общего знакомого. Возможно, подполковник Боулби в армии знал Стивена Маккейта — с ним в соавторстве я написал книгу «Развитие воображения». Маккейт стал главным армейским психиатром. Я предложил послать Боулби книгу. Подхалимство не сработало. «У меня дислексия», — сказал он, отказываясь от моего предложения.

Боулби объяснил: все, что можно сказать о его отце, находится в открытых источниках, включая фонд Wellcome Trust. Он настаивал, что существует неисчислимое количество материалов, и он явно не намерен добавлять к ним бытовые штрихи.

Затем он сказал мне: «Вы меня преследуете». Я напомнил: мы договорились, что я ему позвоню, — но уже было ясно, что больше из этого разговора мне ничего не выжать.

Ричард Боулби все же дал интервью Лизе Ньюленд и Дайане Койл для журнала *Early Child Care and Development*. Несмотря на то что «большое открытие» отца произвело на него впечатление, когда он был подростком, Ричард Боулби признался: «Я начал читать работы отца, когда моим детям исполнилось восемь или девять лет. Папа говорил: “Не начинай с первого тома, тебе будет очень скучно”». Но, добравшись до этой книги, Ричард не согласился с отцом — глава 11 показалась ему замечательной. И все же по-настоящему он заинтересовался идеями Боулби, только став дедом. Теория привязанности «не предусмотрена для отцов». Когда у зятя Ричарда Мэтта родился сын, «он резвился и играл с моим внуком».

Это побудило Ричарда Боулби спросить знаменитого родителя «о роли отцов, но у того не было хорошо продуманного мнения, и папа закончил словами: “Ну, ребенку не нужны две

матери”». К 1980 г. Джон Боулби «больше ценил отцов», говорил его сын, но добавлял: «Подозреваю, его пристальное внимание к матерям внушило исследователям предубеждение и исказило культурные ценности». Выйдя на пенсию, Ричард стал страстным защитником работ Боулби, но полагал, что изначальная теория должна учитывать важную роль отца.



Беррес Скиннер

Тот, кто посадил дочерей в «клетку»

«Однажды ночью, только я стал засыпать, как зазвонил телефон, и молодой мужской голос спросил: “Профессор Скиннер, это правда, что вы держите своего ребенка в клетке?”» — писал Скиннер в автобиографии «Подробности моей жизни». Это было не так уж неожиданно. «Начнем с того, что дети психологов всегда находятся под наблюдением. Разве дети сапожника бывают плохо обуты?» Идеи Скиннера вызывали много дискуссий, и он часто подвергался нападкам. Он признавал, что две его дочери временами шалили, но никогда не отбивались от рук. «Я часто говорил, что пытаюсь создать не послушного десятилетнего ребенка, а счастливого 20-летнего человека».

Скиннер был самым авторитетным американским психологом в 1940–1970-х гг. Он взял за основу исследования Ивана Павлова, который приучал собак по-разному реагировать на раздражители, например звонок колокольчика, а также гораздо более сложные эксперименты Уотсона. Скиннер проводил много замысловатых опытов с крысами и голубями и заявлял, что детское поведение тоже легко поддается формированию или, если использовать его термин, «обусловливанию» с помощью поощрения или наказания. Он стал столь неоднозначной фигурой в том числе и потому, что создал устройство под названием «ящик Скиннера» — как язвительно замечали критики, больше похожее на клетку для крыс. Вот на что намекал звонивший ночью человек.

Я брал интервью у Скиннера дважды в 1970-х гг. — для газеты *The Observer* и для своей книги «Психологи о психологии». Я как сейчас помню его, одетого в бермуды, в доме в американском Кембридже. Он был совершенно чужд формальностей. Его дочь Дебора говорила, что отцу никогда не удавалось создать правильный образ, и эта ошибка дорого ему стоила.

Когда Скиннер встретил свою жену Еву, ему было 38 лет и он уже пользовался репутацией ведущего бихевиориста. Ева поступила в Чикагский университет в 16 лет и училась блестяще. Семья Скиннера упорно настаивала на том, чтобы он женился и завел детей. «Не затягивай с этим, Фред», — по словам Деборы, твердили родители Скиннера. И он женился. «Мы с Евой все время продолжаем говорить о наших детях, возможно, слишком много», — сказал Скиннер. Но это отчасти из-за «клетки». Ничто не приводило Скиннера в такое бешенство, как обвинения в том, что они с женой воспитывали дочерей в неволе.

Дебора, младшая дочь, — яростная защитница доброго имени отца. Когда я встретился с ней в Белсайз-Парк примерно через 30 лет после последнего интервью со Скиннером, она передала мне копию статьи, которую написала для *The Guardian* в марте 2004-го. Это был ответ на выход книги Лорин Слейтер «Открыть ящик Скиннера», резко осуждавшей ученого, его идеи и, само собой разумеется, методы воспитания детей.

«Когда я закончила читать *The Observer*, меня трясло, — признавалась Дебора. — В книге “Открыть ящик Скиннера” говорится, что мой отец “использовал малолетнюю дочь Дебору для доказательства своих теорий — помещал ее на несколько часов в день в лабораторный ящик, где формировал и контролировал все ее надобности”. Но это неправда. Мой отец ничего подобного не делал». Дебору возмущало, что Лорин Слейтер не удосужилась связаться с ней, чтобы выяснить, имеют ли основания эти утверждения.

Все было совсем не так. Скиннер помещал дочь не в клетку, а в специальную воздушную колыбель. Дебора продолжала: «Я и раньше слышала много вранья, но, когда я увидела это написанным черным по белому в уважаемой воскресной газете, меня будто ткнули кулаком в живот». Вряд ли стоит удивляться ее реакции — ведь в книге было сказано, что она умерла. «Я сошла с ума, подала на отца в суд и покончила с собой». История о ее самоубийстве «рассказывалась на занятиях по психологии по всей Америке».

Скиннер и сам писал об кривотолках. Один психиатр распространил ложь о клетке. Все подобные домыслы, по мнению Скиннера, раздувались «клиническими психологами, которым было выгодно критиковать поведенческую терапию». Этот вид психотерапии пытается устранить невротическое поведение, и особенно фобии: сначала пациента расслабляют, а затем постепенно воздействуют на него раздражителями, которые вызывают тревогу. Шаг за шагом пациент избавляется от страха. Надо сказать, что поведенческую терапию первым ввел не Скиннер. Ее элементы начал использовать Уотсон, а позже методику развивал психолог Ганс Айзенк, немец по рождению, переехавший в Лондон. Слова его сына Майкла я цитировал в предисловии.

«Ясно как день, что Лорин Слейтер не утруждала себя проверкой фактов, — говорила Дебора. — Она, не моргнув глазом, опорочила меня и мою семью и опошлила интеллектуальную историю психологии».

Тем не менее Дебора согласна, что ее раннее детство было незаурядным. «Но меня очень любили. Я была окружена большим вниманием». Воздушную колыбель ее отец разработал взамен обычной детской кроватки с похожими на решетку бортиками. При такой конструкции не было нужды в одежде, простынях и одеялах, которые ограничивают движения ребенка и являются, по ее словам, «крайне неудовлетворительными

способами» создать для малыша удобство. «Я была очень счастлива, хотя должна сказать, что не помню ничего из первых двух с половиной лет жизни». Но ей рассказывали, что она ни разу не протестовала, когда ее клали в колыбель. Через ее стеклянную стенку она могла видеть, что происходит вокруг, и «блаженствовала полуголой в теплой увлажненной атмосфере».

В интервью *Norwegian Journal of Psychology* старшая сестра Деборы Джулия вспоминала: «Воздушная колыбель была чудесным местом, чтобы прятаться, когда моей сестры не было в кроватке. Я забиралась внутрь, закрывала шторки, и никто не мог меня найти. Эту колыбель сделали для удобства ребенка, а не для научных целей. Отец не использовал ее в экспериментах. Воздушные колыбели — превосходные кроватки для младенцев». И не имеют ничего общего с устройствами для обучения рефлексам в духе Павлова.

Более того, Дебора считает, что своим отменным здоровьем обязана особой детской кроватке, поскольку до шести лет она не страдала простудами. Ее удивляет, что это замечательное изобретение не получило широкого распространения. В 1950–1960-х гг. было выпущено несколько воздушных колыбелей, и кто-то даже составил чертеж, чтобы можно было сделать их своими руками, но они никогда не поступали в свободную продажу. Две дочери Джулии спали в такой кроватке. «Она защищает от комаров и ос, а зимой это теплое место для купания. Когда мы навещали моих родителей, то одалживали обычную кроватку и беспокоились о том, что ножки или ручки ребенка застрянут между рейками». Был, правда, один недостаток: «К сожалению, они не защищают от простуд, как заключил мой отец, опираясь на тот факт, что Дебора, в отличие от меня, не болела в раннем детстве». Однако в целом Джулия считает, что сон в воздушных кроватках благотворно сказывается на настроении малыша.

Дебора была рада заметить, что *The Observer* напечатал отрицательную рецензию на книгу Слейтер. Рецензент выразил сомнение в том, что писательница провела тщательную работу. «Он осознавал, что автор могла связаться со мной, чтобы подтвердить или проверить свои подозрения, но, очевидно, не сделала этого». Журналист заключил, что Слейтер намеренно ушла в тень. «Итак, вот я перед вами, рассказываю, как обстоят дела на самом деле. Я жива и в своем уме, но очень зла», — сказала Дебора.

Воспоминания о детстве часто представляют собой воспоминания об отдельных минутах и чувствах, которые мы связываем с ними. Дебора улыбалась, когда вспоминала отцовский распорядок дня. Он всегда просыпался в 4:40 по будильнику и работал до 7:00, пока жена не приносила ему «миску хлопьев Cheerios. Он всегда ел на завтрак Cheerios». После завтрака он работал дома около часа, а потом шел пешком в свой кабинет в Гарварде.

Отец обычно был «погружен в свои мысли», но не тогда, когда общался с детьми. Дебора сказала мне, что помнит Скиннера веселым и любящим отцом. Этим он отличался от своего кумира Уотсона, который никогда не обнимал и не целовал своих детей. Когда Дебора поступила в школу-интернат, Скиннер всегда обнимал ее при встрече.

Ее сестра Джулия тоже говорит об отце как о любящем родителе. «Отцом он был замечательным. Я была очень с ним близка. В раннем детстве папа укладывал нас с сестрой спать. Помню, я задавала ему вопросы, чтобы он подольше сидел у моей кровати. Например, однажды я спросила: “А что там, где кончается космос?” Отец включил свет, сделал из бумаги ленту Мёбиуса и провел по поверхности моим пальцем, чтобы показать, как космос замыкается сам на себя. Я отменно научилась задавать вопросы, которые требуют долгих ответов».

Дебора тоже запомнила, как вечером, в то время, когда проходили устроенные Маккарти слушания, отец укладывал

ее в постель, и она спросила: «Коммунизм — это хорошо?» «Он дал отличный ответ: ну как сказать, и да и нет».

Оставим политику. Водит ли достаточно хороший отец своих детей к зубному? Пожалуй. А также мирится с тем, что дети не хотят постоянно находиться в его обществе. Скиннер вспоминал, что однажды привел Дебору к стоматологу и спросил, можно ли ему войти в кабинет вместе с ней, но она не постеснялась сказать, чтобы он подождал в коридоре.

Однако, призналась Дебора, брак ее родителей не был безоблачным. Ее мать подавала надежды в студенческие годы, но не добилась тех же высот, что и Скиннер. Тот факт, что она «не состоялась» в профессии, мучил ее. «Она часто говорила, что не хотела иметь детей и именно он настаивал на этом… Отец как-то признался мне, что никогда не хотел иметь сыновей». Видимо, они обсуждали этот вопрос, потому что она сказала ему, что беспокоилась, нравится ли ему быть отцом двух дочерей. «Не представляю, что бы я делал с сыном», — ответил Скиннер.

Он поощрял своих дочерей во многих отношениях. «Интерес к игре на музыкальном инструменте, — рассказывала Джулия, — появился у меня на Монхигане: рассматривая каталог Sears Roebuck, я увидела гитару и сказала отцу, что хотела бы иметь такую. Через неделю по почте пришла гитара Silvertone за 9 долларов 95 центов вместе с брошюрой "Как научиться играть на гитаре за пять минут". Через пять минут я все еще не могла играть на гитаре и бросила попытки. Отец взял инструмент и стал следовать наставлениям в книжице, но ему было еще сложнее ставить пальцы на струны, чем мне. Я сказала: "Нет, папа, дай я покажу как"». Вскоре Джулия освоила два аккорда, «с помощью которых могла подыгрывать себе, когда пела что-нибудь вроде "Улицы Ларедо"*». Джулия пела в хоре Harvard-Radcliffe и однажды даже выступала с Бостон-

* Известная ковбойская баллада.



ским симфоническим оркестром. «Отец сидел в зале, как сказал он мне позже, со слезами на глазах».

Многие воспоминания Деборы также очень трогательны. Отец наблюдал, как она училась ездить на трехколесном велосипеде. «Самое приятное мое воспоминание об отце — как он учил меня складывать голубя из бумаги», — рассказывала она. Конечно же, это был голубь, ведь в своих экспериментах Скиннер часто использовал этих птиц. Он приучал их играть в пинг-понг, а во время войны 1939–1945 гг. даже направлять ракеты, по крайней мере в теории. (Подробно о фантастическом плане поместить голубей в ракеты и научить их управлять полетом, стуча клювом, Скиннер рассказывает в автобиографии.) Бумажный голубь был восхитительным, вспоминала Дебора, потому что он мог по-настоящему летать, если потянуть за хвост. Отец отдал ей его, потому что получил ящик с восточными чудесами.

По мере того как Дебора росла, в школе часто жаловались на отсутствие у нее заинтересованности. Отец винил себя: ему не удалось правильно ее мотивировать. Но «когда она нашла то, что у нее хорошо получалось, проблема была решена». А хорошо у нее получалось рисовать. Скиннер стремился развить ее способности к рисованию. Он подарил ей набор волшебных фломастеров, которые позволяли проводить на диво прямые линии. Другое заветное воспоминание Деборы — летние каникулы на острове Монхиган у берегов Мэна. «Это был замечательный остров. Без машин. Без электричества. Мы проводили там летние каникулы. Именно там я начала учиться рисовать. Отец и сестра построили для меня весельную лодку». В течение тех летних месяцев, добавляет со своей стороны Джулия, «отец учил меня ходить под парусом, сделал мне верстак со столярными тисками и научил работать ручными инструментами. В сосновом бору, называвшемся Храмовым лесом, мы с ним и с сестрой строили домики из мха».

Когда у Деборы проявился талант к рисованию, Скиннер очень ее поддерживал. Она вспоминала, что однажды отец повесил ее неоконченный офорт в своем кабинете. Он нисколько не «смутился» и похвалил ее работу. «Он был так необъективен и так доволен», — улыбнулась Дебора.

Также ее отец всегда помогал в беде. В подростковом возрасте Дебора сломала ногу, катаясь на лыжах. После того как она принимала душ и «приводила себя в порядок», она садилась, клала ногу в гипсе на край ванной, и «папа мыл мне пальцы». Вылечив ногу, Дебора поехала в летнюю школу в Гарварде, и однажды, после трудного разговора, отец написал ей письмо, отрывки из которого стоит процитировать.

«Думаю, наша беседа вчера вечером была полезной, несмотря на разбросанные по полу носовые платки». Письмо показывает, как отец пытается наладить отношения с дочерью. Он сказал Деборе, что если она вознамерилась получить высшее образование, то он этого не хочет. Его не беспокоят никакие ее «мнимые недостатки, и я не боюсь, что ты докажешь миру, что я плохой психолог. Живи своей жизнью, а не моей. Будь сама собой». Он добавлял, что любит ее такой, какая она есть. Когда он предлагал помощь или давал совет, то не критиковал Дебору. «Ты еще растешь, познаешь жизнь. Я же стреляный воробей». Не стоит пускать эволюцию вспять и избегать обсуждения опыта и различий. Человек стал доминирующим видом, потому что научился накапливать и передавать опыт, продолжал ученый. Это трогательное письмо от «стреляного воробья», который относился к своей дочери-подростку как к равной.

С другой дочерью Скиннер вел умные беседы во время долгих прогулок. Джулия вспоминает: «Отец много рассказывал о том, что он пишет. Когда позже я читала эти статьи, то думала: “А я помню этого гомункула. Мы говорили о нем, когда бродили вокруг Фреш-Понд”».

Скиннер наслаждался своей славой, и Дебора делила с ним радость. Как-то раз она прилетела из Ливана, чтобы провести с отцом выходные в Нью-Йорке. Они встретили Кейт Мостел, жену известного комедийного актера Зеро Мостела, — семьи дружили, — и даже пятьдесят лет спустя Дебора помнила, какой превосходный это был уик-энд. Они зашли поужинать в Asti‘s — роскошный ресторан с фотографиями многих знаменитостей из мира шоу-бизнеса.

Скиннер верил не в кнут, а в пряник. Эту мысль он подчеркивает в своем утопическом романе «Второй Уолден» (Walden Two). Написание книги частично позволило ему удовлетворить юношеские амбиции. Скиннер рассказывал мне, что, прежде чем стать психологом, он хотел быть поэтом. Дебора — успешная художница. Джулия стала педагогом-методистом и занималась развитием некоторых идей отца. Она писала: «Для меня первоочередной проблемой является перенос образовательной практики с вызывающего отвращение контроля на позитивные методы. Переход к позитивным практикам требует создания таких видов учебной деятельности, чтобы учащиеся на любом уровне подготовки преуспевали и *замечали* свои достижения. Учителям также нужно видеть, что их студенты учатся с увлечением и делают успехи. Мало кого из преподавателей учили внимательно относиться к составлению четкого расписания на будущее и к предшествующим условиям, что чрезвычайно важно для успешного учебного процесса. Недавно один студент рассказал мне, что их просят сообщать, когда они чувствуют приближение усталости и необходимость сделать перерыв. Перерыв на отдых действительно предотвращает вспышки раздражения, но нужно лучше проводить анализ вариативных действий. Вместо того чтобы устраивать стихийные перерывы, когда появляются признаки утомления, можно запланировать более ранний перерыв, чтобы закрепить академические знания». Но Джулия считает, что психоаналитики-бихевиористы

«недооценивают силу осознания того, что ты одолел новый уровень деятельности. Когда результат зависит собственно от студента, а не единственно от учительского контроля, у студентов появляется то, что называется “самоуважение”, “внутренняя мотивация” и “самоорганизация”».

Скиннер очень гордился обеими дочерьми. В «Подробностях моей жизни» он процитировал одного критика, который хвалил пейзажи Деборы, представленные на «весьма стоящей выставке», и оценил их как «многосложное и глубокое художественное высказывание».

Известие о том, что у отца обнаружили лейкемию, потрясло Джулию и Дебору. Джулия взяла в университете отпуск, «чтобы провести с ним его последние девять месяцев. Даже сейчас, просматривая фотографии, записи, ежедневники, черновые рукописи, награды и прочие памятные вещи, я поражаюсь, как много времени он проводил с нами». Скиннер определенно был достаточно хорошим отцом.



Рональд Лэйнг

Насилие в семье

Ронни Лэйнг в 1960-х гг. предложил радикальную психиатрическую концепцию. Он заявлял, что шизофрения на самом деле не заболевание, как рак или корь, а отчаянное стремление справиться с конфликтами, обычно семейными. Его первая книга «Расколотое “Я”» была блестящей попыткой понять образ мыслей пациентов-шизофреников. Затем он написал в соавторстве книгу «Безумие: Семейные корни» — подробное исследование 12 семей, которое показало, что запутанные и испорченные взаимоотношения в семье часто ведут к тому, что один из ее членов не столько становится душевнобольным, сколько ведет себя как сумасшедший.

В интервью *The Sunday Times* дочь Р. Д. Лэйнга Карен рассказала, что отец однажды избил ее так жестоко, что братьям пришлось вмешаться, чтобы спасти ее от серьезных увечий. Лэйнг, автор трех важных книг по психиатрии, держал своих детей в черном теле, заявляла она. «После тех побоев у меня были травмы, но также я получила эмоциональный и психологический шок, который нанес мне большой вред. Это случалось не только со мной — были и другие инциденты».

Отец страдал раздвоением личности, утверждала Карен Лэйнг: он с сочувствием и заботой относился к своим пациентам, но был жесток с семьей и применял силу. «Я присутствовала на сеансах отца, когда он работал с клиентами

и испытывал свою гениальную способность сопереживать боли и мукам других людей», — рассказывала она.

Ее брат Эдриан тоже натерпелся от свирепого характера родителя. Ему пришлось вызволять отца из полицейского участка. Насколько я могу судить, других подобных случаев в истории психологии не было.

Эдриан стал судебным адвокатом, а Карен — психотерапевтом. Обоих поражает различие между Лэйнгом-теоретиком и Лэйнгом-отцом. «Между психиатром Р. Д. Лэйнгом и отцом Ронни Лэйнгом лежит пропасть противоречий. Он что-то искал в самом себе, и это мучило его. Мне очень горько, что он находил общий язык с посторонними людьми, но не мог наладить отношения в собственной семье и не видел, что происходит с его близкими», — говорила Карен Лэйнг. После смерти сводного брата в 2008 г., последовавшей, по всей видимости, из-за неумеренного употребления наркотиков и алкоголя, Эдриан назвал свое детство «дерьмом на лопате».

Сам Лэйнг писал: «Когда у вас появляется искушение обвинить родителей в том, что ребенок страдает психологическими проблемами, никогда нельзя забывать, что мать и отец тоже имели родителей с их заблуждениями и причудами». Я мог бы сказать: отклонениями, сдвигами, бредом, припадками — и предложить еще бесчисленное количество синонимов, которыми обозначают психическое нездоровье, — ведь Лэйнг когда-то мечтал стать поэтом, так почему бы не разнообразить сухую медицинскую терминологию. Противоречивые устремления Лэйнга были следствием его непростого детства. В одной из коротких пьес из его сборника «Ты меня любишь?» (Do You Love Me?) мать пытается убить отца, пока не вмешивается сын. Для драмы это слишком примитивно, но по эмоциональному накалу хорошо соответствует некоторым особенностям детства Лэйнга и его поведения как отца.

Мать Лэйнга, жившая в Глазго, была столь невротичной, что перещеголяла бы всех лечившихся у Фрейда венских домохозяек. Она не говорила никому о том, что беременна «Ронни», до самого дня его рождения. Похоже, что, кроме всего прочего, она страдала депрессией.

Лэйнг считал ребенка жертвой всего на свете: папы, мамы, не говоря уже о буржуазном обществе и капитализме. В «Феноменологии переживания» (1967) он писал: «С момента рождения, когда ребенок из каменного века сталкивается с матерью XX века, он попадает во власть насилия, называемого любовью, так же как когда-то его отец и мать, и их родители, и родители их родителей. Эта власть в основном направлена на то, чтобы уничтожить все его возможности».

В период между 1951 по 1971 г. потенциальные возможности Лэйнга не были уничтожены, поскольку он написал, один и в соавторстве, три книги, одну вместе с Дэвидом Купером, наверно, еще более яростным критиком психиатрии, чем сам Лэйнг. О том, какое влияние Лэйнг оказал на культуру в целом, говорит тот факт, что о нем и его идеях написано 11 книг.

Однако многие традиционные психиатры крайне резко отзывались о Лэйнге, и *The British Journal of Psychiatry* опубликовал рецензию на «Расколотое “Я”» лишь в 1984 г. — пренебрежение не только демонстративное, но и глупое. Но после 1971-го Лэйнга стало затягивать в омут выпивки, наркозависимости и мистицизма.

Для своих детей он был олицетворенным противоречием. Карен Лэйнг рассказывала, что, хотя отец сам не слезал с наркотиков, он пришел в ярость, когда вернулся из отпуска и узнал, что дочь тоже пристрастилась к адскому зелью, хотя должна была ухаживать за его второй женой Юттой. Лэйнг в бешенстве понесся в Глазго, чтобы разобраться с Карен, и дело кончилось побоями.

Это был тот же самый человек, который, по словам Дайан Силенто, бывшей жены Шона Коннери, запросил «кучу денег, полное уединение, лимузин и бутылку лучшего односолодового скотча» перед тем, как вместе с исполнителем роли Джеймса Бонда совершил шестичасовое «путешествие» под влиянием ЛСД. Коннери опасался за свою карьеру. Нет сомнений, что Лэйнг отработал каждый заплаченный актером пенни. Так же как у Карла Юнга, у Лэйнга было две личности или как минимум две.

Уже на закате карьеры Лэйнг написал автобиографическую книгу о своих молодых годах. Также он дал очень пространное интервью Бобу Маллану в качестве материала для биографии и своему сыну Эдриану Лэйнгу, опубликовавшему честное, во многом увлекательное жизнеописание. Эдриан Лэйнг часто вскидывает руки в отчаянии и ропщет почти по-библейски: «Почему, о Боже, ты выбрал для меня этого безумного, но обаятельного отца?» Отец же считал семью источником многих душевных травм, однако он «не имел ничего общего с собственной семьей».

И при этом Лэйнгу явно нравилась роль отца: у него было десять детей от четырех женщин, и он всю жизнь жил в семье, за исключением редких поездок в ашрамы и монастыри, где мог медитировать в поисках своей души. В *New York Review of Books* один из биографов Лэйнга, Дэниэл Берстон, признавал, что он мало рассказал о Лэйнге как об отце, «но не из-за отсутствия интереса или желания сказать больше. Дело в том, что после того, как я взял интервью у Энн Лэйнг (Херн), двух ее детей и Ютты Лэйнг (Вернер) и послал им копии чернового варианта статьи, они сообщили мне, что не приветствуют дальнейшие расспросы или письма от меня и отказывают мне в разрешении цитировать что-либо из того, что я почерпнул в беседах с ними. Поэтому благоразумие и такт заставили меня почти не затрагивать эту тему».

Молчание можно истолковать по-разному. Я написал им и до сих пор не получил ответа.

Я уже беседовал с Эдрианом Лэйнгом, когда вышла написанная им биография, однако, когда я обратился к нему в этот раз, он был вежлив, но сказал, что не хочет добавлять ничего к тому, что он мне уже рассказал.

Эдриан Лэйнг описал весьма порочного отца, который считал невозможным искать помощи во время депрессии, беспробудно пил и распускал руки. Карен Лэйнг соглашается: «Когда мы были маленькими, нас часто били — жестоко и отвратительно, — и временами это производило впечатление сумасшедшего дома». И опять налицо двойственность: «Мой отец был чрезвычайно сложной личностью. Он испытывал душевные муки, его что-то терзало, и он вымещал это на тех, кто его окружал».

Собственное детство Лэйнг подробно описал в своей последней книге «Мудрость, безумие и безрассудство» (Wisdom, Madness and Folly), которая не получила такого успеха, как его более ранние произведения. Он был единственным ребенком у мирной на первый взгляд пресвитерианской супружеской пары, которая вела себя далеко не мирно, и если бы кто-нибудь в церкви узнал об этом, то удивленно вскинул бы брови. Отец работал в шотландской энергетической промышленности, занимал высокий пост. Он хорошо пел. Его семья считала, что он неудачно женился.

Лэйнг говорил, что был воспитан в доме со строгими порядками. «Меня наказывали за неповиновение и за все, что я делал неправильно». Ослушание как таковое было неправильным поведением, к тому же «я делал то, что не должен был, потому что это было неправильно само по себе, не важно, говорили мне об этом или нет». Он приводил длинный лист запретов: нельзя было ковырять в носу, горбиться, сидя на стуле, — и добавлял, что приучился «сморкаться как положено, чистить

зубы, причесываться, завязывать шнурки, всегда завязывать галстук, подтягивать носки, не совать палец в ухо». И это было не все. Он также выучился «правильно испражняться и правильно подтирать зад». С семи лет мальчик должен был «вставать по утрам, чистить зубы, мыть руки до локтей, лицо, шею, полоскать рот, мочиться и быть во всем самым лучшим». Длинный список заканчивался приготовлениями Лэйнга в школу: чистый носовой платок, а также ручка, карандаш и готовальня.

Амелия, мать Лэйнга, была строга с сыном. Он страдал от экземы, и она не разрешала ему притрагиваться к некоторым продуктам, от которых, по ее мнению, сыпь усиливалась. Роковой соблазн. В первый день в школе он обменял один из своих сухарей на чертовски привлекательную булочку с джемом. Когда он вернулся домой, мать заподозрила, что он согрешил. Она заставила сына смотреть ей в глаза. «Пробовал ли ты сегодня что-нибудь из того, что обещал не есть?» — допытывалась Амелия.

«Нет», — отвечал Ронни.

«Это правда? — не отступалась Амелия. — Ты солгал, Ронни, и я все расскажу отцу, когда он вернется домой, и он задаст тебе трепку за то, что ты нарушил обещание».

Трепки бывали разной степени тяжести. В тот раз Лэйнг получил «крепкую» взбучку — на одну ступень более суровую, чем «хорошая» взбучка. Некоторые привычки Амелии были действительно странными. Она часто жгла мусор в доме, чтобы соседи не копались в нем. Также в церкви удивились бы тому, что Дэниэл Берстон, один из биографов Лэйнга, описывает как «жестокие животные сцены в гостиной», когда отец и дед Лэйнга дрались. Амелия отличалась непоследовательностью: иногда она вела себя вполне нормально, но в другое время просто отвратительно. Однажды она сломала игрушки маленького сына.

Похоже, что двойственность в ней существовала всегда. Ее сын был уже далеко не маленьким мальчиком, а она

по-прежнему настойчиво входила в ванную, когда он мылся, чтобы потереть ему спину. Запирать дверь ванной комнаты Лэйнгу не позволялось. К тому времени, когда ему исполнилось 15 лет, он делал воду в ванной как можно более грязной, чтобы скрыть пробивавшиеся на лобке волосы и не показывать матери гениталии.

В книге «Я и другие» Лэйнг рассказал кое-что о своей матери, хотя и не упомянул ее имени. Он говорил, что это была «одна из ее уловок — последняя, я надеялся, на которую я попадусь». Семилетнего мальчика отец обвинил в краже ручки. Ребенок отрицал свою вину. Мать сказала отцу: сын признался ей, что действительно стащил ручку. Хорошо по крайней мере, что его объявили только вором, а не вором и лжецом. Это привело мальчика в замешательство — он стал думать: может, он в самом деле выкрал эту ручку и наврал? В конце концов мать поняла, что сын ничего не брал. Она сообщила это мальчику, но утаила от мужа, и тот так и продолжал думать, что сын — воришка.

«Иди поцелуй маму и помирись с ней», — сказала мать сыну. Но ребенок чувствовал, что его принуждают подчиниться.

Даже самое ужасное детство — а у Лэйнга оно было не таким — может сочетать хорошее и плохое. Мальчик с такими двойственными отношениями с родителями, особенно с матерью, часто после чая слушал вместе с ними радио. Любимой передачей был «Мозговой трест», в которой нередко участвовал анонимный шотландский врач, как Лэйнг выяснил впоследствии, Эдвард Гловер, психоаналитик Мелитты Шмидеберг. Еще одна неожиданная связь.

«При условии, что я хорошо выглядел, хорошо пах и не говорил лишнего, что мои мысли были добрыми, а сердце чистым, я был свободен как птица», — писал Лэйнг, но это не вся правда. Ему приходилось все время угождать родителям. Когда Лэйнг поступил в школу Хатчинсона, одну из лучших

в Шотландии, он преуспевал по классическим дисциплинам и интересовался евангелическим христианством. К 15 годам Лэйнг читал Вольтера, Маркса, Ницше и Фрейда. Кроме того, он занимался регби и так хорошо играл на фортепиано, что говорили, будто он собирается стать музыкантом. Однако родители всегда были недовольны. Однажды ученикам дали задание написать сочинение о жизни дома. «Мое начиналось словами “Время тянется медленно”». Родители расстроились и не могли понять, как он мог написать такое, когда у него есть домашние задания, занятия музыкой, а также игра в регби. «Вот как ты платишь нам за все, что мы для тебя сделали», — сказали они ему, но, кажется, на этот раз не пороли. Неблагодарный сын преисполнился сознанием долга и изменил первую строчку на «В жизни много интересного». Он перечислил все увлекательные вещи, которые изучал: Гомера, греческие неправильные глаголы и Шопена. Переработанное сочинение получило 8,5 балла из 10, что доставило большую радость маме и папе. Однако Лэйнг добавлял: «Обман, притворство и уступчивость такого рода некоторые люди находят невыносимыми». Видимо, он имел в виду себя.

В 1945 г. Лэйнг поступил на медицинский факультет Университета Глазго, который окончил в 1951 г. Опыт борьбы с экземой он обратил себе во благо: экзамен по кожным заболеваниям сдал лучше всех на курсе. Служба в армии считалась обязательной, и Лэйнг стал военным психиатром. По сравнению с Фрейдом он был образцовым офицером.

Он подчинялся приказам командования медслужбы, опрашивал сотни солдат, лечил многих медикаментами, которые были в наличии, и не ставил под сомнение традиционные методы врачевания. Иногда признавал пациентов душевнобольными, чтобы их могли уволить из армии по медицинским показаниям. Но он стал испытывать глубокое сочувствие к тем, кого наблюдал как врач.

Об одном солдате Лэйнг писал: «При поступлении он не сказал ничего. Он был совершенно нем, надувал щеки, пока лицо его не посинело». Пациент изо всех сил пытался говорить, но не мог даже шептать. «И тут он закричал, стал биться головой и рвать на себе волосы». На следующих пяти сеансах он вел почти себя точно так же, и Лэйнг давал ему большую дозу седативных препаратов. Затем состояние больного ухудшилось настолько, что его приходилось кормить и водить в туалет. Больше всего поражало, что солдат хотел играть с игрушками. «Он просил йо-йо». На этом примере Лэйнг понял, что регрессию можно использовать.

Несмотря на молодость, Лэйнг был проницателен. Четверо из его пациентов жаловались, что их избивали, но их утверждения восприняли как бред сумасшедших. Однако Лэйнг выяснил, что это вовсе не бред. Над ними действительно издевались капрал и рядовой во время ночного дежурства. Насильников отдали под трибунал. Тем не менее Лэйнг не сделал вывода, что он мог быть полезным и творить добрые дела внутри системы.

После армии Лэйнг работал в Королевской психиатрической больнице в Глазго, где стал сомневаться в традиционных методах психиатрии, особенно в целесообразности постановки такого диагноза, как шизофрения. Он начал писать книгу, сделавшую его известным, — «Расколотое "Я"» (1961). Затем последовали две другие важные книги: «Безумие: Семейные корни» он написал в соавторстве с Аароном Эстерсоном, а «Разум и насилие» (Reason and Violence) — с Дэвидом Купером. Лэйнг и Эстерсон тщательно опросили 12 пациентов с шизофренией и членов их семей. Авторы пришли к выводу, что людям ставят диагноз «шизофрения» из-за того, что происходит в их семейной «цепи». «Сумасшествие» — средство справиться с непреодолимой ситуацией. В этом нет ничего безумного. Скорее это вполне понятная стратегия, единственный выход из невыносимых противоречий.

В 1965 г. Лэйнг уехал из Глазго и отправился в Лондон, где основал альтернативный психотерапевтический центр, в котором никто не использовал слов «психиатр» и «пациент». На дверях отсутствовали замки, нейролептики в лечении не употреблялись, но при этом применялся ЛСД, чтобы высвободить глубоко скрытые детские травмы. В те времена это не противоречило закону. Психотическое поведение рассматривалось не как заболевание, а как выражение страдания.

Лэйнг явно гордился своим центром. «Непосредственно перед тем, как развелись мои родители, отец привел меня в Кингсли-холл*, — вспоминал Эдриан. Тогда ему не было и десяти. — Он сказал, что хочет меня познакомить с особенным человеком и отвел вниз по лестнице в помещение, которое я не могу описать иначе как подземелье. Там в углу под одеялом лежала женщина. Я ужасно испугался, но отец преспокойно сидел и молчал, как будто ничего не происходило. Он называл это активным присутствием». Той женщиной была Мэри Барнс — самая известная жительница Кингсли-холл, которая на некоторое время впадала в детство, мазала стены фекалиями, а кормили ее из бутылочки. Позже она стала знаменитой художницей и поэтессой. «Я близко познакомился с ней, — писал Эдриан. — Она присылала мне свои картины».

Лэйнг оставил мать Эдриана в 1965 г. и в последующие десять лет почти не общался с сыном. Его сестра Карен говорила: «Когда мои родители развелись, у нас был ужасный культурный шок — пришлось оставить наши школы и друзей в Лондоне и уехать в Глазго начала 1960-х, который тогда имел пугающую репутацию бандитского города. Отец изредка навещал нас, и эти визиты всегда заканчивались ссорой. Я испытывала боль, злость и растерянность из-за того, что он не мог жить с нами».

* Клиника Лэйнга находилась в общественном центре с таким названием.



Книги, которые Лэйнг опубликовал в 1960-х гг., сделали ученого знаменитым. В конце того десятилетия я слушал его лекцию в Френдс-хаус — огромный зал был забит до отказа. Затем в 1968 г. издатели *The Times Educational Supplement* спросили меня, не могу ли я взять у него интервью. Они сомневались, что это получится, но литературный редактор знал человека по имени Зил, ученика этого великого психиатра. Дескать, Зил, возможно, даже знает номер его телефона и даже, возможно, согласится поделиться этой информацией. Когда я позвонил Зилу, тот колебался: он не был уверен, что Лэйнг одобрит нашу затею, поскольку психиатр не хотел сенсационных публикаций. Но *The Times Educational Supplement* не желтая газетенка. Вероятно, по этой причине несколько дней спустя Зил позвонил мне и продиктовал номер телефона. Я позвонил. Секретарша уверенным голосом пригласила меня на Уимпол-стрит и назвала адрес. Я словно записывался на прием к стоматологу. Здесь Фрейд бы улыбнулся, ибо психопатология будничной жизни заявила о себе, и я потерял адрес. Я не посмел звонить Зилу снова. Не имея представления, что делать, — конечно же, *The Times Educational Supplement* никогда не предложит мне написать для них что-то еще, если я оплошаю, — я открыл телефонную книгу.

Такого не бывает.

Есть!

Мы все полагали, что адресов выдающихся людей нет в телефонных справочниках, но нужная строка так и бросилась мне в глаза: «Р. Д. Лэйнг». Лэйнг, великий критик мистификаций, сам был окружен такой таинственностью, что у меня сложилось впечатление, будто добраться до него можно только невероятно извилистыми путями.

Кабинет Лэйнга выглядел вполне традиционно: он сидел ко мне лицом и курил Gauloises одну за другой. Он быстро и деловито рассказал о своих идеях, как, несомненно, делал

не раз во многих интервью. Час подошел к концу. Лэйнг попрощался и пригласил пациента.

Через пять лет, когда я снова беседовал с ним, Лэйнг уже переехал в дом на Белсайз-парк, который его сын Эдриан называл роскошным. Лэйнг работал в комнате в темно-зеленых тонах, уставленной книжными полками. На его столе теснились книги А. Д. Айера рядом с индийскими мистиками. Лэйнг сказал, что проводит бóльшую часть времени здесь, потому что ему нравится работать в окружении родных. Это свидетельствовало о том, что, вопреки сложившемуся мнению, он относился к семье ничуть не враждебно. Его коллега Дэвид Купер, написавший книгу «Смерть семьи» (The Death of the Family), был противником «ячейки общества», но, как будто в насмешку, в конце жизни ему пришлось поселиться в доме своей бывшей жены Джульет Митчелл, взявшей его к себе, когда он оказался в бедственном положении. В разговоре со мной Купер согласился, что в этом была ирония судьбы.

Лэйнга, вероятно, раздражало, что его ассоциируют с Купером. Он говорил: «Некоторые, видимо, путают меня с Дэвидом Купером и его отношением к семье, в особенности неодобрением этого института, выраженным в “Смерти семьи”. Его мнение, такое мнение, не является моим мнением о семье. Я сейчас беседую с вами в окружении родных. Я с удовольствием живу рядом с ними. Я считаю, что семья — это лучшее, что еще существует как биологически естественная вещь». Он не хотел бы видеть «семью» разрушенной государственным регулированием или вмешательством, как легко может случиться, если взять лозунги левых психополитиков 1960-х гг., настроенных против психиатрии и семьи, и использовать их как оправдание смены власти. И он вообразил будущее, в котором родителей «обяжут получать лицензию на право иметь ребенка. У меня есть одна клиентка, которая посещает психиатрическое учреждение, потому что она нездорова, психически

неуравновешенна. Первое, что они делают, — проводят исследования. Проводят исследования и выясняют, что она эмоционально неустойчива и среди прочего ее беспокойство вызывает возможность иметь ребенка — пригодна ли она для материнства. И вот они говорят: "О нет! Никогда! Ни при каких условиях! Никаких детей!" Если она не пройдет психологический тест способностей, она не станет одной из тех, кому дозволено иметь детей».

Мне следовало подтолкнуть его к тому, что даже сейчас кажется слегка параноидальной идеей. В 1970-х было гораздо меньше трагедий, связанных с тем, что социальные работники не сумели позаботиться о детях из групп риска.

«Я думаю, семья — потенциально прекрасный институт, в идеале это место, где взрослые могут играть с детьми и проводить с ними время, а ребенок находится рядом с людьми, чуть более гуманными, чем многие из тех, с кем он столкнется позже. Если детям и взрослым, составляющим семью, удается мирно уживаться друг с другом, это просто прекрасно».

В 1964 г. Лэйнг встретил Ютту Вернер. К 1977 г. радикальные взгляды Лэйнга превратились в мистическую чепуху, в то, что мой покойный сын Рубен с насмешкой называл жуткой поэзией. Через 16 лет после успеха «Расколотого Я» Лэйнг выпустил непритязательную книгу, содержавшую запись разговоров с двумя его детьми от Ютты Вернер и представлявшую собой ответный выпад против тех, кто считал, будто с его точки зрения семья калечит. «Другой стороне истории обычно уделяют ничтожно мало внимания. Язык приятной беседы разумных существ развился до удивительной степени замысловатости и сложности», — писал Лэйнг. Семья не должна быть удушливой. «Это свободное и открытое пространство между нами, где мы вместе можем играть с реальностью, где мы задаем вопросы и получаем ответы, выясняем, что важно, а что нет, ради простого удовольствия». Лэйнг не записывал

разговоры на пленку, поскольку это мешало бы беседе. Вместо этого он сразу же делал записи в блокноте. Он знал, что его будут обвинять в приукрашивании диалогов, но они звучат более чем убедительно и часто рисуют симпатичную картину семейной жизни, возможно, даже слишком симпатичную.

Один из первых разговоров с трехлетним Адамом состоялся, когда семья поехала в Индию и Шри-Ланку.

Адам. Я хочу поехать в Канди и убить людей большим железным ружьем с твердым таким курком, и разрезать их на кусочки, и съесть на завтрак.

Отец. Зачем?

Адам. Потому что я хочу стрелять во много людей и убить их, чтобы они умерли. Как я сделал в прошлый раз.

Отец. Что значит «в прошлый раз»?

Адам. В прошлый раз, когда я был здесь.

Отец. Здесь?

Адам. В прошлый раз, когда я жил.

Отец. Откуда знаешь?

Адам. Ну пап, давай. Ругайся. Хочу, чтобы ты ругался.

Отец. Сам давай. Мне не хочется ругаться. Зачем ты хочешь услышать, как я ругаюсь?

Адам. Хочу, чтобы ты заругался.

Отец. А я не хочу ругаться.

Адам настаивал, что хочет услышать, как отец ругается. А Лэйнг сопротивлялся. Во время путешествия в Шри-Ланку и Индию он иногда оставлял семью, чтобы заниматься с гуру Ганготри Баба, якобы обладавшим оккультной силой.

В июле 1973 г., вернувшись из Азии, шестилетний Адам снова приставал к отцу. Теперь он хотел знать, как люди справляются с различными унижениями.

Адам. Давай, папа, твоя очередь.

Отец. А что если кто-то затолкает спагетти тебе в нос?

Адам. А что, если кто-то смешает песок и воду и сделает такой цемент и зальет его тебе в глотку? (Похоже, Адам был развит не по годам по части технологических тонкостей.)

Отец. А что, если кто-то засунет тебя в большую трубу — такую большую, как эта комната, — из патоки?

Адам. А что, если кто-нибудь отрежет тебе нос?

Лэйнг прав в том, что это веселые забавы и часто насилие — всего лишь игра. В конце Лэйнг замечает: «Он меня переиграл».

Один милый разговор состоялся, когда дочь Лэйнга Наташа пришла в его спальню и требовала, чтобы отец отнес ее назад в ее постель. Девочка просила, чтобы папа прочитал молитвы, и он выполнил просьбу, хотя в другом разговоре Бог был назван выдумкой. В доме Ютты определенно царила дисциплина. Как-то мать приказала детям «заправить постели, взбить подушки и сложить простыни». В другой раз Адам жаловался — ему было восемь лет, что ему велели пойти и принести молоко и масло из другой части дома. Но в конце концов Адам сделал то, что его просили.

В семье часто шутили.

Наташа. Когда танцует снег?

Ронни. Не знаю.

Наташа. На снежном балу*.



И позже:

Наташа. Что сказала одна свеча другой?

Ронни. Не знаю.

* *Англ.* snow ball — снежок и снежный бал.

Н а т а ш а . Сегодня я пойду на вечеринку*.

Диалоги зафиксировали и неприятные моменты, но ни малейшего признака насилия, о котором говорила Карен. Лэйнг писал об одной вспышке детской ревности, когда Наташа пожелала Адаму смерти. Наташа прямо-таки по-библейски заявила:

— Пусть погибнет его семя!

— Но ведь он твой брат, ты будешь скучать, — сказала Наташина мама.

— Я хочу скучать по нему, — ответила Наташа. И добавила замечательное последнее слово: — Безмерно!

Наташа была более поэтичной натурой, чем юнговская четырехлетняя девочка, которая просто сказала, что хочет, чтобы ее брата убили.

Разговаривая со мной задолго до публикации этих диалогов, Лэйнг объяснил: «Мои нападки на семью объясняются тем, что, на мой взгляд, многие дети страдают от отвратительного насилия, нарушения своих прав и унижения со стороны родителей, которые не знают, что делают, и настолько самонадеянны в своем невежестве, что вряд ли поймут, о чем речь». Он никогда не упоминал о практикуемом им самим насилии. Наоборот, он утверждал, что в семье человек может быть в высшей степени самим собой. Когда я заикнулся о том, что это расходится с тем, что он писал, он обвинил в этом неправильную интерпретацию книги «Безумие: Семейные корни».

Примерно через десять лет после развода родителей Эдриан целый год прожил с отцом и его второй семьей и не мог привыкнуть к царящей в доме неразберихе. «Я никак не понимал,

---

* «I'm going out tonight» (*англ.*) — «Сегодня вечером я погасну» и «Сегодня я пойду на вечеринку».

что является лечебной процедурой, а что нет. То и дело кто-нибудь появлялся и занимался дыхательной гимнастикой или йогой. Терапией можно было назвать все что угодно».

Лэйнг, видимо, хотел вернуть сына в отчий дом. Эдриан только что окончил университет, когда отец снова привел его в свой медицинский центр. «Мы были в старой церкви напротив роскошного лондонского дома моего отца в Белсайз-Парк. Это было задумано как тренинг для его помощников, которые все были одеты в спортивные костюмы пастельных цветов и издавали единый стон», — вспоминает он.

«Они окружили меня, прижимаясь к моей спине, бедрам, плечам, нависли над головой и давили на меня руками, чтобы сымитировать открытие утробы. Я должен был толкаться, чтобы протиснуться через толпу, в то время как они пытались меня остановить. Идея была в том, чтобы я повторно пережил выход из чрева и заново родился». Эдриан не испугался. «В результате этого действа я почувствовал себя лучше, стал более бдительным и проницательным. Это была простейшая форма катарсиса, словно ты выплакался». Ученые, конечно, формулируют иначе. «Мой отец называл это физической реализацией экзистенциального тупика», — пояснял Эдриан.

В середине 1970-х и в 1980-х гг. работы Лэйнга стали непонятны для широкой публики, и он раздражался, что его книги плохо продаются. Однажды он убедил Карла Роджерса вложить несколько тысяч фунтов в организацию диспута между ними в Дорчестере. Роджерсу затея понравилась: он уже устраивал очень успешный диспут со Скиннером. Но Лэйнг просто стащил деньги: он вынужден был прибегнуть к мошенничеству, поскольку больше не получал большого дохода от публикации своих работ. Например, книга, посвященная рождению, в которой он описывал собственные попытки вновь пережить появление на свет, не пользовалась

спросом. Психиатр становился эмоционально неуравновешенным, частично из-за потери статуса героя-радикала. Также его посещали, по выражению Эдриана, «воинственные фантазии», и он собирался написать книгу под названием «Путь воина», которую так и не закончил.

Целый год Лэйнг пытался наладить взаимоотношения с сыном, но они разошлись в разные стороны. Эдриана избрали в коллегию адвокатов. Он не ожидал, что отец станет его клиентом, но тот «несся по жизни без тормозов». 27 сентября 1984 г. в 11:30 Эдриана вызвали в полицейский участок Хампстеда. Его отец в сильном подпитии бросил бутылку вина в окно центра Раджниш на Инглэндс-лейн и уселся рядом, бормоча ругательства в адрес «оранжевых недоумков» (последователи движения Раджниш носили оранжевое). Когда нарушителя забрали в участок, ему велели вывернуть карманы и обнаружили коричневое вещество, предположительно коноплю. Ученого обвинили в хранении наркотиков. Эдриан уговорил юриста центра Раджниш отказаться от обвинений при условии, что будет оплачено разбитое стекло. Он нанес «оранжевым» дружеский визит, чтобы справиться с тем, что они называли его «духовным расстройством». Эдриан больше волновался о расстройствах в то самое время, когда его отец вел себя в полном соответствии со стереотипом пьяного шотландца. Эдриан, бесспорно, был успешным адвокатом и убедил власти позволить ему забрать отца домой, заверив их, что привезет его в полицию, как только они проведут анализ коричневого вещества.

Чтобы заставить Лэйнга вернуться в хампстедский полицейский участок, Эдриану пришлось мириться с дурным настроением отца, проследить, чтобы он надел костюм, и выдержать «обычный теперь спор о том, платить ли за такси наличными или по безналичному расчету». Прибыв в участок, Лэйнг принялся браниться, и дежурного полицейского, ранимого

человека, глубоко оскорбил тот факт, что Лэйнг пьян. Эдриану пришлось снова убеждать копов отпустить отца домой. А уж если на следующий день тот явится в нетрезвом виде, пусть его «законопатят в камеру». Эдриан был в бешенстве, но отец удивил его: «В кои-то веки он обнял меня и сказал: “Ну ладно”». Гнев сына «схлынул», и всю дорогу до паба они смеялись, «как два кавалера восемнадцатого века».

Гармония длилась недолго. Перед началом судебного разбирательства 27 ноября 1984 г. «Ронни хвалился, что избежит наказания, и намеревался заявить о своей невиновности», рассказывал Эдриан. Он знал, что полномасштабный судебный процесс будут нежелательным образом смаковать в прессе, а также понимал, что его отец не отдает себе отчета, насколько малы шансы на оправдательный приговор. Эдриан уговорил старшего адвоката встретиться с отцом. Они вдвоем несколько часов пытались доказать Лэйнгу зыбкость его защиты, и тот наконец согласился признать свою вину. В результате он получил 12 месяцев условного срока.

Затем Энтони Клэр, психиатр, автор книги «Психиатрия в разногласиях» и ведущий радиопрограммы «В кресле у психиатра», пригласил Лэйнга поучаствовать в передаче. Клэр с убийственной добротой заставил своего визави признаться в употреблении наркотиков и беспробудном пьянстве, хотя знал, что это разрушит карьеру ученого. И действительно, о Лэйнге сообщили в Генеральный медицинский совет, который отозвал его лицензию на медицинскую практику.

Лэйнг не просто пережил публичное унижение. В это время его как всегда противоречивая мать сделала символическое изображение сына — «куклу Рональд», в которую она начала втыкать иголки. По словам Эдриана, бабушка хотела вызвать у сына сердечный приступ, поскольку он оскорбил ее, использовав в одной из своих книг ненормативную лексику. Но скончался не Лэйнг, а его отец. Тогда мать Лэйнга

написала сыну, что больше не хочет его видеть. Он отправил ей ответ на большом листе бумаги, где нарисовал сердце и написал: «Обещаю».

Когда умерла сама Амелия, Лэйнг, несмотря на все сложности в их отношениях, рыдал на похоронах. Эдриан с сочувствием замечает, что его искренне горевавшему отцу пришлось терпеть насмешки друзей. Один из них язвил, будто Лэйнг лил слезы, потому что его поразил гостиничный счет.

Свадьба Эдриана прошла без драматических эпизодов. Его отец «вел себя пристойно и произнес за столом для почетных гостей подходящую к случаю веселую речь». После этого отец и сын часто общались по телефону. В июле 1989 г. Лэйнг пытался убедить Эдриана помочь Бобу Маллану с написанием биографии. Этого «мне делать не хотелось, несмотря на нашу дружбу. Я всегда давал понять Ронни, что однажды сам напишу о нем книгу».

В итоге Эдриан написал роман, а также биографию. Повествование в «Сумасшедший блюз» (Rehab Blues) скачет от шуток над отцом к мягкой сатире на знаменитостей, которые переступают порог Того Самого Места около Хампстед-хит — лечебницы, которая многим обязана открытому Лэйнгом Кингсли-холлу в Ист-Энде. «Великие» родители часто оставляют в наследство великую двойственность. Эдриан Лэйнг живет в браке 24 года, и у него пятеро детей. «Это и есть мое лечение», — смеется он.

6 мая 1988 г. родился последний ребенок Лэйнга Чарльз. Немного позже психиатр поехал в Австрию. Видимо, появление малыша побудило его перевернуть новую страницу. Он бросил пить и начал работать с Бобом Малланом над биографией, надеясь, что она принесет столь необходимые деньги. Затем, в конце августа 1989 г., Лэйнг отправился в Сен-Тропе и остановился у Роберта Файрстоуна. Еще до их встречи Лэйнг согласился написать предисловие к книге Файрстоуна

«Гуманное воспитание», что кажется комичным, учитывая его сложные отношения с собственными детьми.

Лэйнг писал: в середине XIX в. Робертсон-Смит в «Религии семитов» предполагал, что детоубийство и поедание детей было «темным тотемным столбом прямо в самом центре месопотамского источника западной общественной организации». Взаимоотношения детей и их родителей до сих пор отравлены, считал Лэйнг, — а ведь в разговоре со мной он придерживался совершенно другого мнения.

За спиной у Файрстоуна было 30 лет клинической практики, он поддерживал Робертсона-Смита и охарактеризовал, по словам Лэйнга, «бо́льшую часть так называемой родительской “любви” как родительскую ненависть и голод. Он описывает здесь способы, которыми родители убивают и поедают своих детей, — не физически, а психологически». Эта невероятно грустная книга описывала матерей и отцов как психологических каннибалов, но Лэйнг надеялся, что следующее поколение родителей лучше справится со своей задачей. Если бы они последовали его совету, это выглядело бы неправдоподобно. «Маленькие дети… должны быть защищены, — заявлял Лэйнг, делая одно из самых странных утверждений в психологии. — Улыбка и протянутые ручки нормального ребенка — это требование. Их экспрессивные качества, генетически запрограммированные на то, чтобы вызывать радостные, свободные, равнозначные взаимные реакции во взрослом человеке, воспринимаются нормальным родителем — шизоидом, нарциссом, аутистом, параноиком — как агрессия, каприз, бремя». Файрстоун выражал словами, возможно, то же самое, что выражала мать Лэйнга во многих своих неоднозначных поступках по отношению к сыну.

К 1989 г. Лэйнг почти перестал трезво мыслить. Тем не менее Файрстоун думал, что в коллеге все еще оставалась какая-то магическая сила.



В конце предисловия к книге Файрстоуна Лэйнг цитирует стихотворение.

Но мне приснился недобрый сон:
Вдали от людей и жилья
Я видел, как мертвый выиграл бой,
И, кажется, это был я*.

В Сен-Тропе Лэйнг и Файрстоун играли в теннис, и Лэйнг выиграл четыре гейма из пяти, хотя явно был нездоров. Файрстоун поинтересовался его самочувствием и предложил вызвать врача. «Врач… К черту врача», — ответил Лэйнг.

Когда появилась мать Чарльза, Лэйнг был уже мертв. Некоторые газеты поместили сообщение о его смерти на первых полосах.

Подобно Лэйнгу, Эдриан, видимо, испытывал к своему отцу противоречивые чувства. «Относительно того, кем был мой отец — гением, безумцем или шарлатаном, — все еще высказывают категорические и диаметрально противоположные мнения, — говорит Эдриан. — Я вспоминаю о нем и с горечью, и с нежностью. Отец страстно стремился найти благородные истины, но не умел справляться с преклонением, которое вызывал. Он любил сидеть на сцене в окружении учеников, расположившихся у его ног, и предпочитал, чтобы те его обожали, но не спорили с ним. Папе нравилось, когда к нему относились как к гуру — слишком нравилось, чтобы это принесло ему пользу». По красноречивому выражению Эдриана, его отношения с отцом «сильно улучшились после его смерти».

В этой главе я процитировал разговоры Лэйнга с его сыном Адамом. В 2008 г. *The Guardian* сообщила, что на острове

* Старинная шотландская баллада «Битва при Оттербурне». Перевод Ю. Петрова.

Форментера полиция нашла его разложившийся труп. Адам находился в палатке. «Рядом с ним валялась бутылка водки и почти пустая винная бутылка». Поначалу предположили, что Адам покончил с собой после того, как немецкая инструкторша по дайвингу разорвала с ним отношения, но вскрытие показало, что он умер от сердечного приступа.

Из всех, о ком рассказано в этой книге, Лэйнг — самая трагическая фигура. В конце жизни он растрачивал свои таланты и, деликатно выражаясь, не может быть назван достаточно хорошим отцом.





Карл Роджерс

Безусловное позитивное внимание



Карьера Карла Роджерса сложилась блестяще. Ранние работы ученый посвятил детям, но в 1940 г. он оставил свою должность в Рочестере, штат Нью-Йорк, где работал в Обществе защиты детей, и перебрался в Университет Огайо. Он создал так называемую гуманистическую психологию и написал несколько книг по психотерапии, ставших известными.

Ученый критически относился к тому, как он воспитал двух своих детей. «Я честно оцениваю себя как отца… В те дни я больше заботился о том, чтобы они не беспокоили меня, и не задумывался, было ли то, что я делаю, направлено на их развитие».

Роджерс ввел понятие «безусловное позитивное отношение»: психотерапевт не должен судить заведомо несовершенного человека, которому пытается помочь. Кредо Роджерса повлияло на его представления о том, какая мебель нужна в кабинете доктора. У вас не возникнет безусловного позитивного отношения, если вы будете смотреть свысока на пациента, послушно лежащего на кушетке. Поэтому примерно в 1942 г. он решил, что клиенты — ему не нравилось слово «пациенты» — должны сидеть напротив, как равные.

В отказе от кушетки Роджерс был похож на врача, чью политику он бы презирал, — Маттиаса Геринга, двоюродного брата второго человека в гитлеровском рейхе Германа Геринга. Маттиас был психоаналитиком, и ему тоже не нравилось,

когда пациент лежит на кушетке, а всезнающий доктор смотрит на него сверху вниз. Маттиас Геринг был одновременно истовым христианином и истовым нацистом. Как христианин, он считал, что лекарь и больной должны сидеть лицом друг к другу, как равные. Роджерс никогда не заявлял, что изменил положение пациента из религиозных соображений, но Роджерс, как я утверждаю в критической биографии, не давал себе отчета о многих особенностях своей личности. (Мой покойный сын Рубен в процессе обширных изысканий провел много месяцев в Библиотеке Конгресса за чтением документов Роджерса и часто приходил от них в раздражение. Роджерс оставил библиотеке 117 коробок с бумагами, включая банковские книжки, которые он завел в подростковом возрасте. Рубен рассказал об этом в блестящем романе «Гибель Тео», Theo's Ruins).

Человек, считавший, что каждая его записка достойна того, чтобы подарить ее стране, был горько разочарован, когда в 1980-х гг. не получил Нобелевскую премию. Он полагал, что заслужил ее благонамеренными попытками предложить сеансы групповой психотерапии католикам и протестантам Ольстера во время конфликта в Северной Ирландии. Если бы они могли сформировать в себе безусловное позитивное отношение, то перестали бы убивать друг друга, думал он, — нельзя сказать, что это недостойная цель.

Роджерс превосходно понимал, какую слепую веру внушает церковь. Он родился в Чикаго в 1902 г. в набожной христианской семье. В доме царила «строгая пуританская атмосфера, семья каждое утро собиралась для молитв и чтения Библии. Шестеро детей сидели в гостиной и по очереди читали отрывки Священного Писания. После чтения каждый ребенок опускался на колени и складывал руки на стуле перед собой, чтобы получить благословение от родителей», — писала его дочь Натали. После этого семья садилась завтракать,

но сначала произносили молитву. Разумеется, каждое воскресенье они ходили в церковь.

Натали рассказывала, конечно, со слов отца, что дом «был построен на вере в Бога и безусловных правилах нравственного поведения: не пить, не курить, не играть в карты, не танцевать и, насколько я могу судить, никаких разговоров о чувственности. Пятеро мальчиков вставали рано утром, чтобы кормить свиней и доить коров». Роджерс с гордостью замечал, что, когда ему было 12 лет, отец возложил на него ответственность за несколько акров земли на семейной ферме. Мальчикам следовало хорошо обрабатывать этот участок. «Дом Роджерсов держался на строгой трудовой дисциплине», — писала Натали.

Религиозное воспитание принесло неожиданные плоды. В 1922 г., когда ему было всего 20 лет, Роджера отправили в Китай, чтобы он мог встретиться с братьями по вере на конференции Всемирной христианской студенческой федерации. Молодой человек вел дневник путешествий, опубликованный лишь недавно с предисловием Натали, которое открывает некоторые важные факты об отце и его отношениях с детьми. Китай очаровал Роджерса, и это отразилось в восторженных записях: «До сих пор не могу поверить, что я действительно пустился на шесть месяцев в невероятное приключение и что меня ждут прекрасные события и ошеломительные возможности. Не могу не задумываться о том, насколько эта поездка изменит меня и не будет ли Карл Роджерс, который вернется, всего лишь шапочным знакомым Карла Роджерса, который уезжает».

В своем предисловии Натали пишет: «Сидя в поезде или бодрствуя по вечерам на корабле, он вспоминал места, людей, свои впечатления, меняющиеся мнения о мире и религиозные убеждения. Кажется очевидным, что, по его словам, он разговаривал с родными и коллегами так же, как с самим собой… Это стремление задокументировать и увязать свои внутренние реакции с обучением на жизненном опыте не пропало

у него до конца дней и является одной из причин, почему его и поныне много читают и высоко ценят».

Натали восхищалась уверенностью отца в своих силах во время этого путешествия. Роджерс никогда «не упоминал о том, что нервничал или должен был подготовиться к встречам, даже если ему предстояло выступать перед шестью сотнями слушателей. Когда дело касалось интеллектуальных идей, ему помогали вера в себя и энтузиазм по поводу своей миссии». Роджерс ничуть не смутился и когда в последний день конференции дискутировал с ведущими политиками. Он писал: «Боюсь, я хотел бы снова поспорить с бывшим канцлером Германской империи. Ему и мне было тяжело согласиться по любым вопросам. В 11:30 мне предстояло выступать от имени американской делегации с докладом» (10 апреля).

«Кажется, Карл бросал вызов бывшему канцлеру на протяжении всей конференции! Неудивительно, что его считали лидером. Он не боялся спорить с опытными высокопоставленными людьми», — замечала Натали. Но дух дневниковых записей вызывал большое удивление. «В дневнике Карл часто говорит о своей вере в Бога, любви к Иисусу и необходимости христианской морали для построения мирной жизни на земле». Натали подчеркивает один фрагмент, в котором ее отец говорил: «Только когда человек оказывается один перед лицом большой работы, он понимает, что значит для него его вера в Небесного Отца» (15 февраля).

Нет сомнений в том, что в 1922 г. Роджерс искренне верил в Бога: «Я уверен, что существует Бог, любящий отец. Я уверен, что Иисус Христос — мой поводырь и господин и что я хочу следовать его заветам братства. Я уверен, что его царство, как он его называет, дарует единственное избавление от невзгод мира» (25 февраля).

Натали была поражена. «Мы с братом Дэвидом выросли в доме, где не было Библии, и я никогда не слышала, чтобы

Карл или Хелен (его жена) говорили о Боге, Иисусе или вере во Всемогущего. Мы не читали молитв, не ходили в церковь. Мне предоставили самостоятельно решить, во что верить. Если бы я прочла этот дневник подростком, у меня определенно возникло бы много вопросов к отцу».

Натали огорчилась, что отец не рассказывал ей о том, что когда-то истово верил в Бога. «Когда я прочитала: “Это было важно как никогда — посвятить неспешное время, каждый день, *общению с Богом*, чтобы восстановить нашу духовную силу, укрепить нашу способность к предвидению, нашу способность помогать другим…” (20 февраля), — я спросила себя: “Неужели это правда писал мой отец?” Сегодня (мне 83 года) я чувствую себя отчасти обманутой, потому что он ни слова не сказал мне об этом, когда я росла».

Я подробно остановился на данном аспекте, поскольку он иллюстрирует одно из характеризующих Роджерса противоречий, с которыми его дочери пришлось столкнуться. Он проповедовал искренность, но, похоже, сам не откровенничал со своими детьми. Впоследствии ученый жалел, что был целиком поглощен работой и большинство забот по воспитанию детей возложил на свою жену Хелен.

Натали замечала: «Даже сейчас я удивляюсь, как это может быть, что столь глубоко верующий человек никогда не заводил разговоров о Боге и Иисусе с семьей и коллегами. (В юности мне всегда казалось, что сказку об Иисусе придумали, чтобы утешить тех, кто лишен внутренней силы.) Позже, когда его спрашивали “Вы религиозны?”, помню, он отвечал: “Я слишком религиозен, чтобы быть религиозным”. Я думаю, это было правдой, но тому, кто задавал вопрос, могло показаться, что перед ним закрывают дверь».

Несмотря на все это, Натали была великодушна. «В целом мне доставило наслаждение окунуться в юность отца, ощутить его энергию и страсть к жизни и прочитать о горячности его

ума, в то время как я пыталась понять его раннюю приверженность христианству. В течение этого путешествия он в письмах добивался расположения моей матери Хелен, но это другая история (со счастливым концом!)».

Она продолжала: «В этих личных записках мы видим много тех его качеств, которые сохранятся на всю жизнь: интерес к наблюдениям и фиксации опыта, стремление ставить под сомнение свои и чужие убеждения, чтобы лучше понять себя… Главный вопрос, возникающий у меня, когда я читаю и перечитываю его дневник, — как путешествие на Восток повлияло на взгляды молодого Карла и его христианские верования? Я поймала себя мысли: в какой мере эта поездка проложила дорогу от его веры во Всемогущего к вере в каждое человеческое существо?» Эта вера лежала в основе его убеждения, что психотерапевт должен проявлять безусловное позитивное отношение к клиенту.

В 1924 г. Роджерс окончил Университет Висконсина. Чтобы понять, чему посвятить себя, он стал посещать семинар «Почему я поступаю в священники?» и в один судьбоносный день решил не становиться служителем церкви. Его отец выразил недовольство, и в качестве компромисса Роджерс поступил в Объединенную теологическую семинарию, но начал заниматься психологией. Затем он продолжил образование в Учительском колледже Колумбийского университета, где получил докторскую степень. Работая над диссертацией, он стал изучать детей и особенно интересовался тем, как дети выполняют многочисленные тесты, которые дают им психологи. В 1930 г. Роджерс возглавил Общество по предотвращению жестокого обращения с детьми в Рочестере, штат Нью-Йорк.

К тому времени Роджерс уже женился на Хелен. Их сын Дэвид родился в марте 1926-го. Дэвид и Натали росли в основном в Рочестере. Натали вспоминала, что отец открыто не выражал свои чувства. Он редко обнимал ее. Но при этом

она, как правило, проявляла великодушие и добавляла, что Роджерс отличался «невероятной строгостью к себе», винил себя за то, что мало времени проводит с семьей. У ее брата тоже сохранились неоднозначные впечатления: он вспоминал, что Роджерс был «добрым, но видели мы его нечасто». Однако Дэвид отмечал, что отец был «дома почти каждый вечер», интересовался сыном и гордился его успехами.

По воскресеньям они часто ездили на пикники с братом Роджерса Уолтером и его семьей. Мать поощряла занятия дочери рисованием и ваянием, что в дальнейшем оказало влияние на выбор профессии Натали.

Между 1928 и 1932 гг. Роджерс опубликовал несколько тестов для детей. В них систематизировались задания, которые любой толковый психиатр или психолог, «специализирующийся на детском поведении, может использовать в опросах». Роджерс и сам приобрел необходимые навыки и вскоре обнаружил, что многие дети знают о сексе больше, чем ожидают взрослые. Роджерс прочитал труды Августа Айхорна, друга Фрейда, — учителя, успешно работавшего с малолетними преступниками. Айхорн утверждал, что дети, совершающие серьезные проступки, обычно страдают от эмоциональных конфликтов. Роджерс подозревал, что некоторые мальчики и девочки, с которыми ему приходилось иметь дело, подвергались насилию, но, совсем как Фрейд 30 годами ранее, он не стал делать на этом упор. Поначалу он позволил себе отвернуться от фактов.

Книга Роджерса «Клиническое лечение проблемного ребенка» (The Clinical Treatment of the Problem Child, 1939) содержит интересное описание 24 трудных детей, с которыми он работал. Трое из них явно подвергались сексуальному насилию, но Роджерс знал, что привлечение внимания к этой теме вызовет неоднозначную реакцию. Также он провел полезное исследование того, какими качествами обладает хороший



приемный родитель, но начал разочаровываться в этом направлении научных поисков.

Дети росли. Дэвид поступил на медицинский факультет и после недолгой службы на флоте стал инфекционистом. Натали окончила среднюю школу в 15 лет. В 1940 г. Роджерс уехал из Рочестера и стал профессором клинической психологии в Университете штата Огайо, где написал книгу «Консультирование и психотерапия» (1942). Он предполагал, что клиент, устанавливая взаимоотношения с понимающим, чутким психотерапевтом, может достичь прозрения и тем самым изменить свою жизнь. Благодаря этим принципиально новым идеям он прославился. В 1945-м его пригласили создать консультативный центр в Чикагском университете. Психотерапевт должен общаться с клиентом почти на равных. Натали остается защитницей отца: «Карл был вербальным психотерапевтом, революционером, первопроходцем в своем роде. Даже через много лет после смерти его считают самым влиятельным психологом в Америке. Его работы внесли большой вклад в продвижение идеи о том, что в каждом человеке есть способность, талант к саморазвитию, самопониманию и личностному росту. Поэтому он перевернул представления о психотерапии».

Ее отец отвергал «так называемую медицинскую модель, которая исходит из того, что любая форма психического расстройства подобна физическому заболеванию». Хороший врач и хороший психотерапевт должен задать правильные вопросы и затем составить план лечения недуга. Все в руках профессионалов. Натали Роджерс говорила, что ее отец разработал принципиально новый подход, который требует от психотерапевтов отказаться от власти. Она добавляла, что душеведам часто «трудно отодвинуть на задний план свое эго, которое утверждает: “О, у меня должны быть ответы для этого человека”».

Книга «Консультирование и психотерапия» стала бестселлером, и в 1947 г. Роджерса избрали президентом Американской

психологической ассоциации. Для этого пришлось закрыть глаза на некоторые вещи, поскольку Роджерс не всегда соответствовал своим высоким идеалам. Однажды он буквально сбежал от пациентки, потому что не смог справиться с ее психическим состоянием, — поступок, не подобающий ведущему психологу.

Следующие две книги Роджерса — «Клиенто-центрированная терапия» (1951) и «Психотерапия и личностное изменение» (Psichotherapy and Personal Change, 1954) — сделали его известным не только в среде специалистов, и один из студентов Роджерса использовал некоторые его идеи, чтобы основать движение «Тренинг родительской эффективности» (PET). Родители учились, как лучше общаться со своими детьми, и становились мудрее, что помогало им сглаживать семейные конфликты. Меньше душевных травм — больше радости.

Как отец Роджерс, по собственному его признанию, видел детей слишком редко. А как автор он был не особенно искренен. В его официальной биографии, написанной Ховардом Киршенбаумом, не упоминаются некоторые эпизоды, касающиеся его отношений с детьми. Дэвид женился на Корки, которую он любил с детства, всего в 20 лет. Этот брак принес неприятности как Дэвиду, так и Роджерсу и испортил их отношения. Мы довольно много знаем о сложностях Дэвида не только из писем, хранящихся в Библиотеке Конгресса, но и благодаря тому, что Роджерс вел подробные записи своих разговоров с детьми, даже телефонных. Эти записи тоже находятся в библиотеке.

Они показывают, что Роджерс пытался помочь сыну и невестке, но чаще всего безуспешно. Например, в 1951 г. Дэвид выговаривал родителям за то, что они не приехали, когда Корки была больна, а болела она часто. В следующие несколько месяцев Корки пристрастилась к выпивке и барбитуратам — как у жены врача, у нее, видимо, был доступ к ним.

Дэвид чувствовал свое бессилие и писал отцу: «Я снова осознал, как неловко мне обсуждать с тобой свое несчастье». Несмотря на это, Дэвид часто звонил отцу, жаловался на мигрени и депрессию. В то время Дэвид служил врачом на авианосце USS Leyte. С точки зрения Дэвида, его неудачи частично объяснялись тем, что у его родителей был безупречный брак. Когда у него начался разлад с Корки, Дэвид сказал отцу, что, поскольку его родители очень счастливы друг с другом, они «не понимают супружеских конфликтов» и в сравнении с ними «другие пары наверняка будут подавлены и унижены». На самом деле Роджерс и его жена Хелен просто не говорили детям о собственных серьезных проблемах. Мы знаем о них, поскольку Роджерс отдал свои бумаги в Библиотеку Конгресса, не наложив гриф секретности. Хелен была недовольна тем, что муж всегда хотел заниматься любовью по утрам и в миссионерской позе.

Роджерс честно пытался помочь Дэвиду. Он поговорил с Корки, но та ответила, что вышла за человека «из такой творческой семьи, пропади она пропадом, что это меня убивает».

К 1959 г. Дэвид опубликовал 20 научных статей, и его начали считать авторитетным специалистом по инфекционным болезням. Он написал отцу письмо о своих переживаниях, в котором сообщал, что у него много проблем и разочарований, в которых он никогда не решался признаться себе. «Вряд ли я когда-либо говорил тебе, что боюсь развалиться на части». Дэвид с упреком вспоминал былую необщительность отца, хотя и соглашался, что теперь их отношения улучшились.

В 1960-х Роджерс писал: он сожалеет о том, что переложил почти весь груз воспитания на плечи Хелен, но с дочерью (которая тоже не нашла счастья в браке), он в последнее время стал ближе.

В 1964 г. 38-летний Дэвид перенес инфаркт. Его отец как-то узнал о совете, который тогдашний президент Линдон

Джонсон дал в письме председателю Верховного суда Франкфуртеру, когда у того случился сердечный приступ. Стараясь приободрить Дэвида, Роджерс подчеркивал, как Джонсон изменил свой образ жизни после первого инфаркта. Джонсон, много лет одержимый работой, выработал в себе привычку трудиться только по 16 часов в день, что позволяло спать восемь часов в сутки. Кроме того, он стал употреблять меньше спиртного. Роджерсу пришлось не только оказывать поддержку Дэвиду, но и утешать его любовницу. Он поговорил с Корки и, похоже, обвинил ее в болезни Дэвида, поскольку она была капризной, неуравновешенной и, по сути, сделала его сына несчастным.

12 апреля 1969 г. Роджерс получил от любовницы Дэвида письмо, в котором она писала, что жизнь Дэвида «сплошная неприятность» и он «чахнет». Роджерс, как всегда, зафиксировал это в дневнике. Он также записал, что много пьет и что после разговора с любовницей сына у него подскочило давление. Как представляется, Роджерс часто измерял свое артериальное давление.

Тот факт, что, несмотря на все неприятности, Дэвид имел несколько внебрачных связей, вероятно, привел его отца к мысли, что сам он многое упустил. Роджерс оставался верным мужем, пока ему не перевалило за 60, но на седьмом десятке он начал сожалеть, что не воспользовался вседозволенностью 1960-х гг. Роджерсу исполнилось 67 лет, и его попытки наверстать упущенное в плане секса ставили его в смешное положение и вели к осложнению отношений, в особенности с Натали.

24 июля 1969 г. Дэвид сказал отцу, что больше не выносит Корки, но не в силах отделаться от чувства ответственности за нее. В последующие месяцы Роджерс помогал сыну придумать весьма недостойный план, чтобы избавиться от жены и помешать ей получить после развода весь их семейный дом.

В 1970 г. Дэвиду было 46 лет, и все же Роджерс обращался к адвокату от его имени.

Наивно полагать, будто психологи более порядочные люди, чем остальные, но Роджерс был, кроме прочего, автором книги «Стать партнерами» — сборника советов, как создать успешный брак. Роджерс сказал сыну, что, как бы Корки себя ни вела, не надо отправлять ее на принудительное лечение. Это было частью хитроумного плана: Дэвид оставляет Корки и находит работу в Калифорнии — тогда Корки потеряет бдительность и точно не получит все совместное имущество. Дэвид последовал совету отца. В 1972 г. он поехал в Калифорнию, где стал президентом Фонда Роберта Джонсона. Корки чувствовала себя покинутой.

2 января 1973 г. Роджерс имел долгий разговор с Корки. Его невестка, которую он знал более 20 лет, заявила, что принадлежит одному и только одному мужчине — Дэвиду. А теперь Дэвид бросил ее. Месяц спустя родственник Корки позвонил Роджерсу и предупредил, что у нее появились суицидальные настроения. Роджерс перезвонил ей и уверился в том, что помог.

На следующий день Корки нашли мертвой — она действительно совершила самоубийство.

Брак Натали закончился не так трагично. В 1950 г. она вышла замуж за Ларри Фукса — еврея-политолога, который преклонялся перед Роджерсом. Фукса назначили директором Корпуса мира на Филиппинах, и Натали уехала с ним на Дальний Восток. Когда их брак стал расшатываться, супруги обратились за советом к Роджерсу как к знаменитому психотерапевту. Однако предотвратить развод не удалось.

Роджерс написал Ларри, что понимает все их чувства в связи с разладом. «Думаю, я пытаюсь сказать, что люблю и беспокоюсь о вас обоих и понимаю, что вы не идеальные создания, но склонные ошибаться несовершенные личности.

И я полагаю, что и дальше буду дорожить каждым из вас как склонной ошибаться несовершенной личностью».

Через несколько лет Ларри прочитал руководство Роджерса по браку «Стать партнерами» и был ошарашен. Хотя Роджерс не называл имен своих героев, книга содержала описание многих сцен из жизни Фуксов. Ларри и в голову не приходило, что ученый способен воспользоваться тем, что дочь и зять делились с ним, и представить брак Натали как клинический случай, тем более не поставив в известность ее бывшего мужа.

Ларри написал Роджерсу гневное письмо, и тот ответил, что вроде бы не сделал ничего дурного, ведь конкретных имен в его книге нет. Взбешенный Ларри возразил: его и Натали знакомые легко догадаются, что описывается крушение их брака. На это письмо ответа он не получил. Киршенбаум раскритиковал мою биографию Роджерса, потому что я использовал этот случай, «чтобы осудить великого мастера общения за отказ общаться». Я бы сказал даже больше: я порицал Роджерса за злоупотребление доверием. Как насчет безусловного позитивного отношения?

Ответ Роджерса ее бывшему мужу и обнародование весьма интимных подробностей их брака не очень сильно расстроили Натали. Но отношения между отцом и дочерью испортились, отчасти потому, что Роджерс был придирчив, даже жесток с ее матерью. В 1970-х Хелен заболела, и Роджерс ухаживал за ней с большим раздражением. Натали писала отцу, что он, видимо, укрыт «тонкой пеленой тумана, и я не могу приблизиться к тебе». Ученый много пил и в продолжавшихся попытках угнаться за упущенными сексуальными впечатлениями преследовал женщину по имени Бернис Тодрес, не упомянутую в биографии Киршенбаума. Тодрес так и не подпустила Роджерса к себе, поэтому великий психотерапевт провел начало 1970-х в состоянии непрестанной фрустрации.

Натали все же оправилась от этих лет отчуждения между нею и отцом и была счастлива работать с ним. С 1974 г. они вместе с тремя психологами — Марией Боуэн, Морин О'Хара и Джоном Вудом — проводили в Америке, Европе, Бразилии и Японии семинары, которые использовали личностноцентрированный подход Роджерса. В конце концов Натали составила сборник «Дочерняя дань», куда включила выдержки из 16 книг Роджерса и 120 фотографий, охватывающих всю его жизнь. Дэвид умер в 1994 г. Следуя примеру отца, он передал коробки со своими документами в архив.

Карл Роджерс скончался в 1982 г. прославленным человеком, хотя можно утверждать, что у него было много недостатков. После его смерти Натали сказала в интервью доктору Ван Найсу: «Я полагаю, мои работы воплощают в жизнь теорию Карла о творчестве, расширяют и углубляют ее. Мне особенно нравится слово "воплощают", потому что оно намекает на использование тела в творческом процессе. Мы не становимся творцами, говоря о творчестве». Между отцом и дочерью есть одно ключевое различие. Натали побуждает людей встать со стула и начать двигаться, «чтобы помочь им познакомиться с собственным телом, чтобы выражать себя через свое тело. Я часто начинаю с движения, потому что в нашей культуре — особенно в Америке и в некоторых европейских странах — мы привыкли сидеть, беседовать и рассказывать о своей жизни. Трудно представить, например, Фрейда, который вытанцовывает с пациентами. Роджерс никогда не просил людей встать со стульев».

Как и многие другие персонажи этой книги, Роджерс был не таким отцом, каким ему хотелось бы. Мало кому из нас удается преуспеть на этом пути.




ЛАНЬ


ЛАНЬ

Заключение

Достаточно хороший психолог?

Эта книга не претендует на методологическую точность. Я выбрал 11 персонажей, чьи воззрения и судьбы, как может предположить любой критик, должно быть, в какой-то мере близки мне. Кроме того, нет никакой контрольной группы. Если Энн Роу в книге «Психология и профессия» (The Psychology of Occupations) сравнивала карьеры психологов, биологов, физиков и химиков, учитывая испытанное ими влияние, то я не стремился выяснить, являлись ли психологи лучшими родителями, чем физики или футболисты.

Чтобы еще больше усложнить себе задачу, я использовал чрезвычайно разнородные источники: письма, дневники, автобиографии, биографии, так же как материалы из интервью, проведенных частично мной, частично другими. Методологически правильное исследование или, перефразируя Винникотта, «достаточно хорошее исследование» должно было бы включать мнения всех детей моих персонажей. Однако дети Пиаже и Юнга рассказали немного, а вот Анна Фрейд никогда ни в чем не осуждала любимого папу. Тем не менее здесь можно увидеть некие модели, хорошие и плохие, если эти слова не кажутся оценочными.

Важно отметить, что никто из наших героев не бросал своих детей. Отец Уотсона Пайкенс оставил семью, но его сын не уподобился ему. После развода с первой женой Уотсон поддерживал отношения с обоими детьми. Мелани Кляйн не прерывала

связи с дочерью, Мелитта сама отвернулась от нее. Юнг, несмотря на свое маниакальное женолюбие и жизнь с двумя женщинами одновременно, не отдалялся от своих детей. Р. Д. Лэйнг был наиболее непоследовательным и агрессивным родителем и мало виделся с детьми от первого брака после второй женитьбы. И все же его книга о разговорах с детьми местами трогательна, и он несколько раз приводил Эдриана к себе на работу. Правда и то, что все персонажи занимались интеллектуальным трудом, а такие люди менее склонны бросать свои семьи.

Для родительского успеха есть лакмусовая бумажка — и я пишу это как отец, потерявший одного своего ребенка: дети должны пережить отца с матерью и похоронить их, а не наоборот. Здесь статистика очень печальная. Дарвин потерял троих из десяти детей из-за болезней, что было много даже для Викторианской эпохи. Дочь Фрейда Софи умерла от брюшного тифа. Несколько других его родственников также трагически ушли из жизни. Сын Софи, которого Фрейд обожал, отошел в мир иной в шесть лет. Две племянницы Фрейда и муж одной из них совершили самоубийство. Еще одну племянницу, Цецилию, поместили в психиатрическую больницу, где через несколько месяцев она умерла. Его двоюродный брат и зять Мориц также наложили на себя руки.

Сын Уотсона Билли покончил с собой, а дочь Полли совершила несколько суицидальных попыток. Мелитта Шмидеберг, дочь Мелани Кляйн, считала смерть брата самоубийством. Роджерс разговаривал с невесткой Корки накануне ее добровольного ухода из жизни. Одна из дочерей Лэйнга умерла от естественных причин в 20 лет.

Только Юнгу, Боулби, Пиаже и Скиннеру не пришлось хоронить ни детей, ни их супругов, *ни внуков*. Хотя у нас нет для сравнения группы, скажем, архитекторов или банкиров, количество трагедий ошеломляет. Крейтман и соавторы

(Kreitman et al., 1991) обнаружили, что среди людей более низкого социально-экономического статуса в рассматриваемое время было больше самоубийств. Дети психологов преимущественно принадлежали к среднему классу, и столь высокая частотность суицидальных случаев в семьях успешных интеллигентов удивляет.

Идеальный родитель любит своего ребенка и отпускает его жить своей жизнью, чтобы тот мог расцветать как независимая личность. В своем романе об англиканской церкви Сьюзан Ховач описывает некоторых персонажей, которые хотят, чтобы отпрыски были их «точными копиями». Должен ли сын стряпчего становиться стряпчим? Мой покойный друг Джеймс Маккейт, например, был психиатром в третьем поколении. Он преуспел в профессии, и его исследования о ложных признаниях помогли освободить из тюрьмы гилфордскую четверку и бирмингемскую шестерку*. Тем не менее он всегда испытывал благоговейный трепет по отношению к отцу-перфекционисту и безмерно радовался, когда помог ему выполнить одно из заветных желаний — опубликовать свой труд о детских играх-импровизациях — вымышленных мирах. Я ощущал потребность Стивена в безукоризненной точности и безупречности, когда мы вместе писали книгу.

Однако, похоже, отпускать детей известным родителям не всегда удается. Сыновья Дарвина Фрэнсис и Гораций работали с отцом. Джеймс Уотсон стал промышленным психологом, Анна Фрейд — психоаналитиком. Мелитта Шмидеберг, хотя и сердилась на мать, тоже была психоаналитиком, пусть и весьма эклектичным. Ричард Боулби, выйдя на пенсию, занимается популяризацией трудов отца. Сын Пиаже Лоран бóльшую часть жизни работал в Фонде Пиаже. Натали Роджерс

* Группы ирландцев, обвиненных в организации взрывов в английских городах Гилфорд и Бирмингем в 1974 г., — жертвы знаменитых судебных ошибок.

также сотрудничала с отцом. Одна из дочерей Лэйнга стала психотерапевтом, его сын Эдриан написал биографию отца. Старшая дочь Скиннера Джулия Варгас возглавляет Фонд Скиннера. Билли Уотсон, покончивший жизнь самоубийством, был психоаналитиком. Люби и умей отпускать — вероятно, самый важный вывод, который из этого следует.

Фрейд, Уотсон, Скиннер, Спок, Кляйн, Пиаже разработали теории детского развития, и четверо из них выдвинули довольно определенные идеи воспитания. Стоит противопоставить Уотсона и Скиннера, которые оба применяли бихевиористский подход к своим детям. Сын Уотсона Билли страдал депрессией и взбунтовался против отца, став психоаналитиком. Билли возлагал вину за многие свои проблемы на отцовские теории. Скиннер же, используя в основном те же самые идеи, поместил дочь в воздушную колыбель. При этом он вырастил двух, по-видимому, счастливых детей.

И наконец, можем ли мы что-то вынести из родительского опыта наших героев? Я полагаю, есть один трудный урок для любящих родителей. Пока дети малы, нужно дарить им любовь и внимание, но внушать уверенность в себе, чтобы позже они могли пойти своей дорогой. Люби и умей отпускать. Знаю по собственному опыту, как это непросто.

И последнее. Мой покойный сын Рубен был прекрасным редактором. Он бы придирчиво выправил эту книгу и сделал бы ее гораздо лучше. Я не Элиот, а он не Паунд, но он, кроме прочего, был горячо любимым *il miglior fabbro*, как гласит знаменитое посвящение Элиота*.

---

* Посвящение поэту Эзре Паунду (1885–1972) в поэме Томаса Элиота (1888–1965) «Бесплодная земля»: «Мастеру, который лучше, чем я» (*ит.*).

Литература

Предисловие

Cicero. *Selected Writings*. Penguin, 1993.

Cohen, David. *Psychologists on Psychology*. Routledge, 2014.

Dewhurst, Jack. *Royal Confinements*. Weidenfeldt and Nicolson, 1980.

Erasmus (circa 1510). *On the Education of Children*. Klinieksieck Publishers, 1990.

Erasmus (circa 1510). *A Handbook on Good Manners for Children*. Klinieksieck Publishers, 1990.

Freud, Martin. *Glory Reflected:* Sigmund Freud-Man and Father By His Eldest Son. Angus and Robertson, 1957.

James I (circa 1612). *Basilikon Doron*. EEBO, 2011.

Jenkin, Lewis. *Memoir of Prince William*. Payne, 1789.

Keynes, Randal. *Annie's Box: Charles Darwin, His Daughter And Human Evolution*. Fourth Estate, 2001.

Kirschenbaum, H. *Carl Rogers*. PCCS books, 2010.

Laing, Adrian. *R. D Laing; A Life*. Harper Collins, 1997.

Murchison, C. A, ed.. *A History of Psychology in Autobiography*. Clark University Press, 1930.

Padel, Ruth. *Darwin: A Life in Poems*. Vintage, 2001.

Sachs, Hanns. *Freud: Master and Freud*. Harvard University Press, 1944.

Skinner, B. F.. *Particulars of My Life*. Knopf, 1976.

Winnicott, DW. *Clinical Notes on Disorders of Childhood*. William Heinemann, 1931.

Young Bruehl, Elisabeth. *Anna Freud: A Biography*. Yale University Press, 2008.

Young, R, Lennie S and Minnis H H.. ‘Children‘s perceptions of parental emotional neglect and psychopathology’. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, 889–97,* 2011.

Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. — М.: Наука, 1997.

Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». — СПб.: Белый Кролик, 1995.

Монтень М. Опыты. — М.: Голос, 1992.

Моррис Д. Голая обезьяна. — СПб.: Амфора, 2001.

Плутарх. Моралии. — М.: Эксмо, 1999.

Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. — М.: Детская литература, 1977.

Чарльз Дарвин

Большинство материалов этой главы взяты из: Darwin, C. R. ‘A Biographical Sketch of an Infant’, *Mind,* A Quarterly Review of Psychology and Philosophy 2 (7) (July), 285–294, 1877.

Berra, Tim. *Darwin and his Children*. Oxford University Press, 2013.

Bowlby, John. *Charles Darwin: A New Life*. W W Norton, 1991.

Darwin, Charles. *The Correspondence of Charles Darwin*. Cambridge University Press,1988.

Darwin, Henrietta. *Emma Darwin: A Century of Family Letters (1792–1896)*. John Murray, 1915.

Gallup, Gordon, Keenan, Julian, Falk, Dean. *The Face in the Mirror: How We Know Who We Are*. Harper Perennial, 2004.

Reiss, Diana. *The Dolphin in the Mirror*. Mariner, 2012.

Reissland, Nadja. ‘Neonatal Imitation in the First Hour of Life: Observations in Rural Nepal’, *Developmental Psychology*, 24, 464–9, 1988.

Sully, James. *Children’s Ways*. Appleton, 1917.

Taine, Hippolyte. ‘Lingual Development in Babyhood’, *The Popular Science Monthly*, Vol 9, 1876.

Дарвин Ч. Происхождение видов. — М.: АСТ, 2017.

Дарвин Ч. Сочинения. Т. 2. — М.: АН СССР, 1959.

Дарвин Ч. Сочинения. Т. 8. — М.: АН СССР, 1959.

Дарвин Ч. Сочинения. Т. 9. — М.: АН СССР, 1959.



Джон Уотсон

Bergmann, G. 'The Contribution of John B Watson', *Psychological Review,* 63, 265–76, 1956.

Buckley, K.W. *Mechanical Man: John Broadus Watson and the Beginnings of Behaviorism.* New York: Guilford Press, 1989.

Cohen, David. *John B Watson: The Founder of Behaviourism.* Routledge, 1979.

Hartley, Marietta. *Breaking the Silence.* Putnam, 1990.

Jones, M. C. 'A Laboratory Study of Fear: The Case of Peter', *Pedagogical Seminary* 31: 308–315, 1924.

Jones, M. C. 'The Elimination of Children's Fears', *Journal of Experimental Psychology* 7: 383–390, 1924.

Rayner, Rosalie. 'I am the Mother of the Behaviourist's Sons', *McCalls Magazine,* December 1930.

Todd, James T., and E.K. Morris, eds. *Modern Perspectives on John B. Watson and Classical Behaviorism.* Westport, CT: Greenwood Press, 1994.

Harrell, W., & Harrison, R., John B. 'Watson remembered: An interview with James B. Watson', *Journal of the History of the Behavioral Sciences,* 23, 137–152, 1998.

Watson J.B. *Animal Education.* University of Chicago Press, 1903.

Watson J.B. 'Psychology as the Behaviourist Views It', *Psychological Review,* vol XX, 158–77, 1913.

Watson J.B. and Rayner R. *The Psychological Care of the Infant and Child.* W. W Norton, 1927.

Уотсон Дж. Психологический уход за ребенком. — М.: Либроком, 2010.

Зигмунд Фрейд

В Библиотеке Конгресса хранятся архивы Зигмунда и Анны Фрейд, но некоторые их материалы засекречены. Последний секретарь Анны Фрейд Джина Ле Бон дала мне интервью. Воспоминания о Фрейде как об отце взяты в основном из книги его сына Glory Reflected.

Bernays Freud, Anna. *Eine Weinerin in New York.* Aufbau Verlag, 2005.

Berthelsen, Detlef. *La Famille de Freud au jour le jour: Souvenirs de Paula Fichtl.* Presses Universitaires de France, 1991.

Cohen, David. *The Escape of Sigmund Freud.* Robson Press, 2010.

Cohen, David. *Freud on Coke*. Cutting Edge, 2011.

Coles, Robert. *Anna Freud: The Dream of Psychoanalysis*. Da Capo Press, 1993.

Freud, Anna. 'On Beating Fantasies', *International Journal of Psychoanalysis*, 4, 89–102, 1923.

Freud, Clement. *Freud Ego*. BBC Books, 2001.

Freud, Martin. *Glory Reflected:* Sigmund Freud-Man and Father By His Eldest Son. Angus and Robertson, 1953.

Freud, Sigmund, ed. by Ernst Freud. *Letters of Sigmund Freud, 1873–1939*. Hogarth Press, 1961.

Jones, Ernest. *The Life and Work of Sigmund Freud*. Basic Books, 1953.

Roazen, Paul. *Freud and His Followers*. Da Capo Press, 1992.

Schur, Max. *Freud: Living and Dying*. Chatto and Windus, 1972.

Young Bruehl, Elisabeth. *Anna Freud: A Biography*. Yale University Press, 2008.

Фрейд З. Навязчивость, паранойя и перверсия. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006.

Фрейд З. Толкование сновидений. — Мн.: Попурри, 2012.

Карл Юнг

Bair, Deirdre. *Jung: A Biography*. Little Brown, 2003.

Clark-Stern, Elizabeth. *Out of the Shadows: A Story of Toni Wolff and Emma Jung*. Genoa Press, 2015.

Covington, Coline, Wharton Barbara, editors. *Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis*. Routledge, 2010.

Coward, Noel. *Blithe Spirit*. Samuel French, 1941.

Ernst, Edzard. 'A Tribute to Prince Charles, champion of anti-science, on his 65th Birthday', http://edzardernst.com/2013/11/a-tribute-to-prince-charles-champion-of-anti-science-on-his-65th-birthday/.

Hogenson, George. *Jung's Struggle with Freud*. Chiron, 1994.

Gaudissart, Imelda. *Love and Sacrifice: The Life of Emma Jung*. Chiron, 2008.

Jones J.D. F. *The Storyteller: The Many Lives of Laurens Van Der Post*. Scribners, 1997.

Jung, Carl. *Studies in Word-Association*; Heinemann, 1918.



Jung, Helene. *La vierge au donateur*. Courtot Press, 1923.

Orbach, Susie. *Fat is a Feminist Issue*. Arrow, 2006.

Winnicott D.W. 'Review of Jung's Memories', *The International Journal of Psychoanalysis*, 450–556, 1964.

Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. — М.: АСТ, 2006

Фрейд З. Толкование сновидений. — Мн.: Попурри, 2012.

Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. — М.: Инициатива, АСТ-ЛТД, 1998.

Юнг К. Красная книга. Liber Novus. — М.: Клуб Касталия, 2011.

Мелани Кляйн и ее дочь

Glover, Edward. *On the Early Development of Mind*. Transaction, 2009.

Klein, Melanie, ed. by Juliet Mitchell. *The Selected Melanie Klein*. Penguin, 1986.

Kristeva, Julia. *Melanie Klein*. Columbia University Press, 2004.

Schmideberg Melitta. 'The Play Analysis of a Three Year old Girl', *International Journal of Psycho-Analysis*, vol 66, 245–64, 1934.

Schmideberg, Melitta. 'After the Analysis', *Psychoanalytic Quarterly*, vol. 7, 122–142, 1938.

Schmideberg, Melitta. *Children in Need*. Allen and Unwin, 1948.

Segal, Hanna (1989) Klein; Other Press

Wright, Nicholas (2009) Mrs Klein; Nick Hern Books

Кляйн М. Детский психоанализ. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010.

Жан Пиаже

«Автобиография» Жана Пиаже опубликована в издании A History of Psychology in Autobiography (Clark University Press, 1952).

Bringuier, Jean Claude. *Conversations with Jean Piaget*. University of Chicago Press, 1989.

Cohen, David. *The Development of Play*. NYU Press, 1989.

Crawford, Marion. *The Little Princesses:* The Story of the Queen's Childhood by her Nanny. Orion, 2003.

Piaget, Jean. 'Un moineau albino', *Le Rameau du Sapin,* vol. 41, p. 36, 1909.

Piaget, Jean. Play, Dreams and Imitation in Childhood. Norton, 1962.

Schepeler, Eva. 'Jean Piaget's experiences on the couch: some clues to a mystery', *International Journal of Psychoanalysis*, 74, 255–273, 1993.

Пиаже Ж. Психология интеллекта. — СПб.: Питер, 2004.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. — М.: РИМИС, 2008.

Бенджамин Спок

Подробная биография Спока: Thomas, Maier. Dr Spock: An American Life. Houghton Mifflin Harcourt, 1998.

Spock, Benjamin. *A Teenager's Guide to Life and Love*. Pocket Books, 1970.

Интервью с Майклом Споком 'My Father Dr Spock', *Ladies' Home Journal,* May 1968.

Спок Б. Ребенок и уход за ним. — Мн.: Попурри, 2014.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. — СПб.: Питер, 2017.

Джон Боулби

Benney, Mark. *Low Company*. Caliban, 1936.

Bowlby, John. 'Forty-four juvenile thieves: Their characters and home life', *International Journal of Psychoanalysis*, 25 (19-52), 107–127, 1944.

Bowlby, John (1997); Attachment and Loss; Pimlico

Bowlby, John and Ainsworth, Mary. *Child Care and the Growth of Love*. Penguin, 1953.

Cohen, David. 'Interview with John Bowlby', *New Scientist*, September 9, 1971.

Cohen, David and MacKeith, Stephen. *The Development of Imagination*. Routledge, 1992.

Holmes, Jeremy. 'Something is there that doesn't love a wall: John Bowlby, attachment theory, and psychoanalysis' in *Attachment Theory: Social, Developmental, and Clinical Perspectives*. Analytic Press, 1995.

Newland L. A and Coyl D. 'Fathers' role as attachment figures: an interview with Sir Richard Bowlby', *Early Development and Child Care*, 180, 25–32, 2010.

Riesman, David. The Lonely Crowd. Yale, 1967.

Беррес Скиннер

Cohen, David. *Psychologists on Psychology*. Routledge, 2014.

Skinner, B.F. *Particulars of My Life*. Knopf, 1976.

Skinner B.F. *Walden Two*. Hackett Press, 2005.

Skinner D.B. 'I was not a lab rat', *The Guardian*, March 12, 2004.

Slater K (2003) Opening Skinner's Box; Bloomsbury

Vargas Julie (1970) interview in *Norsk Tiddskrfit fro Atferanalyse*, pp. 119–126

Слейтер Л. Открыть ящик Слейтера. — М.: АСТ, 2011.

Рональд Лэйнг

Burston, Daniel. *The Wing of Madness*. Harvard University Press, 1990.

Clare, Anthony. *Psychiatry in Dissent:* Controversial Issues in Thought and Practice. Tavistock, 1976.

Cohen, David. *Psychologists on Psychology*. Routledge, 2014.

Cooper, David. *The Death of the Family*. Pelican, 1972.

Dinnage, Rosemary. 'The Rise & Fall of a Half-Genius' a review of Burston the Wing of Madness, *New York Review of Books*, vol 18, no 43, 1996.

Firestone, Robert. *Compassionate Child Rearing* (with an introduction by R. D Laing). Glendon, 1990.

Laing, Adrian. *R. D Laing; A Life*. Harper Collins, 1997.

Laing, Adrian. *Rehab Blues*. Gibson Square Books, 2013.

Laing, R.D. *Do You Love Me? An Entertainment in Conversation and Verse*. Random House, 1976.

Laing, R.D. *Conversations with Adam and Natasha*. Pantheon, 1977.

Laing, R.D. *Wisdom, Madness and Folly: The Making of a Psychiatrist*. Macmillan, 1985.

Laing, R. D and Cooper, D. *Reason and Violence: A Decade of Sartre's Philosophy, 1950–1960*. Tavistock Publications Ltd., 1964.

Лэнг Р., Эстерсон А. Безумие. Семейные корни. — Мн.: КнигоМир, 2012.

Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». — СПб.: Белый Кролик, 1995.

Лэйнг Р.Д. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. — Львов: Инициатива, 2005.

Карл Роджерс

Cohen, David. *Carl Rogers: A Critical Biography*. Constable, 1999.

Cornelius-White, Jeffrey. *Carl Rogers: The China Diary*, with an introduction by Natalie Rogers; Createspace, 2012.

Kirschenbaum, H. *Carl Rogers*. PCCS books, 2010.

Rogers, Carl. *The Clinical Treatment of the Problem Child*. Houghton Mifflin, 1939.

Rogers, Carl (ed.), Dymond, Rosalind (ed.). Psychotherapy and Personality Change: Co-Ordinated Research Studies in the Client-Centered Approach. University of Chicago, 1954.

Rogers, Natalie. *A Daughter's Tribute*; CD ROM available from Psychotherapy.net, 2002.

Роджерс К. Брак и его альтернативы. — М.: Этерна, 2006.

Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. — М.: Рефл-бук, 1998.

Роджерс К. Консультирование и психотерапия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.

Заключение

Howatch, Susan. *Glamorous Powers*. Harpers, 1996.

Kreitman N, Carstairs V, Duffy C. 'Association of age and social class with suicide among men in Great Britain', *Journal of Epidemiology Community Health,* September, vol 45, 195–202, 1991.

Roe, Anne. *The Psychology of Occupations*. John Wiley, 1958.

Коэн Дэвид

РУКИ МЫЛ?

Родительский опыт великих психологов

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *Л. Разживайкина*
Корректор *Е. Аксёнова*
Компьютерная верстка *К. Свищёв*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Иллюстрация на обложке *Robert Zeta/offset.com*

Подписано в печать 15.09.2017.
Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 16,0 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблишер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7(495)980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 16+

«Альпина Паблишер» рекомендует



Страх близости

Как перестать защищаться и начать любить

Илсе Санд, пер. с дат., 2017, 134 с.

Чрезмерно сдерживая соственные чувства, мы делаем свою жизнь безрадостной.

О чем книга

Человеческая психика устроена милосердно: мы забываем слишком неприятные и болезненные ситуации и эмоции, чтобы жить нормально. Однако нормально — не значит счастливо. За высоким забором сложно увидеть красоту мира и трудно завязать знакомство с новыми людьми.

Датский психотерапевт Илсе Санд на примерах из жизни объясняет, как разные варианты психологической защиты не помогают, а, напротив, мешают нам жить полной жизнью и как можно от них избавиться. Прочитав эту книгу, вы поймете, как то, что вам говорили в детстве и юности, может влиять на ваши сегодняшние поступки и решения. Возможно, вы осознаете скрытые причины своих переживаний и наконец позволите вашим родным и близким стать по-настоящему родными и близкими вам людьми.

Эта книга, конечно же, не заменит вам психолога, но она поможет сделать шаг навстречу людям и собственному счастью.

Почему книга достойна прочтения

- Стратегия «лучшая защита — нападение» не всегда подходит для мирных отношений; прочитав книгу вы научитесь распознавать бесполезные механизмы защиты.
- Иногда бывает очень полезно разобраться в истинных причинах своих поступков и желаний — Илсе Санд поможет вам в этом.
- Многолетний опыта автора — ценный источник знаний и советов.

Кто автор

Илсе Санд — датский писатель и психотерапевт, окончила Орхусский университет, получила степень по теологии, защитив диссертацию по философии Карла Юнга и Сёрена Кьеркегора.

«Альпина Паблишер» рекомендует



На крючке

Как разорвать круг нездоровых отношений

Ауд Далсегг, Ингер Вессе, пер. с норв.,
2-е изд., 2017, 274 с.

О чем книга

Истеричный начальник держит в страхе весь офис? Лучший друг заставляет плясать под свою дудку? Муж — тиран? Жена — манипулятор? Родителям никогда невозможно угодить? Ребенок вымогает деньги и обвиняет вас в своих неудачах? Если вы пребываете в постоянном нервном напряжении, чувствуете себя жалким и никчемным, а то и вовсе испытываете страх перед тем, с кем вы живете или работаете, то, возможно, вы попали под влияние психопатической личности.

В книге описаны разные типы таких личностей. Авторы приводят примеры наиболее типичных случаев попадания жертв к психопатам «на крючок» и предлагают действенные способы спасения даже из патовых ситуаций.

Почему книга достойна прочтения

- Советы авторов помогут уберечь себя от психологического давления и унижения.
- Если вы испытываете страх перед тем, с кем вы живете или работаете, перед членом семьи или коллегой, то это — признак нездоровых отношений книга поможет расставить все точки над i в отношениях с агрессором.
- Авторы подсказывают, как найти выход даже из тупиковой ситуации.
- В книге есть тест на выявление психопатов вокруг вас.

Кто авторы

Ауд Далсегг — журналист, много лет занимается темой домашнего насилия, проблемами психопатических личностей и их жертв.
Ингер Вессе — юрист, оказывала поддержку и помощь людям, оказавшимся в сложных отношениях, ставшими жертвами домашнего насилия и моббинга.

TRY THE BOOK



“ Клемент Фрейд [внук Зигмунда Фрейда] поведал забавную историю о поездке в Китай во время «культурной революции» в составе парламентской миссии. Клемент отправился туда вместе с молодым Уинстоном Черчиллем [внук премьер-министра Уинстона Черчилля], тогда членом парламента от Консервативной партии Стретфорда.

В последний день китайский министр информации спросил Клемента Фрейда, есть ли у него какие-либо вопросы. Тот ответил: «Да. Вы ко всему подходите с особой тщательностью и пунктуальностью... Сейчас я нахожусь в вашей стране с коллегой — я его старше, дольше заседаю в парламенте, занимаю более высокое положение в политической партии. Мы оба живем в отеле Peking Palace, а номер у него больше, чем мой. Почему?» Весьма смущенный министр ответил: «Потому что у мистера Черчилля знаменитый дедушка».

«Это был единственный раз, когда чей-то дедушка обошел моего», — написал Клемент. Осмелюсь предположить, что Фрейду тоже понравилась бы эта острота. ”